

И. С. АНДРЕЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. Г. ОРДУБАДЫ

~~K 894 (382)~~
~~0-704~~

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Э. Ф. АКУНДОВЫЙ
Творчество Расуллы
Тыныш-Челекханлы
1950. 98

Баку • АЗЕРНЕСР • 1950

17208
1999638

1-6288635

Ш 5 (2 = Аз) + Азз

ИДАНДИЧО М.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ М. С. ОРДУБАДЫ

(1872—1950 гг.)

Большой и сложный творческий путь пройден старейшим писателем реалистом Советского Азербайджана Мамед Саидом Ордубады (1872 - 1950 гг.). Ордубады начал свою литературную деятельность с поэзии, но потом перешел на прозу. Первое его стихотворение, где автор призывает читателя к просвещению, было напечатано в 1904 году в газете „Шарги рус“ (1903—1904 гг.). С того времени, за свою почти полувековую литературную деятельность М. С. Ордубады (Ордубад—город, где родился писатель) создал множество произведений самых различных жанров—стихотворений, комедий, драм, водевилей, рассказов, фельетонов, романов. Представитель передовой демократической литературы Азербайджана начала XX века, Ордубады тем не менее на протяжении ряда лет отдавал дань традициям классической восточной поэзии. Он писал, главным образом, лирические стихи, газели, четверостишия.

Революция 1905 года помогла поэту осознать устарелость традиционной схоластической поэзии и несоответствие ее требованиям эпохи.

После первой русской революции Ордубады вплотную подходит к актуальным общественным темам того времени. Писатель, назвавший одну из первых своих книг „Отсталость“ (1906 г.), а другую— „Отчизна и свобода“ (1907 г.), с чувством глубокой горечи говорил о фанатизме, невежестве и суеверии, опутавших весь Восток, в том числе и дореволюционный феодально-патриархальный

Азербайджан. „Это нетерпимо и недопустимо!“ — страстно протестовал писатель. — „Так не должно быть. Так не будет!“

Что же привело родину и народ к этому безрадостному состоянию? Где надо было искать спасение? Тогда Ордубады, еще не знавший и не понимавший законы и динамику общественного развития, не мог ответить на эти насущные социально-политические вопросы. Правда, он беспощадно бичевал суеверие и фанатизм, неустанно звал людей к новому, к прогрессу, но эти призывы носили слишком общий, абстрактный, неопределенный характер.

В начале первой русской революции идейная направленность творчества писателя — более или менее определена. Когда в Тифлисе начал выходить сатирический журнал „Молла Насреддин“ (1906 год), М. С. Ордубады решительно примыкает к реалистической школе азербайджанского сатирика, демократа Джалила Мамедкулизаде. Именно тогда Ордубады начинает глубоко осознавать, что настоящая свобода останется пустой мечтой, если будут существовать самодержавие, капиталисты и помещики. Так же как Мамедкулизаде, Ордубады видит в лице духовенства злейшего врага трудящихся, опору старого мира — мира угнетения и эксплуатации. И вот, рука об руку с организаторами и видными сотрудниками журнала „Молла Насреддин“, в частности — с революционным сатириком Сабиром, он начинает активную борьбу против царского, беко-ханского гнета и религиозного фанатизма. Сатирическая поэзия Ордубады, разоблачающая духовенство, беков, ханов, разоблачающая религию, тогда имела огромное социально-воспитательное значение. Она содействовала пробуждению общественного самосознания трудящихся, прививала им критическое отношение к вековым реакционным традициям и отсталости. С неослабевающей энергией Ордубады продолжал свою творческую деятельность в этой области и после установления

советской власти в Азербайджане, когда борьба против пережитков прошлого, против религиозного суеверия приобрела особенно острый характер. Накануне социалистической революции Ордубады был участником борьбы за освобождение трудящихся от царского и буржуазно-помещичьего гнета. В 1918 году он вступил в ряды нашей партии и активно работал в большевистской печати. С 1923 года по 1930 год Ордубады редактировал газету „Ени Ел“. Часто выступал в партийной печати со своими острыми фельетонами в стихах, беспощадно бичуя остатки старого мира. Сатирические сборники писателя „Сон муллы“, „Десять дней“, „В деревне появился трактор“ и др. пользовались успехом у советских читателей.

До 1930 года Ордубады был известен читателю, главным образом, как поэт. Но творчество его не ограничивалось лирическим или сатирическим жанрами. Из произведений, характеризующих Ордубады как представителя новой поэзии, особенно следует отметить стихотворение „Ленин“.

Стихотворение, посвященное писателем памяти бессмертного Ленина, является одним из лучших поэтических произведений Ордубады. Во вдохновенных строках поэт сумел отразить неразрывную связь жизни и борьбы вождя с судьбой и счастьем всего трудящегося человечества, показать беззаветную любовь народов к родному Ильичу — основоположнику большевистской партии и советского государства.

Первый роман писателя — „Несчастный миллионер“ или „Рза-Гулу хан“ (1907 г.) интересен не только с точки зрения характеристики дореволюционного творчества Ордубады, но и вообще с точки зрения развития художественной прозы

в Азербайджане. Роман, как жанр, был тогда совершенно новым явлением в нашей литературе.

Первые образцы этого жанра, в том числе и роман Ордубады, не были свободны от подражания и примитивных приемов повествования.

Герой романа — молодой помещик Рза-Гулу-хан, получивший образование в Европе, возвращается в Тавриз, на родину, полный жажды общественной деятельности, надежда и веры в будущее. Он мечтает провести социальные реформы, начать издание газеты, которая явилась бы рупором новых прогрессивных идей, открыть больницу для бедных, построить железную дорогу, добиться процветания промышленности, словом — всемерно бороться за развитие культуры в родной стране. Вначале эти мероприятия, якобы зависящие только „от денег и щедрости“, кажутся миллионеру Рза-Гулу-хану просто и легко осуществимыми. Но вскоре он убеждается в обратном. Идеалистические реформистские стремления Рза-Гулу-хана сталкиваются с реальными феодальными силами — живыми носителями восточного деспотизма и невежества, закрывающими стране и народу все пути к свету. Рза-Гулу-хан терпит поражение не только на общественном поприще, но и в личной семейной жизни. Он даже не может воспрепятствовать продаже своей любимой дочери. Он не в состоянии противостоять врагам. Его мечты и идеалы скоро рушатся.

Образ Рза-Гулу-хана во многом близок образам прогрессивных молодых людей, составляющих целую галерею типов в азербайджанской дореволюционной реалистической литературе. Это — Фахреддин из пьесы „Трагедия Фахреддина“ (Везирова), Фархад из пьесы „Несчастный юноша“ (Ахвердова), Искендер из пьесы „Мертвецы“ (Дж. Мамедкулизаде) и др. Все они — молодые помещичье-буржуазные и мелко-буржуазные интеллигенты, воодушевленные новыми стремлениями, не примирившиеся со старым миром, с паразитической социаль-

ной средой. Но эти люди далеки от народа и лишены возможности осуществить свои идеалы. Мечты их беспредельны, а действия — скованы. Не зная законов общественного развития и действуя в одиночку, они перед феодальным строем оказались бессильными и беспомощными.

Рза-Гулу-хан интересен не только тем, что характеризует собой интеллигенцию зажиточных классов Южного Азербайджана того времени. В известной мере он отражает идейные противоречия и пороки самого писателя. Все положительное и отрицательное в мышлении Рза-Гулу-хана, если внимательно присмотреться, отражает процесс и трудности идейного роста Ордубады в период создания им названного романа.

Но в романе Ордубады эта душевная боль и печаль отнюдь не делают героя пассивным, покорным. Ордубады стремился создать возвышенный образ трагического героя, жизнь и гибель которого глубоко волнуют читателя.

В романе Ордубады имеются и некоторые недостатки в художественном отношении (преобладание характера биографичности, однообразие речи, некоторая статичность, недоработанность образов и т. д.). Несмотря на это, книга завоевала в свое время популярность среди читателей.

Большевистская партия и советский строй помогли писателю решительно освободиться от идейных пороков и стать на революционный путь в своем творчестве. Его творчество развивалось по настоящему именно в годы советской власти.

Большой успех выпал на долю исторических романов Ордубады, изданных в период с 1931 по 1945 г. г. („Тавриз туманный“, „Борющийся город“, „Меч и перо“).

До Ордубады азербайджанская литература не знала жанра исторического романа. Несмотря на скудность исторических материалов и исследований, Ордубады уверенный в своих силах, не побоялся

в этих трудностей, смело взялся за создание исторических романов.

В своем известном четырехтомном историческом романе „Тавриз туманный“ (1931—1936 г. г.) Ордубады отображает один из наиболее ярких периодов истории революционного движения в Тавризе—центральном городе Азербайджана в 1906—1911 г. г. Успех этого произведения среди азербайджанских и русских читателей вполне понятен. Он обусловлен, прежде всего, исторической правдой, смелостью и многогранностью художественного изображения людей. Героем романа является легендарный Саттар хан, который своей упорной борьбой против шаха и его правительства привлек внимание великого Ленина. В. И. Ленин назвал Саттар хана „вождем революционных войск“ в Тавризе. В романе создан живой, разносторонний образ вождя народных масс, пламенного борца против шахского гнета, за свободу и счастье трудящихся. Бесстрашный, мужественный человек, близкий народу, до конца преданный его интересам, Саттар хан завоевывает искреннюю любовь читателя. Немаловажную роль в создании романа сыграло то обстоятельство, что Ордубады сам был непосредственным очевидцем описываемых событий.

Но ценность романа не только в образе Саттар хана. Писатель старается показать нам все сильные и слабые стороны тавризской революции. В частности ему удается отразить участие в этой революции представителей совершенно различных и даже враждующих классов и сословий.

Помощь кавказских социал-демократов тавризской революции, активное участие русских революционеров в движении Саттар хана хорошо раскрываются писателем в образе дочери русского рабочего Нины. Приехавшая в Тавриз с подпольным поручением Нина—глубоко идейный человек, преданный делу революции и народа. Она в короткий срок знакомится с жизнью и обстановкой

в Тавризе, завоевывает авторитет и любовь рабочих и ремесленников Южного Азербайджана, благодаря чему приносит большую пользу делу революции. Кроме главных героев (Саттар хана, Багир хана, Нины, Абульгасан-бека, Зейнаб и др.) писатель вывел в своем романе много эпизодических, но запоминающихся персонажей. В романе разоблачаются турецкие захватчики и грабители, продажные агенты и прислужники капитала в лице английского шпиона шейха, в лице купцов и представителей духовенства.

Второй исторический роман Ордубады „Борющийся город“ (1935 г.) посвящен героической борьбе бакинского пролетариата в 1918 году. Как в этом, так и в последующем романе „Подпольный Баку“ (1936 г.),—несмотря на некоторый бытовизм, писатель изображает героическую революционную борьбу бакинского пролетариата, с большой художественной силой рисует образы верных сынов большевистской партии—Кирова, Шаумяна, Азизбекова и других.

Характерно, что в исторических романах Ордубады социально-политическая борьба всегда оказывается основной, ведущей темой. Наряду с отдельными героями, в романах действует народ, рабочий класс. Читатель узнает о кровных интересах, о целях освободительной борьбы трудящихся масс. Большинство положительных героев Ордубады—коммунисты, партийные работники, профессиональные революционеры. Они сражаются не за личные интересы, а за освобождение, за счастье народа, за дело социализма, самоотверженно поставив этой борьбе всю свою жизнь.

Произведения Ордубады отличаются свободной и ровной формой изложения. Писатель умеет гармонически сочетать описание событий с собственными, авторскими отступлениями, живое изображение жизни с историческими документами, психологическую глубину с сюжетной занимательностью

повествования. Бытовые сцены в произведениях Ордубады всегда живы и колоритны, богаты тонким юмором. Восток, его люди, нравы и обычаи предстают перед нами во всем своем жизненном правдоподобии. Умение взволновать читателя, возбудить в нем чувства любви и ненависти, увлечь острой интригой—всегда и во всем характеризуют творческую манеру Ордубады.

Роман *„Меч и перо“*, изданный писателем в 1946 году, посвящен жизни и деятельности великого азербайджанского поэта Низами, его борьбе за азербайджанскую культуру, за права и счастье своего народа.

В последние годы Ордубады плодотворно работал и в области драматургии. Его пьеса *„Тавриз туманный“* (1944 г.) с успехом идет на сцене Азербайджанского государственного драматического театра. Им же написано либретто оперы Узеира Гаджибекова *„Кер оглы“*. В Азербайджанском театре музкомедии ставились занимательные, остроумные комедии писателя—*„Пятирублевая невеста“* и *„Сердцееды“*.

Наряду с созданием оригинальных произведений, Ордубады занимался также художественными переводами. Им переведены на азербайджанский язык *„Борис Годунов“* А. С. Пушкина и стихи народного поэта советской Армении Акопа Акопяна.

Годы советской власти явились периодом подлинного расцвета творчества Ордубады, плодотворная деятельность которого получила высокую оценку партии и правительства, всего нашего народа. Ордубады был депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, заслуженным деятелем искусств республики. За выдающиеся заслуги в развитии азербайджанской литературы Советское правительство наградило писателя орденом Ленина, орденом *„Знак почета“*, медалями *„За оборону Кавказа“* и *„За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г. г.“*

В настоящий сборник включены избранные лирические и антирелигиозные стихи поэта, небольшие отрывки из романа *„Тавриз туманный“*, а также пьеса *„Тавриз туманный“*.

Мир Джалаля.

ТАВРИЗ ТУМАННЫЙ

ПЬЕСА В 6 ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Саттар хан—сардар (командующий) повстанческой армии, вождь народной революции в Южном Азербайджане.

Багир хан—садар (полководец) революционных войск

Кудрат—руководящий работник штаба восстания.

Зейнаб—сестра Кудрата, командир женских дружин повстанцев.

Джавад ага—командир, муж Зейнаб.

Тутунчи огам—работник штаба восстания.

Дняруб—девушка-революционерка, невеста Кудрата.

Джаванир—девушка-революционерка.

Хаджи Мехти } купцы, члены городского энджуме-
Хаджи Салман } на (муниципального совета).

Мюлькадар (помещик)—ирунный делец и фабрикант.

Даваткяр огам—начальник вооруженного отряда мюлькадара.

Али Дадаш—помощник Даваткяра огам.

Русский консул.

Нина—сотрудница консульства.

Бекю хан—сардар (командующий) иранскими правительственными войсками.

Мамед Джафар—приближенное лицо Бекю хана.

Таги бек—агент Бекю хана в лагере повстанцев.

Дервиш—странствующий монах.

Нищий.

Гадальщик.

Чистильщик обуви.

Муджахиды (повстанцы), крестьяне, рабочие, амбалы (посыльщики грузов), уличные торговцы, слуги мюлькадара.

Бекю хан, офицеры, танцовщицы.

Место действия—Тавриз и его окрестности.

Время действия—1908-й год.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Южный Азербайджан. На севере—река Аракс, на юг—снежные вершины гор, высокие холмы, окутанные туманом. По обе стороны дороги, идущей к югу, разбросаны одноэтажные и двухэтажные домики. Дорога проходит перед имением мюлькадара (помещика). Именно охраниется вооруженными людьми. С севера доносится раскаты оружейных выстрелов. По дороге, приближаясь к имению, длинной вереницей идут амбалы, согнувшись под тяжестью огромных тюков, которые они несут на спине. Рядом шагают купцы Хаджи Салман и Хаджи Мехти.

Хаджи Салман (*обращаясь к своему спутнику*). Нет, Хаджи Мехти ага, стало совсем невозможно заниматься торговлей в этой стране.

Хаджи Мехти. Я подумал—ты сказал, Хаджи Салман ага. Крестьяне тут не знают уважения, рабочие ненавидят всех, у кого звенит кое-что в кошельке.

Хаджи Салман. „Не хочу паать подати и налоги!“ Да где же и когда можно было слышать такие речи?

Хаджи Мехти. Народ сошел с ума... Видно, алах проклял нас. Товар мокнет под дождем. А тут еще вот грохот пушек, сотрясающий мир... (*Помолчав.*) Только бы доставить эти товары в Тавриз.

Хаджи Салман (*бросая опасливый взгляд в сторону имения*). Хаджи Мехти ага, тут опасно задерживаться. Пойдем скорее! (*Амбалам.*) Шагайте, дорогие, шагайте. Только бы доставить эти грузы в Тавриз.

Хаджи Мехти. Шагайте, шагайте, милые. Не бойтесь, да сохранит вас аллах от меча и пуга.

Хаджи Салман. О, я буду вашим слугой, только поторапливайтесь! Мы же не глауры какие-нибудь, — за платой не постонм.

Хаджи Мехти. Скорее, родные, скорее! Раз-ве это дело, когда товар жокнет под дождем?

Хаджи Салман. Жизни не пожалею для вас, дорогие, спешите!

Вооруженные слуги мяулькадара ведут к имению женщины, деушек и стариков. Толпа преграждает путь носильщикам и купцам.

Али Дадаш (прикладом винтовки расталкивая людей, сбежавшихся к имению). Дорогу! Чего уставились? Будто сроду арестованных не видали.

Арестованных останавливают перед воротами имения.

Али Дадаш (заметив носильщиков, кричит одному из них). Эй, пареня! Не революционерам ли принадлежат эти товары?

Хаджи Салман (своему спутнику). Хаджи Мехти, о чем он говорит? Не дай бог, чтобы они принадлежали революционерам.

Али Дадаш. Я спрашиваю: кто владелец этих товаров?

Хаджи Мехти. Я, Хаджи Мехти ага Кузе Кунани, покорный раб твой.

Хаджи Салман. Я, Хаджи Салман ага Шишкилани, смиренный раб твой.

Мяулькадар (выходя из ворот). Али Дадаш, это жители всей деревни?

Али Дадаш. Не прогневайся, ага! Я пригнал сюда всех, кто способен ходить. В деревне остались только старики, больные да малые дети.

Мяулькадар. Что же это — бабья деревня? А где мужья этих женщин?

Али Дадаш. Все, кто может держать в руках ружье или топор, ушли к Саттар хану.

Мяулькадар (звеню). К Саттар хану?.. А где разбойница Зейнаб? Ты не мог притащить ее сюда, вместо этих старух?

Али Дадаш. Клянусь головой моего господина, эта дрянная девчонка неуловима. Даваткяр оглы с нашими людьми погнался за ней.

Мяулькадар (к толпе крестьян). Я революционер по самой природе. Но что мне делать с вами, если природа создала вас низкими тварями?

Али Дадаш. Верно, господин! Низкая тварь всегда ею и останется.

Мяулькадар. Я хотел жить с вами в мире. Но вы этого, видимо, не хотите. Вы послали своих сыновей и мужей в армию муджахидов Саттар хана. Не ждите тогда от меня ничего хорошего...

Али Дадаш (прерывая мяулькадара). Вон ведут эту разбойницу Зейнаб.

Общее движение. Все оборачиваются, смотрят вдаль.

Мяулькадар. Женщины у них такие же подлые твари, как и мужчины.

К имению сбегается все больше народа, чтобы посмотреть на Зейнаб.

Али Дадаш. Посторонись! Дайте дорогу! Вот, ей-богу, будто сроду разбойников не видали!

Даваткяр оглы со своим отрядом подводит к воротам имения Зейнаб, одетую по-мужски, со связанными за спиной руками. Растрепанные косы ее, закрывая часть лица, лежат на груди.

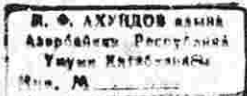
Даваткяр оглы (бросая Зейнаб к ногам мяулькадара). Клянусь честью, ага, пока я ее поймал, совсем обессилел. И сколько же времени можно бежать?..

Али Дадаш. А зачем голову завязал?

Даваткяр оглы. Умереть мне, если я вру, мерзавка чуть не разбила мне голову прикладом винтовки.

Продолжение

530879-1

Мюлькадар. Ничего. Она получит по заслугам. Мы примерно накажем ее.

Зейнаб. Наказывать вы мастера. Палачи! Кто ждет от вас хоть крупицу добра?

Мюлькадар. Замолчи! Я вырву поганый язык твой! Повешу, как собаку!

Зейнаб. Смерть меня не страшит. Что мне дала жизнь, чтобы бояться смерти? Обидно только, что попала я в руки таких негодяев.

Даваткяр оглы (Али Дадашу). Вот так и всю дорогу. Не язык, а бритва.

Мюлькадар. Ведите ее в Тавриз. Там мы повесим ее на площади. Пусть Саттар хан попробует притти ей на помощь. (Оборачиваясь к арестованным.) А этих выгнать из деревни! Дома разграбить и сжечь.

Даваткяр оглы. Вот это по мне.
Мюлькадар. Ведите! (Даваткяр оглы.) Ты оставайся здесь.

Люди мюлькадара уводят арестованных.

Дильрубa (подходя к Зейнаб, тихо оклапывает ее). Зейнаб!

Зейнаб. Скорее в деревню. Спасите старух, больных... Да ребенка... ребенка моего заберите...

Дильрубa. Не беспокойся, все сделаю! (Хочет уйти.)

Зейнаб. Постой!. Напиши обо всем брату! Баку, раманинские промысла... И сама уезжай туда. Тебя тут замучают.

Дильрубa. Хорошо. (Уходит.)
Даваткяр оглы (Али Дадашу). Видишь эту девушку? Вглядись и запомни. Потом арестуешь и доставишь сюда... Ведите Зейнаб!

Зейнаб уводит.

Хаджи Мехти. Вот от таких людей и все зло. Это из-за них склады остаются закрытыми, а весы и аршинны в лавках покрываются пылью.

Хаджи Салман (толкая его в бок). Помни, друг, где ты находишься.

Хаджи Мехти. Ну да, я же говорю: одни губят других. Весы—лавочника, аршин... Ну, а склады имеют, конечно, дверь...

Даваткяр оглы. Как? Что ты сказал?

Хаджи Салман. То и говорю: мы купцы—он помещик. Он лучше знает своих крестьян. А мы лучше знаем своих покупателей.

Хаджи Мехти. Конечно... Руки мужиков—веревка господина мюлькадара. Он лучше знает, кого наказать, кого отпустить на волю.

Хаджи Салман. Не нам вмешиваться в подобные дела.

Хаджи Мехти. Так и я о том же. Нож мясника—шкура овцы. Сдерет он ее или нет—не наше дело.

Хаджи Салман. Верны твои слова. Небо принадлежит аллаху.

Хаджи Мехти. Страна—падишаху.

Хаджи Салман. Земля—мюлькадару.

Хаджи Мехти. А торговля—нам.

Даваткяр оглы (прохаживаясь перед воротами). Не стойте здесь. Делить мир идите куда-нибудь подальше.

Хаджи Салман. Слушаем и повинемся. (Уходя.) Что там ни говори, аллах—это аллах, падишах—это падишах...

Оба. А революция—это революция.

Амбалы (проходя мимо, монотонно поют)

Земля эта—наша родная земля,

Она полита потом и кровью.

Даже у неба согнута спина.

Смерть—нашей жизни родная сестра.

Хаджи Мехти (амбалам). Вы хотите революции? Я согласен, давайте будем делать. (Хаджи Салману.) Почему ты молчишь? Ты революционер или нет?

Хаджи Салман (*опасливо оглядываясь по сторонам*). Могу быть, могу и не быть,—кому до этого дело? А если быть...

Хаджи Мехти. ... то, конечно, с условием: товары мои неприкосновенны, я сам буду торговать ими...

Хаджи Салман. ... продавать свой чай, сахар, перец, миндаль...

Хаджи Мехти. ... и молиться аллаху, и пост держать строго...

Хаджи Салман. ... и в Кербалу буду ездить, и в Хорасан мой, и в Мекку...

Хаджи Мехти. ... и делать свою революцию...

Хаджи Салман. ... и контрреволюцию тоже. Хаджи Мехти. Хэй, молодец. Да ты же и есть самый настоящий революционер.

Хаджи Салман. До последнего дыхания буду им.

Хаджи Мехти. И я тоже. До последней молитвы. А в самом деле! Не зря же мы проливали кровь? Почему нам не быть революционерами?

Хаджи Салман. Нельзя не быть.

Хаджи Мехти. Мы уже стали.

Хаджи Салман. И все будут.

Даваткяр оглы (*неожиданно появляясь за их плечами*). Кем будут?

Оба. Контрреволюционерами.

Даваткяр оглы. Вот это дело.

Хаджи Мехти. Не быть ими нельзя.

Хаджи Салман. Я, конечно, контрреволюционер. Но с условием.

Хаджи Мехти. Да, да. Обязательно с условием. Чтобы ты не задевал мою торговлю...

Хаджи Салман. ... мой сахар...

Хаджи Мехти. ... мой чай...

Хаджи Салман. ... мою лавку...

Хаджи Мехти. ... мои весы...

Хаджи Салман. ... мою кассу...

Хаджи Мехти. ... мой склад...

Оба. Ну, прощай.

Уходят. Появляются Кудрат и Тутунчи оглы с чемоданами в руках.

Кудрат. Десять лет прошло, как я покинул эти места. (*Оглядывается вокруг себя*.) Древние, седые горы, плодородные поля и луга... Ганлычай, извиляющийся змеей по равнине... Аракс, разделивший надвое единое сердце,—чего только не видел ты? Сколько ужасов, сколько крови?..

Даваткяр оглы. Эй, парень! Кто вы, я не знаю, но тут нечего речи всякие говорить. Проходите!

Тутунчи оглы. Путники мы. С чужбины в родные края возвращаемся.

Даваткяр оглы. В Тавриз никого не пропускают,

Кудрат. Почему?

Даваткяр оглы. Таков приказ. Стреляют, вон, слышите?

Тутунчи оглы. Ну и пусть. Не сидеть же нам тут на дороге?

Даваткяр оглы. Тогда переправляйтесь на ту сторону Аракса.

Кудрат. На чем?

Даваткяр оглы. Уж не прикажете ли ради вас осушить реку?

Кудрат. Не будь слез азербайджанского народа, Аракс давно высох бы.

Даваткяр оглы. Чудные вы люди. Что вы—не слышите, как грохочут пушки?

Кудрат (*прислушиваясь*). Утро и ночь сцепились друг другу в горло.

Даваткяр оглы (*подходит ближе*). Это Саттар хан идет.

Тутунчи оглы. А кто он такой?

Даваткяр оглы (смеется). Что мне сказать тебе, чужеземец? Поживешь здесь, узнаешь, кто такой Саттар хан. (Видя приближающегося Али Дадаша, говорит про себя). Дурак. С пустыми руками возвращается...

Подходит Али Дадаш.

Даваткяр оглы. Ты что пришел?

Али Дадаш. Выполнил приказ господина.

Даваткяр оглы. А где же та, другая?

Али Дадаш. Исчезла из глаз и словно сквозь землю провалилась.

Даваткяр оглы. Эх... Раз в жизни попрощай тебя, и ты...

Али Дадаш. А что я мог сделать?.. Не огорчайся. Я поручил ребятам, — найдут. Успеешь еще натешиться.

Даваткяр оглы. Куда же она могла уйти? Оба берега Аракса в наших руках... Боюсь, достанется она другому. А я из-за нее только и сижу в этой проклятой дыре.

Кудрат (наклоняясь к уху Тутунчи оглы). Слышишь? Охотятся за крестьянскими девушками. Значит, идет у нас борьба не только за землю, воду и жизнь, но и за честь.

Люди мьялкадара ведут Дильрубю, которая прижимает к груди ребенка.

Али Дадаш (оборачиваясь к Даваткяр оглы). Видишь? Попалась птичка... Магарыч с тебя.

Кудрат (Тутунчи оглы). Дело нашей чести вырвать девушку из лап этих зверей.

Даваткяр оглы. Что это за ребенок? Вы не могли расправиться с ним?

Али Дадаш хочет отпить ребенка, Дильруба сопротивляется.

Дильруба. Изверги! Убейте меня, но не троньте ребенка. Он ни в чем неповинен.

Али Дадаш. Дай сюда! „Неповинен...“ Его отец присоединился к Саттар хану, — значит, повинен. (Вырывает ребенка и бросает на землю. Затем пытается подтащить девушку к Даваткяр оглы)

Дильруба (сопротивляясь). Умоляю тебя, лучше убей...

Даваткяр оглы. Что ты шумишь, девушка? В чем дело? Где ты найдешь себе мужа лучше меня? Подойди ко мне. Твое счастье в моих руках.

Дильруба. Прочь, негодяй!

Кудрат (подходит). Что вы хотите от этой девушки?

Али Дадаш. Эй, берегись, парень! Знаешь ли ты, с кем говоришь?

Кудрат. Кто бы то ни был, я требую, чтобы он оставил эту девушку. Надо быть бесчестным человеком, чтобы истязать незащищенную...

Али Дадаш. Не распускай язык... Это сын Даваткяра.

Кудрат. Пусть будет хоть сыном хана, — важно лишь, чтобы он был человеком.

Даваткяр оглы (подходит к Кудрату). Почему вы вмешиваетесь в чужие дела? Убирайтесь отсюда!

Кудрат. Не уйдем, пока не отпустите девушку.

Али Дадаш (хватает Кудрата за ворот). Уходи! Слышишь? Не заставляй нас проливать кровь.

Тутунчи оглы (вносит Али Дадашу пощечину). Убери руку, сын собаки. Ты можешь проливать кровь только незащищенных.

Тутунчи оглы выхватывает револьвер.

Даваткяр оглы (Кудрату). Что тебе нужно здесь?

Кудрат. Чтобы ты оставил в покое девушку, — ничего больше.

Даваткяр оглы. Кто тебе дал право отнять у меня невесту?

Дильруба. Он жлет. Я обручена с другим.

На шум и крики сбегаются крестьяне.

Кудрат (*обращаясь к Даваткяр оглы и Али Дадашу*). Постыдились бы! Где ваша совесть? Весь народ поднялся на борьбу за свободу. А вы... Неужели гром революции не пробудил в ваших сердцах лучших, человеческих чувств?..

Даваткяр оглы (*вооруженным людям охраны, указывая на Кудрата*). Вязите его!

Тутунчи оглы (*направляя на них револьвер*). Прочь, негодяи! Кто подойдет — получит пулю!

Кудрат (*тоже выхватывает револьвер и обращается к крестьянам*). Товарищи, вас лишили земли, воды и свободы. На помощь вам идет Саттар хан. Слышите грохот пушек? Он зовет нас к борьбе.

Крестьяне бросаются на слуг мюлькадара. Амбалы, сбросив свои ножи на землю, присоединяются к ним. Короткая, ожесточенная схватка. Даваткяр оглы. Али Дадаш и вся их вооруженная охрана бегут за ворота. Вслед за ними крестьяне и амбалы устремляются в мечте.

Дильруба. Какие вы смелые, какие добрые! О, благодарю вас! (*Хочет пасть на колени перед Кудратом.*) Если бы не вы, — я, и ребенок погибли бы.

Кудрат. Встань, девушка. Мы боремся против тех, что заставляют целовать им ноги. (*Берет девушку за руку и поднимает. Дильруба откидывает волосы с лица. Кудрат, сразу узнав ее, удивленно.*) О, Дильруба, жизнь моя! Какая ужасная и счастливая встреча... Скажи мне, что случилось? Что у вас тут происходит?

Дильруба (*плачет, положив голову на плечо Кудрата*). Погубили нас проклятые изверги...

Кудрат. Чей это ребенок, Дильруба? Дильруба. Сестры твоей, Зейнаб.

Кудрат. Она... погибла?

Дильруба. Ее давно хотели арестовать. Она скрывалась; воювала в одном из отрядов Саттар хана. Сегодня люди мюлькадара ее поймали и увели в Тавриз.

Тутунчи оглы (*подходя к Кудрату*). Мюлькадара не удалось поймать. Вскочил на коня и ускакал.

В вечернем сумраке вспыхивает зарево пожара. Бегут крестьяне, крестьянки. Еще слышнее доносятся орудийные залпы.

Кудрат (*к народу*). Вперед, на помощь городу революции!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тавриэ. Небольшая площадь перед ковровой фабрикой, переполненная народом. Вокруг фабрики прожигаются вооруженные люди. На площади ставятся виселицы. В толпе стоит разноголосый гамол. Мелочные торговцы, разносчики, лотошники, продавцы всего, в чем нуждается горожанин, громко выкрикивают названия своих товаров.

Продавец кукол. Вот куклы. Лучших нет, — обойди весь свет!

Чайчи. Чай с имбирем, с кардамоном, пей хоть так, хоть с лимоном! Крепкий, сладкий, помогает от лихорадки!

Галантерейщик. Саван! Саван с изречением пророка, сандал, камфарное масло!

Продавец ножей. Ножи, бритвы, бритвы! Остры как мечи для битвы. А вот и хаджамат. Подходи и стар и млад. Пустит кровь, сразу станешь здоров!

Галантерейщик. Все есть, — для женихов и невест!

Лотошник. Сабза-кишмиш, миндаль жареный!

Кондитер. Халва, халва, халва! О ней повсюду молва. Съешь кусочек, — еще захочешь!

Пекарь. Свежий хлеб, свежий чурек. Ешь на здоровье!

Бакалейщик. Вот горох жареный, пареный, с солью вареный! Сегодня продаю, завтра даром отдаю!

Продавец ножей. Пистолет перламутровый, зеркальный кинжал, чтоб друг любовался, чтоб враг убежал!

Молочник. Мацони! Покупайте мацони!
Галантерейщик. Кружева, гребни, зеркала. Расчески для любых бород. Подходи народ!

Кондитер. Кому, кому рахат-лукум! От сладости светает ум. Рахат-лукум, рахат-лукум!

Даваткяр оглы (выходит из ворот фабрики). Наши время торговать... Прочь отсюда! Не видите — виселицы.

Мюлькадар (останавливаясь рядом с ним). Зачем это? Я демократ.

Даваткяр оглы. Господин мой, кажется, изволил сказать неправду.

Мюлькадар. Не захотели спокойно работать. Там разрушили мое имение, здесь — фабрику.

Даваткяр оглы. Требования повысить плату за работу, вот и добились повышения... на виселицу.

Бакалейщик. Саван с изречением пророка, камфарное масло!

Лотошник. Сабза-кишмиш, миндаль жареный!
Даваткяр оглы (лотошникам). Ну, что за безголовые дураки. Сказано вам, — уберите отсюда!

Мюлькадар. Сегодня обращаетесь с народом немного помягче. Сколько будет виселиц?

Даваткяр оглы. По вашему приказанию — пять.

Мюлькадар. Пускай будет побольше. Найдутся еще сотни голов, достойных петли... (Задумчиво.) Да, если пять бунтовщиков не повесишь — пятьсот не образуются. (Даваткяр оглы.) На, повесь вот это объявление на воротах. С сегодняшнего дня и закрываю фабрику. (Уходит.)

Чистильщик обуви. Чистим-блестим, лакируем. Ваксой торгуем!

Чайчи. Чай с имбирем, с кардамоном, пей хоть так, хоть с лимоном. Крепкий, сладкий. Помогает от лихорадки!

Кондитер. Халва, халва, халва!..

Продавец ножей. Ножи, ножницы, бритвы! —
Бакалейщик. Головки для чубука. Кремень
для омонька. А вот и сапожки на луку седла!

Чулочник. Чулки мерендские! Торгую луч-
шим товаром. Старухам — за деньги, красавицам —
даром!

Чистильщик обуви (поет заунывным го-
лосом, легонько выстукивая щетками по своему
ящику, как по барабану):

Рагим хан на Тавриз идет,
Горе тебе, Мамед Али шах.
В Тавризо кровь рекой течет,
Горе тебе, Мамед Али шах!

Даваткяр оглы (ударом ноги отбрасы-
вает ящик чистильщика). Заткни глотку, дурак,
пока я тебе не вырвал язык!

Джавад ага (подходя). Где тут хозяин?
Даваткяр оглы (хватая его за рукав). А ну
постой. Куда прешь? Что это тебе, фабрика или
мечеть?

Джавад ага. А ты что тут распоряжаешься?
Иду, значит надо.

Даваткяр оглы. Стой, тебе говорю. Фаб-
рика закрыта. Видишь объявление?

Джавад ага. Фабрика мне не нужна. Мне
нужен владелец фабрики.

Даваткяр оглы. Гляди ты, какой наглец.
Он говорит о хозяине фабрики, как о каком-нибудь
чайчи Мешади Джафаркули.

Джавад ага. Хватит с меня твоей болтовни.
Зови сюда владельца фабрики, — письмо у меня есть
для него.

Мюлькадар (подходит). Что тут за шум?
(Глядя на незнакомого человека.) Что тебе здесь
нужно? Фабрика закрыта, работы нет, — сколько
раз говорить вам?

Джавад ага. Никто у вас работы не просит.
Я привез вам письмо от сардара. Держите!

Галантерейщик. Курительная бумага, мазь
для обуви!

Бакалейщик. Горох жареный, сабза-кишмиш!
Продавец ножей. Бритвы, хаджамат, ножи,
ножницы!

Чистильщик обуви (поет):

Бабка твоя великая была матерью шаха.
Горе тебе, Мамед Али шах!
А сам ты лишился чести, славы,
Горе тебе, Мамед Али шах!

Мюлькадар. Какой противный голос! (Дават-
кяр оглы.) Убей этого сукина сына.

Даваткяр оглы выхватывает из кобуры револьвер и
стреляет в чистильщика. Тот падает возле своего ящика.
Все бегут.

Даваткяр оглы (пряча револьвер в кобуру).
Проклятые твари. Даже грязный чистильщик у них
смеется над Мамед Али шахом.

Мюлькадар (читает письмо, затем обра-
щается к посланцу Саттар хана). Иди передай
своему сардару мой ответ: разбойница Зейнаб бу-
дет повешена. Она из моих собственных крестьян,
и я вправе распоряжаться ее жизнью. Если бы
год назад мы перевешали этих разбойниц, сегодня
сотни женщин не взялись бы за оружие и не ушли
к Саттар хану.

Джавад ага. Требуется ответ, написанный на
бумаге.

Мюлькадар. Не дорос еще ваш Саттар хан,
чтобы я писал ему.

Джавид (в чадре с закрытым сеткой лицом
подходит к Джаваду, показывая чулки). Будь
осторожен, во дворе фабрики — солдаты-иранцы.

Джавад ага (рассматривая чулки). Нет, те-
тушка, узор чулок мне не нравится... (Шопотом.)
Скажи Саттар хану, что мюлькадар отверг его
требование... Проходи, проходи, не надо мне твоих
чулок. (Уходит.)

Али Дадаш (*подходя к Даваткяр оглы*):
Сегодня Тавриз пахнет кровью.

Даваткяр оглы. Челуха... Ты скажи: узнал что нибудь о Дильрубе?

Али Дадаш. Не прошло и часу, как видел ее в квартале молочников. Клянусь тобой, нет ни одного прохожего, который не задобовался бы на нее. Такую красоту редко встретишь.

Даваткяр оглы. Молчи, не растрывай мои раны.

Али Дадаш. Если бы ты ее видел! Она теперь совсем не та, что в деревне. Тавриз сделал ее неузнаваемой. Нет, Даваткяр оглы, такую красавицу упускать нельзя.

Даваткяр оглы. Али Дадаш, она все представляется мне такой, какой я видел ее в тот день, — поминишь? Будто стоит передо мною и плачет: „Оставь меня в покое, прошу. Все равно я не буду твоей...“ (*Помолчал*). Да, моей она никогда не будет.

Али Дадаш. Не горюй, виселица разрешит и этот спор. Вот наденем петлю на шею Кудрата, — и красotka твоя.

Даваткяр оглы. Вряд ли... Сегодня мы встретимся лицом к лицу с мудхахидами. Али Дадаш, я только перед хозяином хвастаюсь. Ты же знаешь, — перед Саттар ханом мы разбежимся как мыши.

У ворот фабрики останавливается Тутунчи оглы, хмуро смотрит на виселицы.

Али Дадаш. Ну как — хороши штучки? Если есть охота, — пожалуйста.

Тутунчи оглы. Ты последи, чтобы веревки хорошо намылили. Может быть, одна из них тебе самому пригодится.

Али Дадаш. Эй, парень, попрдержки язык.

Хаджи Мехти (*подходит к фабрике вместе со своим другом*). А погода сегодня... (*Взглянув на виселицы*.) Неважная сегодня погода.

Хаджи Салман. Будь погода хорошей, мы остались бы с пустыми карманами. Ты гляди на виселицы, да строй свой расчет: раз в народе волнения, — на зерно, на сахар надо надбавить цену.

Хаджи Мехти. Значит, халвар зерна пойдет сегодня за двадцать пять туманов.

Хаджи Салман. А это — сколько запрошу столько и будут платить. Мое зерно — моя цена.

Хаджи Мехти. Правильно говоришь.

Хаджи Салман. Мир праху твоих родителей... Раз ты это понимаешь, помни: ни хлеба у меня, ни сахара у тебя нет и в помине. Пусть лежит все в амбарах. Всему придет свое время.

Бакалейщик. О, создатель! Я столько тружусь, — пошла мне хорошая прибыль!

Лотошник. О, боже! Ты слепой птичке в гнездо посылаешь пищу, — пошли же мне хоть одного покупателя!

Перед фабрикой собирается большая толпа рабочих.

Даваткяр оглы. Разойдись! Фабрика закрыта. Сколько раз надо говорить? Мешаете только работать.

Тутунчи оглы. Хорошая работа, достойная вас, палачи!

Али Дадаш (*тихо Даваткяр оглы*). Не горячись. Не стоит раньше времени начинать драку.

Гадальщик (*втискиваясь в толпу*). Всем гадаю, кубики кидаю! Сварливым тещам рот замыкаю! Ворожу, краденное нахожу! Чары снимаю, замуж выйти помогаю! Знаю все тайны небес. Владею миром чудес. Родом сам из Тавриза. Со всеми джинами близок! Всего могу добиться. Мужа заставаю в жену влюбиться! В маленький таз плесну водицы, раз, два рукой обведу, все угадаю, все найду! Прошу подходить жителей Тавриза — я со всеми джинами близок!

Тутунчи оглы. Если уж ты так могуч, дай свободу пленникам мьялкадара.

Гадаальщик. Люди, дайте же мне заработать свой кусок хлеба!

Али Дадаш (к рабочим). Нельзя же так, дорогие мои. Вас честью просят: уходите, разоидитесь! Не послушаетесь, придется потом пенять на себя.

Таги бек (подходит к воротам фабрики). Что тут происходит? Что за толпа?

Даваткяр оглы. Чорт его знает! Сегодня будут казнить разбойницу Зейнаб. Кажется, весь город решил собраться сюда.

Таги бек (обращаясь к Тутунчи оглы). Послушай, Асад, нельзя же так. Я советую уходить и завятыся своим делом. Зейнаб—разбойница, а мы—революционеры. Что нам до нее?

Тутунчи оглы. Какой ты революционер? Тебе не место среди нас. Твой путь совсем другой.

Таги бек. Эх, не понимаете. Дети вы... К чему насилие, когда можно просить, по-человечески просить...

Тутунчи оглы. Убирайся-ка с нашей дороги. Проситель! И еще революционером называет себя!

Дервиш (поет):

Слушайте вы, соотечественники мои:
Я бежал от сует, от житейских благ.
Что мне тленный ваш мир, даст мне рай-аллах.
Всемогущий аллах—вот моя броня,
От воды и огня—он спасет меня.
Я бежал от сует, от людских забот,
Счастье мне изменит, но аллах спасет.

Таги бек (Тутунчи оглы). Дервиш хорошо ответил тебе. „Счастье мне изменит, но аллах спасет“. Так надо жить и мыслить. Понял?

Тутунчи оглы. Понял, дервиш Таги.

Все смеются.

Таги бек. Люди, все вы знаете, что я революционер. И я говорю вам: мюлькадар нам не враг. Невинных людей вешать не будут.

Тутунчи оглы. Рабочие, бедняки! Мюлькадар закрыл фабрику, чтобы вы остались без хлеба. Не верьте Таги бекам, они обманывают вас. Они—враги народа.

1-й муджахид. Тутунчи оглы правду говорит. Мы не уйдем!

2-й муджахид. Мы будем бороться!

Даваткяр оглы (обращаясь к Тутунчи оглы). Слушай, ты взрослый парень. Зачем ты сеешь раздор, толкаешь людей на резню?

Тутунчи оглы. Чтобы спасти их.

Таги бек. Баку испортил тебя. И не надо было тебе возвращаться оттуда.

Даваткяр оглы. Мы добра желаем народу.

Таги бек. Конечно! Это же право хозяина. Захочет—сегодня закроет фабрику, завтра, глядишь,—снова откроет. Надо совесть иметь. Кто построил фабрику? Он! Кто потратил на это гору денег? Он! Не мы с вами, а он!

1-й муджахид. Выходит,—хочет хозяин, чтобы я жил,—живу, захочет, чтобы умер, ложись и умирай—так что-ли?

Хаджи Мехти. Долой хозяина!

Хаджи Салман. Долой!.. (В сторону.) Вот негодяй, не даст поднять цену.

Даваткяр оглы. Тавриз вам не Баку.

Тутунчи оглы. Баку и Тавриз—родные братья. В Баку работают на промыслах и на фабриках такие же рабочие, как и здесь. И там и здесь—одно горе, одинаковая нужда. И одна и та же революционная борьба.

Даваткяр оглы. Ну что ж, вот немного погоды приведут арестованных,—попробуй тогда снять веревку с их шеи. Кто вздумает подойти,—пусть заранее простится с жизнью.

Али Дадаш (*Тутунчи оглы*). Пусть мне вырвут усы, если я оставлю тебя в Тавризе.

2-й мурхад. Хозяина сюда!

3-й мурхад. Сюда его! Пусть не прячется! Мюлькадар (*выходя из ворот*). Что за шум?

Что вам надо?

3-й мурхад (*выступая вперед*). Отпусти арестованных!

Мюлькадар. Пусть со мной правительство говорит об этом.

Тутунчи оглы. Какое правительство?

Мюлькадар. Правительство шаха Каджара.

Тутунчи оглы. Мы уничтожим и Каджара, и нас, палачей, грабителей вместе с ним азербайджанский народ. (*Хватает мюлькадара за ворот*). Освободи товарищей наших!

Рабочие. Отпусти товарищей... Отпусти, плохо будет!.

Бросаются на мюлькадара, бьют его. Из ворот выбегают солдаты-правцы, разгоняют рабочих. Избитый мюлькадар бежит за ворота.

Таги бек (*иранскому офицеру*). Меня зовут Таги беком, я не разбойник какой-нибудь. Вот полный список всех, кто орует «да здравствует свобода». (*Показывает тетрадь*).

Хаджи Мехти (*высовывает голову из-за угла*). Хаджи, я здесь.

Хаджи Салман (*отзывается из-за другого угла*). Ну, видел?

Хаджи Мехти. Это только начало. Дело впереди. Победа будет наша.

Хаджи Салман. Какая победа? Кто мы такие?

Хаджи Мехти. Это зависит от места и времени.

Хаджи Салман. Кого мы должны победить? С кем мы воюем?

Хаджи Мехти. Не мы воюем, за нас воюют. Хаджи Салман. Не понимаю тебя.

Хаджи Мехти. Не могу же я здесь читать тебе целый коран.

Хаджи Салман. Ты только намеки.

Хаджи Мехти. Какая бы сторона ни победила—с ней победим и мы: откроются дороги—продадим свои товары—где и по какой цене захотим.

Хаджи Салман. Так значит, человек может быть революционером или контрреволюционером, а революция...

Хаджи Мехти. Революция—наша революция. Как захотим, так и сделаем.

Хаджи Салман. И я это хотел сказать. Вот это слово настоящего мужчины. Значит, мы сами справимся со своей революцией.

Хаджи Мехти. Еще как...

Мюлькадар (*выходит на площадь с перевязанной головой, в руках у него несколько царских флагов. Обращаясь к слугам*). Прикрепите эти флаги к виселицам.

Слуги выполняют его приказание. Полицейские очищают площадь. К виселицам ведут Зейнаб и Джавад ага.

1-й мурхад (*выглядывая из-за угла*). Ведут. Вот она—Зейнаб.

Мюлькадар. Люди. Это—Зейнаб. Пусть ее гибель послужит вам уроком. Такой конец ожидает всех мятежников.

Зейнаб. Народ мой! Это злые враги мои прозвали меня гачаг—разбойницей. Я никогда не нападала на путников, никого не убивала понапрасну, не грабила последнюю рубашку у крестьянина.

Мюлькадар. Вешайте ее! Скорее!

Зейнаб. Женщины Тавриза! Я убежала в горы, спасаясь от этих зверей. Меня казнят низкие, бесчестные люди—убийцы, насильники, подлые угнетатели народа. Но пусть знают мои палачи: я уничтожила немало таких собак, как они.

Мюлькадар (в бешенстве). В петлю, в петлю! Затащите глотку этой проклятой ведьме!

Издали, со стороны городских окраин доносится постепенно нарастающий конский топот.

Таги бек (испуганно). Саттар хан!..
Голоса: Саттар хан. Саттар хан идет!

Солдаты-иранцы разбегаются.

Мюлькадар (своим слугам). Бегите к русскому консулу, сообщите... Скорей!

Дильруба (выбегает на площадь с ребенком Зейнаб на руках, бежит к виселицам).
Зейнаб, Зейнаб...

Зейнаб. Сын мой... (Даваткяр оглы набрасывает ей петлю на шею.)

Дильруба. Не бойся, Зейнаб. Саттар хан уже близко.

Даваткяр оглы опускает руку. Конец веревки падает к ногам Зейнаб.

Даваткяр оглы. О, Дильруба, смерть моя...
Дильруба. Пусти ее, негодяй!
Зейнаб (внезапным ударом сваливает с ног Даваткяр оглы). Подлец!

Толпы народа врываются на площадь, забрасывают камнями людей мюлькадара. Во главе конного отряда на площадь влетает Саттар хан, круто осаживает коня подле виселиц.

Саттар хан. Народ Азербайджана! Наступает конец твоему рабству, сияющее солнце свободы поднимается над твоей бедной землей. Пусть гром революции сотрясает дворцы кровавого Каджара. Пусть разрушится тюрьма, построенная им на костях азербайджанского народа. Пусть солнце свободы, поднимающееся над Тавризом туманным, озарит путь освобождения всего азербайджанского народа!

Зейнаб обнимает Дильрубу и прижимает к груди своего ребенка. Саттар хан спрыгивает с седла, подходит к ней.

Саттар хан. Приветствую отважную дочь народа!

Таги бек (громко, чтобы слышал Саттар хан). Я всегда говорил, что революционерам нечего бояться шахских солдат. Саттар хан непобедим.

Хаджи Салман. Мы такие. Мы им покажем.
Хаджи Мехти. Был революционером и остаюсь им.

Хаджи Салман. И почему мне не быть им?.. Уйдем-ка лучше отсюда, Хаджи Мехти ага. Я вижу господина консула его величества русского царя. Тучи сгущаются.

Муджахины приводят пойманного мюлькадара.

Саттар хан (Тутунчи оглы). Не трогайте пока виселицы, они нам понадобятся.

К Саттар хану подъезжает русский консул в форме генерала с отрядом казаков.

Консул. Добрый день, господин сардар. Я приехал поговорить с вами по одному вопросу.

Саттар хан. Пожаауиста, я вас слушаю.

Консул. Я прошу вас освободить господина мюлькадара.

Саттар хан. Вы, кажется, обещали не вмешиваться в нашу революционную борьбу?

Консул. Обещание остается в силе.

Саттар хан. Тогда что значат эти виселицы?

Консул. Они воздвигнуты по приказу из Тегерана.

Саттар хан. А царские флаги над ними?

Консул. Сардар. Перед вами — представитель великой Российской империи.

Саттар хан. Если бы передо мной находился представитель великого русского народа, я с удовольствием пожал бы ему руку, как другу. К сожалению...

Консул. Наконец, с вами говорит генерал русской армии.

Саттар хан. А с вами, господин генерал, говорит простой солдат, выражающий волю азербайджанского народа.

Консул. Так вы не хотите принять во внимание просьбу российского консула?

Саттар хан. Царского? Нет!.. Врагов народа — на виселицы!

Мюльбадара тшат на вшафот.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Штаб Саттар хана в Тавризе. На столе карта Южного Азербайджана. Саттар хан возбужденно прохаживается по комнате.

Саттар хан. Нас губят анархия и безволие. Что нам необходимо для победы? Единство мыслей и действия! Жаль, что этого нет у наших товарищей.

Начальник штаба. Что будешь делать, раз обстоятельства складываются для нас так неудачно? Бемеше капитулировал. Кара Мелик открыто предал нас. Теперь уже, вместо азербайджанской революции, мы имеем один осажденный город.

Саттар хан. Неправда! Пока существует азербайджанский народ, пока живы его сыны, будет жить и побеждать и наша революция. Почему капитулировали Кара Мелик и Бемеше?

Начальник штаба. Народ верит силе, а не словам.

Саттар хан. Сила не в численности. Сила — это решительность и умение вести за собой народные массы. На кого мы опирались, когда начали революционную работу в Азербайджане? Нас было девять человек. А теперь мы располагаем могучей армией революции.

Тутунчи оглы. Верно, сардар.

Саттар хан. Кто знал нас тогда?

Тутунчи оглы. Никто.

Саттар хан. А теперь нас знает весь революционный мир. Нас знают революционеры Рос-

сии и Закавказья, великий Ленин и его соратник Коба.

Звонит телефон.

Тутунчи оглы *(берет трубку)*. Да, штаб. Сардара? Сейчас.

Саттар хан *(подходит к телефону)*. Салам.. Да, запись вашего выступления на собрании получил... Нет, одобрить не могу. Сколько же можно повторять: «Да здравствует Саттар хан» и «Долой Мамед Али шаха»? Кроме этого там ничего нет... Уважасмый оратор, вы не понимаете главного. Лозунги о земле лишены всякого содержания, если не говорить о революционной борьбе крестьян против помещиков и, в первую очередь, о борьбе за национальное освобождение Азербайджана. *(Кладет трубку)*.

Муджахид *(входит и докладывает)*. Джавад ага с алварского фронта.

Саттар хан. Пусть войдет.

Джавад ага *(входя)*. Поздравляю, господин сардар, Алвар взят. Правительственные войска оказывали ожесточенное сопротивление. Но Багир хан разгромил их. Вместе с армией алварцы пришли на помощь революционному Тавризу.

Голоса с улицы. Да здравствует Саттар хан!.. Да здравствует революция в Азербайджане!

Саттар хан *(подходя к окну, обращается к народу)*. Доблестные герои, братья алварцы! От имени всего азербайджанского народа приветствую вашу сегодняшнюю победу... Добро пожаловать в город революции.

Голоса. Да здравствует Саттар хан. Да здравствует революционный Тавриз.

Саттар хан. Угнетатели сеют вражду между народами, чтобы укрепить свое положение. Но мы, борясь за национальную свободу своего народа, говорим: да здравствует братство между народами.

Дервиш *(за сценой)*:

Шинт великий Али, забытый уже.

Саттар хан и Багир хан укрепили ислам, о Али!

Даже Хаттем не был таким щедрым, как ты.

Твоей отваге мог позавидовать сам Рустам!

Саттар хан. Слышите? Я хотел бы, чтобы наши люди поучились у этого нищего дервиша, как проникать в стан врага.

Муджахид. Мы и не заметили, как он проскользнул к нам во двор.

Тутунчи оглы *(высовываясь в окно)*. Эй, ты зачем здесь? Кто тебя звал?

Дервиш. Тише, друг мой, ты гость на пять дней в этом мире. *(Опять затягивает.)*... Великий шинт Али...

Тутунчи оглы *(сердито)*. Замолчи, шпион проклятый.

Дервиш. О, боже. О, шинт великий, Али К тебе я взываю..

Саттар хан *(кладя руку на плечо Тутунчи оглы)*. Не обижай его. Дай ему лучше серебряную монету.

Дервиш *(принимая монету)*. Пусть святой Али бережет тебя для революционных дел. *(Напевая уходит.)*

Саттар хан *(отходя от окна)*. Шпион несомненный. Но если мы задержим его, враги поднимут вой, что мы убили слугу пророка. *(Джавад ага.)* Поручи нашим ребятам проследить за ним. Пусть задержат и приведут ко мне всякого, с кем будет разговаривать этот дервиш.

Джавад ага уходит.

Саттар хан *(начальнику штаба)*. Плохо у нас поставлена и разведка, и связь. Придется нам серьезно заняться этим делом. Можете идти...

Начальник штаба направляется к выходу и в дверях чуть не сталкивается с Зейнаб.

Зейнаб (*вбегая в комнату*). Салам, сардар. Саттар хан. Алейкум салам... Где ты пропадешь?

Зейнаб. Сейчас была в гостинице. Там собрались торговцы зерном—Хаджи Салман и другие.

Саттар хан. В два часа?

Зейнаб. В два. Откуда знаешь?

Саттар хан. Сейчас семь. Вот что, сестрица: иногда минутное опоздание приводит к потере победы, завоеванной годами борьбы.

Зейнаб. Это моя ошибка, сардар. Скажу правду: я беспокоилась за Джавада, поехала на алварский фронт... и запоздала.

Саттар хан. Ничего, я позвал тебя по другому делу. (*Задумчиво прохаживается по комнате*). Враг хитер и коварен. Не имея сил сломить нас в открытом бою, он пытается лишить Тавриз всех источников снабжения продовольствием. А наши верят в распускаемый им слух о мире. (*Обращаясь к Зейнаб и Тутунчи оглы*.) Вам придется пробраться в стан контрреволюции.

Тутунчи оглы. Я готов идти хоть сейчас.

Саттар хан. Как?

Тутунчи оглы. Переоденусь нищим.

Саттар хан. Нет, не годится. Этот способ слишком устарел, хотя наши враги пользуются им...

Муджахид входит нищею.

Муджахид. Вот, привели с рынка Сефи.

Саттар хан (*нищему*). За что тебя арестовали?

Нищий. Не знаю, родимый.

Саттар хан. Разговаривал с дервишем?

Нищий. Он убежал, вместо него схватили меня.

Саттар хан. Как тебя зовут?

Нищий. Я не тавризец. Из Гарадаглы я, из Дестигара. И зовут меня—Халил Оракчи оглы.

Саттар хан. Зачем ты пришел в Тавриз?

Нищий. Отец был революционером. Али Акпер хан убил его, разрушил наш очаг. Что было мне делать? Решил бежать в Тавриз.

Саттар хан. А что у тебя в мешке?

Нищий. Хлеб. Подаяния добрых людей.

Саттар хан. Лжешь. Ты—Кадыр, сын чулочника Тейбе. (*Тутунчи оглы*.) Сними-ка с него папаху. (*Тутунчи оглы срывает папаху с головы нищего*.) Так и есть—шрам на голове.

Нищий. Это один из нукеров Али Акпер хана ударил меня саблей, когда убивали отца.

Саттар хан. Опять ложь... Скажи правду, и я отпущу тебя.

Нищий. Клянусь имамом Гусейном, все—правда.

Саттар хан. А не я ли нанес тебе эту рану четыре года назад у ворот Геджил? Негодяй, торговавший честью своей сестры, тогда ты спасся бегством. Но теперь ты не уйдешь от кары.

Нищий. Мои уши слышат, но ум не постигает. Сроду не было у меня сестры.

Саттар хан. Позовите сюда Джаваир!

Нищий вздрагивает. Муджахид выходит, чтобы выполнить приказание.

Нищий. Сардар, не убивай меня. Заклинаю тебя именем имама Гусейна. Пока я жив, буду служить тебе... и революции.

Саттар хан. (*Революция не нуждается в услугах людей, у которых нет ни чести, ни совести*.)

Входит женщина в черной чадре; лицо у нее закрыто белой вуалью.

Саттар хан (*обращаясь к ней*). Джаваир, сними чадру.

Нищий. О, неверная, ты предала меня.

Саттар хан. Ты сам предатель. Ты торговал честью не только сестры своей, но и родины... Возьмите динамит из его мешка, он пригодится нам.

Нищий. Сардар ага, не убивайте меня...

Джаванр. Если сардар разрешит, я сама застрелю тебя.

Саттар хан. Пусть сестра покарает тебя во имя справедливости. *(Пристально смотрит на Джаваир, кивает головой на ничего.)* Веди!

Джаванр достает револьвер из-под чадры и уводит предателя.

Зейнаб *(восхищенно)*. Какая мужественная женщина...

Саттар хан *(обращаясь к ней и Тутунчи оглы)*. Садитесь. Давайте обсудим, как легче проникнуть в штаб контрреволюции.

Зейнаб. Я думаю так. Женщины покупают вино в Армении и привозят в квартал Девечи. Я тоже возьму кувшин вина и пойду туда.

Саттар хан. Неплохо придумано. Тогда возьми с собой динамит и отправляйся. Наши будут ждать тебя у вторых ворот судебного здания.

Зейнаб. А как я узнаю их?

Саттар хан. У главного на голове будет синяя чалма, как у сеида, на плече — хоросанский тулуп. Будет часто высекать искры из кремня и курить. Кувшин с динамитом отдашь ему.

Зейнаб. Все понятно.

Саттар хан. Писать я ничего не буду. Спросишь, готов ли у них подкуп и передашь мой приказ; сегодня ночью это судилище должно быть взорвано. *(Тутунчи оглы.)* Ты возьми несколько бомб и иди следом за Зейнаб. Если ее схватят, постарайся спасти.

Тутунчи оглы. А затем присоединиться к нашим?

Саттар хан. Конечно! *(Встает и пожимает обеих руки.)* Желаю успеха.

Зейнаб и Тутунчи оглы уходят.

Джаванр *(входя)*. Сардар, я выполнила свой долг. Что мне дальше делать?

Саттар хан. Ступай пока отдохни.

Джаванр выходит. В дверях снова появляется муджахид.

Муджахид. Сардар, пришел царский консул, просит принять его.

Саттар хан. Знаю, зачем он пришел... Пропусти.

В комнату входит консул в сопровождении двух адъютантов.

Консул. Добрый день, господин сардар. Как ваше здоровье?

Саттар хан. Благодарю, господин консул. *(Протягивает консулу руку, приглашает садиться.)*

Консул. Могу порадовать вас приятной, надеюсь, вестью: правительство Ирана приняло наконец наши предложения о прекращении военных действий на территории Азербайджана. А я в свою очередь заверил нашего посла в Тегеране, что мне удастся убедить вас в необходимости прекратить эту бессмысленную войну.

Саттар хан. Еще раз благодарю вас, господин консул.

Консул. Вы должны верить в искренность наших намерений восстановить спокойствие в пограничных областях России, как и в добрую волю правительства шахиншаха. Правительство войска уже сегодня начинают отход от Тавриза.

Как отдаленный гром, доносится звук артиллерийского залпа. Саттар хан прислушивается. Залпы повторяются.

Саттар хан. Мы должны убедиться в этом.

Консул. Императорское консульство гарантирует вам жизнь и неприкосновенность.

Саттар хан. Продолжайте, господин консул.

Консул. При условии, что вы соберете все оружие повстанцев и сдадите представителям консульства.

Запы повторяются через равные промежутки времени.
Вбегает взволнованный Джавад ага.

Джавад ага. Сардар, только что передали по телефону: правительственные войска начали сильный оружейный обстрел со стороны Хиябана.

Саттар хан (с насмешкой). Поздравляю вас, господин генерал. Эти залпы красноречиво говорят, какой мир нам предлагают. Но мы не позволим себя обмануть.

Консул. Эти залпы еще ничего не значат. Надеюсь, вам понятно, чего добивается правительство его величества? Все зависит от вашего ответа.

Саттар хан. Можете довести до сведения Петербурга и Тегерана: народ Азербайджана сложит оружие только после победы.

Консул. Я считаю свою миссию законченной. (Поднимаясь.) Я передал вам требования моего правительства.

Саттар хан. Я передал вам ответ моего народа.

Консул, откланявшись, направляется к двери. Адьютанты следуют за ним.

Саттар хан (задумчиво). Надо быть предателем или сумасшедшим, чтобы принимать всерьез эти мирные предложения... (Джаваду.) Ты побудь здесь. Если будут звонить по телефону, скажи, что я скоро вернусь. (Уходит.)

В дворе появляется голова Хаджи Салмана, за его плечом—Хаджи Мехти.

Хаджи Салман (входит). Послушай, Джавад ага, это никуда не годится. Революционеры мы или нет?

Джавад ага. Что случилось, Хаджи? Хаджи Салман. Что еще может случиться? Вы хотите население большого города обречь на голод?

Хаджи Мехти (входит). Где господин сардар?

Джавад ага. На что он вам?

Хаджи Мехти. Из пятидесяти хлебных лавок города открыты только две. Должны мы заботиться о народе или нет?

Джавад ага. А кто вам мешает? Хлеб и все продукты питания в руках купцов. Вы же и представители их в виджмене. Снижайте цену на хлеб, отпускайте его на рынок побольше—и голод отступит.

Хаджи Салман. При нас ты это сказал, при других не советую повторять. По-моему, ты ничего не понимаешь в политике. От твоих слов несет контрреволюцией.

Хаджи Мехти. Твои слова—явное посягательство на права купцов. Революция этого не допустит.

Хаджи Салман. Где же господин сардар?

Джавад ага. Сардар скоро вернется.

Купцы уходят. Джавад ага провожает их хмурым взглядом.

Джавад ага. Неблагодарные собаки. Я хорошо знаю вас...

Дильруба (вбегая в комнату). Зачем они приходили сюда?

Джавад ага. Жалуются на то, что хлебные лавки закрыты.

Дильруба. Негодяи! Они начали перебрасывать зерно в лагерь правительственных войск... Хоть бы поскорее вернулся сардар.

Таги бек (входит, оглядывается). А где господин сардар?

Джавад ага. Что тебе нужно от сардара?

Таги бек. Как это—что нужно? Я участвую в этой революции или нет? Хлеба в городе нет, народ голодает. Раз мы не способны править страной, давайте поручим это другим.

Джавад ага. Убирайся лучше отсюда! Если сардар услышит твои слова, тебе не поздоровится.

Таги бек (*уходя*). Чорт возьми! Судьбу революции доверили каким-то безголовым мальчишкам.

Джавад ага (*выглядывая в коридор, мурмуря*). Сколько раз говорить вам, чтобы никого без разрешения не пускали?

Саттар хан (*быстрыми шагами входит в комнату, увидев девушку, останавливается перед ней*). А, Дильруба. Здравствуй. Как жизнь, дочь моя? С чем пришла?

Дильруба. Хаджи Мехти и Хаджи Салман перевозят зерно в лагерь контрреволюции.

Саттар хан. Звони Гусейну Багману.

Джавад ага. А сами прибежали сюда жаловаться, что хлебные лавки закрыты.

Дильруба (*у телефона*). Кто говорит? Дядя Гусейн, кто ты? Сардар будет говорит с тобой.

Саттар хан (*принимая трубку*). Салам, Гусейн... Да я, Саттар хан... Гусейн, я вижу,—ваши ребята спят. Купцы перебрасывают зерно в районы, занятые правительственными войсками... Что делать? Сейчас же опечатать их амбары и поставить к ним наши караулы. (*кладет трубку*).

Дильруба выходит за дверь и сейчас же возвращается к Саттар хану.

Дильруба. Сардар, он пришел, хочет говорить с тобой,

Саттар хан. Кто это—он? Такого имени я не слышал.

Дильруба. Твой друг, товарищ...

Саттар хан (*смеется*). Кудрат?

Дильруба (*смущенно*). Да.

Саттар хан. Пусть войдет. (*Дильруба хочет уйти*.) Пстой! Революция дарит тебе этот пистолет за твоё геройство. (*Вынимает из кармана, протягивает девушке небольшой черный браунинг*.)

Дильруба. О, сардар, я благодарна революции.

Саттар хан. Теперь иди, передай тому безмянному молодому человеку, что я жду его. (*Смеется, глядя ей вслед, затем обращается к Джавад аге*.) Несколько лет назад кто бы мог подумать, что дочери Азербайджана с оружием в руках поднимутся на освободительную борьбу?

Входит Кудрат. Смеющееся лицо и сияющие глаза выдают его: повидимому, он только что обменялся с девушкой в коридоре парой шуточных фраз.

Кудрат. Привет, сардар!

Саттар хан. Здравствуй, друг! (*Взглянув Кудрату в лицо*.) Знаю, почему смеешься. Наши Зейнаб и Дильруба—предвестницы грядущего счастья. Не так ли?.. Ну, рассказывай: ознакомился с положением в городе? Как революционные органы справляются с работой?

Кудрат. Хлеба нет. Рынок в руках спекулянтов. В революционных органах царит самоуспокоенность и удивительная беспечность.

Саттар хан. Верно, друг. Совершенно верно! Дильруба (*входя*). Сардар, там пришла одна женщина, вас спрашивает.

Саттар хан. Кто она?

Дильруба. Не знаю, не говорит.

Саттар хан. Пропусти. (*Кудрату*.) На фронтах побывал?

Кудрат. Да. Там другое настроение. Всюду—высокий боевой дух, все хотят, чтобы поскорее началось наступление.

Дильруба впускает русскую девушку и закрывает дверь.

Девушка. Здравствуй, Кудрат. Добрый день, сардар.

Саттар хан (*вскакивает, изумленно*). Нина? Здравствуйте... Как это вы так неосторожно... прямо в штаб...

Нина. Важное дело, сардар. Ждать связных — потеряешь дорогое время.

Саттар хан. Боюсь я за вас, Нина. Кругом шпионы... Ну, садитесь, говорите, что за дело?

Нина. Спасибо, сардар, я сейчас же уйду... Пришла предупредить вас, что сегодня ночью иранцы попытаются ворваться в город и захватить вас и салара.

Саттар хан. Так...

Нина. Русский консул сегодня встретится с командующим иранскими войсками Бейук ханом.

Саттар хан. Как мне благодарить вас, Нина, за такие сведения?

Нина. Благодарить меня не за что, сардар. Я выполняю свой долг... Простите, больше задерживаться не могу. Желаю вам благополучия и успеха.

Саттар хан. Спасибо, Нина. До свидания. (*Кудрату*.) Проводи.

Кудрат и Нина уходят.

(*Джавад ага*.) Мы должны опередить их. Предупреди командиров, пусть готовятся к ночному бою.

Джавад ага уходит. Саттар хан задумчиво прохаживается по комнате.

Хаджи Мехти. Господин сардар, можно зайти или нет?

Саттар хан (*равнодушно*). Входите, Хаджи.

Хаджи Мехти. Кто говорит, что Хаджи не революционер? Революция у меня в крови, в мозгу и даже в костях. Я сроднился, слился с революцией...

Саттар хан (*иронически*). Мне это известно. Хаджи. Стоит ли повторять лишний раз.

Хаджи Мехти (*сбрасывая с плеч шерстяную абу, показывает саван, в который он одет и старинную кривую саблю*). Вот, сардар, посмотрите на настоящего революционера. Оделся в саван, готов ко всему. Прикажи — и пойду в самое опасное место.

Входит Кудрат.

Саттар хан (*обращаясь к нему*). Господин Хаджи представляет в нашем энджумене купечество. Познакомься с ним. (*Со скрытой иронией*.) Он один из тех, кто готов жертвовать всем своим богатством ради революции.

Хаджи Мехти. Не богатством, а жизнью своей, если прикажет господин сардар. Но, все же, как революционер я недоволен.

Саттар хан. Чем ты недоволен, Хаджи?

Хаджи Мехти. Из пятидесяти пекарен в городе работают только две. Мы революционеры, и не должны допускать, чтобы народ голодал.

Саттар хан. А скажи, Хаджи, почему нехватает хлеба?

Хаджи Мехти. Потому, что революция не занимается такими делами.

Саттар хан. Теперь будет заниматься. Я прикажу отпустить пекарням муку по сниженной цене.

Хаджи Мехти (*изумленно*). По сниженной?

Саттар хан. Да.

Хаджи Мехти. Откуда?

Саттар хан. Со складов революции.

Хаджи Мехти. Этого я не понимаю. Что значит — со складов революции? Разве есть такие склады?

Кудрат. Сардар, там ждут издатели газет. Они пришли, кажется, по этому же делу.

Саттар хан. Пусть войдут. (*Хаджи Мехти*.)

Господин Хаджи, читаете ли вы газету „Энджумен“?

Хаджи Мехти. Читаю, господин сардар.

Входят издатели газет.

Саттар хан. Садитесь, господа, побеседуем... Газетное дело я знаю не очень хорошо. Но задачи наших газет в настоящее время мне совершенно ясны... Кто издает газету „Энджумен“?

Хаджи Мехти. Ага Эмиди.

Саттар хан (*берет газету со стола, протягивает Кудрату*). Прошу тебя, прочитай вот эту заметку.

Кудрат (*читает вслух*). Революционеры не заботятся о снабжении населения хлебом. Из пятидесяти хлебных лавок, хлебом торгуют лишь две. Очевидно, революционным властям нет никакого дела до того, что население Тавриза голодает.

Саттар хан. Что это значит?

Хаджи Мехти. Господин сардар, это же все правда.

Саттар хан. Это злостная клевета. Вернее—контрреволюция. Вы хотите вину за голод свалить на органы революционной власти. Почему вы не пишете, что Хаджи Мехти, Хаджи Салман и другие торговцы перебрасывают зерно в районы, занятые правительственными войсками?

Хаджи Мехти. Вы нас оскорбляете, господин сардар. Зачем же я ношу этот саван? Неужели я не имею права послать мешок, другой зерна своим родственникам?

Саттар хан (*Джаваду*). Пиши: за контрреволюционные выступления закрыть газету „Энджумен“ на неопределенный срок.

Хаджи Мехти (*в сторону*). Не понимаю, зачем же мы совершили революцию?

Хаджи Салман (*кричит за дверью*). Пусть знает Мамед Али шах, что Тавриз имеет свои порядки. (*Входит*). Глаз вырву у того, кто осмелился оскорбить мою нацию!

Саттар хан. Садитесь, Хаджи. Наше совещание преследует именно эту цель—заботу о нации. (*Берет еще одну газету*). Вот газета „Эхедид“. Во первых, что значит это слово?

Кудрат. „Эхедид“—это слово арабское. По названию это демир, железо.

Саттар хан (*издаетелю*). Послушайте, имейте совесть, пожалейте своих читателей. И без нас несчастный азербайджанский народ лишают родного языка. Неужели нельзя было назвать газету нашим словом: „Демир“.

Хаджи Мехти. И можно, и нельзя.

Кудрат (*берет газету, рассматривает*). Выходит еженедельно... Тираж двести экземпляров... Следовательно, издатель выручает от продажи газеты всего сорок туманов в месяц.

Джавад ага. А держит он семь сотрудников, и расходы его в месяц составляют не меньше двухсот пятидесяти туманов.

Саттар хан. Кто же оплачивает остальные двести десять туманов?

Хаджи Салман. Сотрудники—революционеры. Они бесплатно работают.

Саттар хан. Бесплатно?.. А вы, Хаджи Салман, зачем выплачиваете сто десять туманов в месяц издателю этой самой газеты? Да и вы, Хаджи Мехти, как мне известно, платите этой газете ежемесячно сотню туманов. Зачем? Для контрреволюционной пропаганды? (*Джаваду*.) Закройте газету, отобрать типографию!..

Хаджи Салман. Газета—голос народа.

Саттар хан. Это голос не нашего народа. Пиши, Джавад ага: типографию передать в распоряжение юмористического журнала, издающегося на азербайджанском языке. (*Вынимает из ящика стола пачку чеков, перебирает их в руках*.) Вот эти чеки Хаджи Мехти и Хаджи Салмана издатель „Эхедид“ предьявил в банк для оплаты. Передадим их тоже на издание нашего журнала. (*Подходит к издателю журнала и пожимает ему руку*.)

Хаджи Салман (*своему другу*). Послушай. Хаджи Мехти, я не понимаю, что тут происходит?

Хаджи Мехти (тихо). Да сохранил нас алах от худшего...

На улице гремит торжественная музыка. Входит м у д ж а х и д, докладывает.

Муджахид. Салар-милли Багир хан.

Саттар хан. Во-время пожаловал.

Хаджи Мехти (на ухо Хаджи Салману). Только бы прошла скорее эта опасная ночь, и мы спасены.

Багир хан (входит). Добрый вечер, друзья.

Саттар хан (шагнув ему навстречу). Привет победителю.

Обнимаются.

Багир хан (увидев Кудрата, протягивает ему руку). Рад видеть нашего уважаемого друга. Хорошо, что вы здесь. Можно обсудить назревшие вопросы.

Саттар хан (отпустив газетчиков, оборачивается к Багир хану). Какие вопросы?

Багир хан. Вопросы нашей революции. Сегодня я беседовал с русским консулом о положении в Тавризе. И знаешь что? Скажу прямо: я пришел к решению прекратить эту резню.

Саттар хан. Дорогой мой, разве дело только в Тавризе? Здесь решается судьба всего Азербайджана. Как можно в такое ответственное время одному, даже не посоветовавшись с друзьями, принимать такие решения? В революции участвуют и рабочие, и крестьяне. Они не уполномочивали нас закончить мир.

Багир хан (сердито). Кто же я такой?

Саттар хан. Мы оба—солдаты армии восставших.

Багир хан. Я не понимаю тебя. До каких же пор нам воевать?

Саттар хан. До победы!

Багир хан. Консул великой державы пришел к тебе с предложением мира. Это ли не победа?

Саттар хан. Мой честный друг. Мы революционеры. Мы не имеем права верить консулу правительства, которое у себя в стране так жестоко подавило революцию.

Багир хан. Брат мой, согласимся на мир. Приняв мирные предложения врага, мы завоеем себе еще большее уважение со стороны миролюбивых народов. Страна наша небольшая, положение тяжелое. Если война будет продолжаться, народ погибнет с голоду.

Саттар хан (подходит к столу, показывает на карту). Нет, брат мой, наша страна велика и богата. По крайней мере, когда-то она была такой. Посмотри на эти карты. Одна из них составлена в эпоху Петра Великого, другая—в эпоху Наполеона. Внимательно смотри.

Багир хан. Я смотрю.

Саттар хан. Вот тут, в этих селах вокруг города Хамадана, когда-то жили азербайджанские крестьяне.

Багир хан (читает). Каракедды, Газаглы, Ашыглы, Алибейли, Алма-булаг... Да, азербайджанские названия.

Саттар хан. А ну, найди эти названия на новой карте.

Багир хан (смотрит на другую карту). Нет, я не вижу их здесь.

Саттар хан. Теперь ты поймешь истинный смысл нашей борьбы. Мы боремся против тех, кто хочет стереть нас с карты мира, с лица земли. Мы тоже имеем право пользоваться дарами жизни—водою, солнцем, землей. Нам нужны школы, книги, газеты на нашем родном языке. Нет, брат мой, враги не дождутся мира, не получат его раньше, чем мы вырвем из их рук победу. В такой богатой стране бродят миллионы нищих. Шахи Каджары превратили эту страну в темницу, в лагерь пленников и рабов. Нет, брат мой, они не дождутся мира. Народы Ирана, если они хотят жить по-че-

ловечески, должны заново создавать свою историю. Эту новую славную историю мы должны писать острыми мечами, а не пером доброго мирзы-летописца.

Багир хан. За тебя, сардар, за дело твое я жизнь отдаю, смерти не побююся. Но... подумай о народе. Он гибнет. Народу нужен мир. Подумай о мире.

Хаджи Мехти. Мир праху твоих родителей. Хаджи Салман. И мне это больше по душе. Это слова настоящего революционера. Один цветок весны не приносит. Разве может устоять один Тавриз против всего государства шахиншаха?

Саттар хан. Хорошо, прежде чем принять решение, обсудим следующий вопрос.

Хаджи Мехти. Господня сардар, извините, что за вопрос?

Саттар хан. Сообщение товарища Кудрата о положении города. (Кудрату.) Мы слушаем тебя, дорогой товарищ.

Кудрат. Противник стягивает к Тавризу большие силы. Военные действия, повидимому, затянутся надолго. Надо позаботиться об улучшении продовольственного снабжения населения и армии, в первую очередь — снабжения хлебом.

Хаджи Мехти. Золотые слова. (Хаджи Салману.) Что я тебе говорил? Это настоящий революционер. По лицу видно.

Хаджи Салман. Таким и должен быть революционер.

Кудрат. И потому необходимо произвести перепись всех продуктов питания, имеющихся в городе и близлежащих районах.

Хаджи Салман. Как, как? (Хаджи Мехти.) Послушай, что это он говорит?

Кудрат. Все запасы продуктов должны быть переданы в распоряжение военно-революционного комитета.

Хаджи Мехти. Потом?

Кудрат. Надо снизить цены на продукты.

Хаджи Салман. Дальше?

Кудрат. Строго карать торговцев, которые будут нарушать революционный закон — прятать продукты и самовольно повышать цены.

Хаджи Мехти. Какая же это революция?

Хаджи Салман. Мы не за это проливали кровь.

Хаджи Мехти (Хаджи Салману). Что я тебе сказал, как только первый раз взглянул в лицо этого человека? Разве я не говорил, что кавказец не может быть хорошим революционером?

Хаджи Салман. Если и может, так не этот.

Саттар хан. Мы не остановимся ни перед чем ради защиты революционного дела.

Хаджи Салман. Не остановимся. Надо умереть — умрем!

Саттар хан. Хаджи Салман, и вы, Хаджи Мехти, хотите ли вы, чтобы революция одержала победу?

Хаджи Салман. Победит или не победит — одно из двух. Это же ясно.

Хаджи Мехти. Конечно, хотим. Что же нам делать, как не хотеть этого?

Саттар хан (недоуменно переглядываясь с Багир ханом и Кудратом). Как понимать ваши слова?

Хаджи Мехти. Ясно, как понимать! Вы спрашиваете, и мы, как преданные ваши соратники, отвечаем: раз вы хотите победы революции, то что же нам делать, как не хотеть того же?

Хаджи Салман. Как же иначе? Революция — наша. Победит или не победит — кому какое дело?

Саттар хан. Я буду действовать по революционным законам и сделаю все для победы революции. Все! (Кудрату.) Есть еще предложения?

Кудрат. Вооруженные силы, на которые возложена охрана законности и порядка в городе, не-

достаточны. Надо бы увеличить, тем более, что придется поставить посты и на дорогах в окрестностях Тавриза.

Саттар хан. Несколько сот рабочих, уволенных с ковровой фабрики, я зачислю в армию. Расходы на их содержание городской энджумен пусть возьмет на себя. (*Хаджи Мехти и Хаджи Салману.*) Обсудите этот вопрос у себя в энджумене.

Хаджи Салман. Мы не можем поднимать этот вопрос в энджумене.

Саттар хан. Но вы же — члены энджумена. Это ваш долг.

Хаджи Мехти. Нет, извините, сардар, это совсем не наше дело.

Саттар хан. Утвердить такой расход вы обязаны, если вам дороги интересы революции.

Хаджи Салман. Нет, нет, сардар, вот этого сделать мы уже никак не можем. Наша революция — наши деньги...

Хаджи Мехти. Копейки не дадим — вот и все!

Встают и уходят. Саттар хан смотрит им вслед и качает головой.

Тутунчи оглы (*входит*). Сардар, Зейнаб схватили. Я бросил две бомбы, но спасти ее не мог.

Саттар хан. Кто схватил?

Тутунчи оглы. Люди Бекюк хана — Даваткяр оглы и Али Дадаш.

Саттар хан. Во что бы то ни стало надо спасти ее.

Тутунчи оглы. Да, иначе погибнут все товарищи, работающие в Девечи.

Кудрат. Зейнаб умрет, — никого не выдаст. Но спасти ее, по-моему, можно. (*Смотрит на часы.*)

Багир хан. Как?

Кудрат. Сегодня в четыре часа ночи правительственные войска нападут на город. Если мы сумеем опередить это нападение неожиданной контратакой, можем спасти и Зейнаб.

Багир хан. У меня другие сведения. Не случайно русский консул так хлопочет о перемирии. Говорят, что шах принял все требования царского правительства. Иранцы готовы послать к нам своих представителей для мирных переговоров. Через неделю в Иране начинаются выборы в новый мджлис... (*Кудрату.*) По-моему, нельзя полагаться на разные непроверенные слухи.

Кудрат. Вы можете мне поверить, сарар.

Багир хан. Тебе верю, милый. Но ты не верь слухам, распускаемым людьми, которые заинтересованы в продолжении военных действий. Противник тоже хочет мира. Мы должны воспользоваться этим.

Кудрат. Сарар, по моим сведениям, Бекюк хан собирается в четыре утра напасть на нас и взять в плен вас и сардара. Мы должны предупредить это нападение.

Багир хан. Откуда эти сведения?

Кудрат. От одной девушки, работающей в русском консульстве.

Багир хан. Друг мой, будь осторожен. Светловолосые и голубоглазые девушки уже не раз вызывали в Тавризе переполох.

Кудрат. За точность и достоверность сообщений этой девушки я ручаюсь.

Саттар хан. Сарар, в том, что эта русская девушка сочувствует и помогает нашей борьбе, нет ничего удивительного. История борьбы великого русского народа является для нас лучшей школой революции.

Муджахид (*входит, докладывает*). Сардар, прибыл связной. Говорит, что начались тяжелые бои в Мараланах и Хиябане.

Багир хан. На этих направлениях никаких боев не должно быть.

Саттар хан. Как видишь, они начались. (*Муджахиду.*) Передай с этим же связным мой приказ

Гусейну Багману: пусть немедленно возьмет три сотни всадников и выступает в сторону Хиябана — Мараан.

Муджахид выхо. ит. Снова появляются купцы.

Хаджи Мехти. Ох, несчастные мы революционеры.

Хаджи Салман. Да, но мы же не предатели. Саттар хан. Что случилось Хаджи?

Хаджи Мехти. Что может быть хуже? Наши амбары опечатали да еще и стражу поставили.

Хаджи Салман. Я покончу с собой. Пусть все знают, что Саттар хан довел крупного революционера до самоубийства.

Хаджи Мехти. Может быть, я чего-то не понимаю. Неужели это и есть революция?

Саттар хан. Ну чего вы плачетесь? Вам уплатят за ваши товары все, до последней копейки.

Хаджи Салман. Лишь бы свои деньги выручить, — дьявол с ней, с прибылью.

Хаджи Мехти. Не будем же мы требовать прибыли от революции.

Хаджи Салман. Ну, ясно. В конце концов, революционеры мы или нет?

Саттар хан. Можете быть уверены, что зерно у вас возьмут по справедливой цене.

Хаджи Мехти (сардару). Клянись головой господина салара.

Саттар хан (усмехнувшись). Клянусь!

Хаджи Мехти. Чтобы ни одного дня нам не жить, если мы не революционеры.

Хаджи Салман. До последнего дыхания я революционер.

Уходят.

Багир хан. Я считаю, что подобные крутые меры могут повредить нам. Лучше не трогать амбары купцов.

Саттар хан. Чтобы они переправляли хлеб контрреволюционерам, обрекали население на голод и восстанавливали народ против нас?

Багир хан. Это тоже точные сведения?

Саттар хан. Совершенно точные. Вопрос о хлебе является для нас жизненно важным вопросом.

Кудрат (смотрит на часы). Время идет, сардар.

Саттар хан. Что-ж, надо готовиться.

Кудрат. Главное условие успеха в ночной атаке — внезапность и смелость.

Багир хан (Кудрату). Дорогой мой друг, я не могу понять вас. С какой силой мы будем атаковать правительственные войска?

Кудрат. С несокрушимой волей Багир хана и Саттар хана.

Саттар хан. Ты оставайся здесь, салар. Войска поведу я.

Багир хан. Нет, брат мой, если есть опасность, пусть она обрушится на мою голову. Ты знаешь, что я рожден сражаться с опасностями. (Оборачиваясь к двери.) Муджахид, коня!

Джавад ага. Муджахид, коня господину салару!

Саттар хан. Иди, брат мой, и возвращайся с победой. Разбей надменного врага.

Багир хан. Клянусь, что не успеет подняться солнце, как я брошу его голову к твоим ногам, дорогой сардар!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Штаб главнокомандующего правительственными войсками Ирана Бююк хана. Роскошный, в восточном стиле зал. Бююк хан с письмами в руках прохаживается по залу.

Бююк хан. Новый меджлис... А что он даст? Сейчас надо действовать, а не заниматься пустой парламентской болтовней. До сих пор мы считали, что азербайджанцы — сторонники монархии. В меджлисе никто и слышать не хотел о том, чтобы усилить гарнизоны в Азербайджане. Как же — лишние расходы! Хотел бы я, чтобы наши любители пышных речей о непоколебимых устоях монархии послушали этот разъяренный рев Тавриза: «Долой династию Каджаров! Долой монархию и мюлькадаров!».

Слуга. Сардар ага, к вам пожаловали русский консул с офицерами.

Бююк хан (*растерянно*). О, добро пожаловали.

Консул (*входит в сопровождении нескольких офицеров*). Я хотел только справиться о здоровье господина сардара.

Бююк хан. Ваш покорный слуга премного счастлив видеть у себя ваше превосходительство.

Консул (*своим офицерам по-русски*). Командующий войсками шахиншаха. (*Представляет офицеров.*)

Бююк хан (*пожимая руки офицерам*). Ваш слуга, Бююк хан.

Консул. Мы хотели бы пригласить вас на небольшой бал, который мы устраиваем сегодня вечером.

Бююк хан. Благодарю, господин генерал. Мы сами думаем сегодня повеселиться.

Консул. Но мне хотелось бы воспользоваться случаем побеседовать с вами о положении Тавриза.

Слуга вносит чай.

Бююк хан. Что вас интересует, господин консул?

Консул. Мое правительство заинтересовано в том, чтобы поскорее был восстановлен порядок и спокойствие в пограничных областях.

Бююк хан (*вздыхнув*). Не знаю, кто заинтересован в этом больше чем мы. Но должен вам откровенно признаться: движение широкое, а сил у нас недостаточно, чтобы быстро подавить его. Правда, и с небольшими силами мы совершаем великие дела.

Консул. К сожалению, не настолько великие, чтобы остановить революцию. Наше консульство буквально осаждается мюлькадарами, изгнанниками из своих имений. Нам известно, что многие имения разгромлены, что крестьяне отказываются платить налоги. Тавриз почти целиком находится в руках Саттар хана. А то, что произошло перед ковровой фабрикой, нельзя рассматривать иначе, как прямой и оскорбительный вызов Тегерану. Правительство его величества очень обеспокоено всеми этими событиями, происходящими в непосредственной близости к нашим границам.

Бююк хан. Что же делать, господин консул? Тавриз всегда был главным очагом мятежа. Пламя революционных пожаров всегда поднималось отсюда...

Консул (*по-русски своим офицерам*). Великий полководец, повидимому, основательно напуган событиями.

Беюк хан. Саттар хан раньше требовал национальной автономии и земельной реформы. Теперь он, вероятно, не ограничится этим...

Консул. Это требование отдельных людей, а не народа.

Беюк хан. Вы думаете?.. Позвольте прочесть вам несколько писем, задержанных цензурой. Дух восстания овладел даже поэтами и образованными людьми этой непокорной страны. Вот что пишет один из таврических попов своему брату, проживающему по ту сторону Аракса. Вот его письмо. (Читает.)

Мой милый брат, Ашраф, привет тебе.
Ты знаешь желаемь, как мы здесь живем.
Мои стихи дают ответ тебе.
Из этих строк узнаешь обо всем.
Земля на юге—настоящий клад,
Нигде земля богаче не найдешь.
Но жизнь на юге—настоящий ад.
Везде побой, пытки и грабей.

Мы терпим взамен муки, брат Ашраф.
Работы нам никто не хочет дать.
Нам из всех законных наших прав
Дано одно лишь право:—голодать!
Всегда висит над нами смерти страх,
Калечат в селах, душат в городах!
По-волчьей вою, алчешь, хищный сброд
Толкает к черной пропасти народ..

Консул. Довольно, господин сардар, я знаком с подобной литературой. В нашей стране было тоже немало интеллигентов, которые точно так же изображали положение народа. Тем не менее, слава богу, с революцией мы покончили, и наш опыт, я полагаю, будет бесполезен для вас.

Слуга (входит с телеграммой на подносе).
От вашего светлейшего повелителя шахиншаха.

Беюк хан отдает поклон имечи шаха и берет телеграмму.

Беюк хан (читает вслух). „Мы уверены, что в скором времени вы покончите с волнениями в Тавризе, возьмете в плен всех повстанцев и бросите к моим ногам их главарей. В знак благодарности назначаю вас наместником Азербайджана“.

Консул (встает, жмет руку Беюк хану).
Поздравляю вас, ваше высокопревосходительство.

Беюк хан. Благодарю, ваше превосходительство.

Консул. Такого же содержания телеграмму получил и я от нашего посла в Тегеране. Правительством его величества не может оставаться безразличным к тому, что происходит в Азербайджане.

Беюк хан. Руководители повстанцев не поверили в наши мирные предложения. Тем хуже для них. Сегодня в четыре часа ночи мы начнем общее наступление на город.

Консул. Вы меня извините, господин сардар, но я должен заметить, что ваши люди слабы, немуделы. Они даже не смогли посорить Саттар хана с Багир ханом. Нет у вас своих людей и среди муджахидов.

Беюк хан. Простите и меня, господин консул, но мне кажется, что вы не совсем правильно понимаете обстановку. Движение охватило весь народ. Полагаться приходится только на войска. Смеем вас заверить, что этой же ночью мы разгромим повстанцев и победителями вступим в Тавриз.

Консул (поднимаясь). В таком случае, заранее поздравляю ваше высокопревосходительство, господин наместник. Победный бал начнется под грохот орудий, и первые бокалы мы выпьем за ваше здоровье.

Беюк хан. Будьте здоровы, господин консул.

Консул и офицеры уходят. Беюк хан звонит в колокольчик. Входит слуга.

Беюк хан. Всех военачальников ко мне.

Слуга. Там ждет Таги бек, господин сардар.
Беюк хан. Пусть войдет.

Таги бек (*входя*). Ежечасно, ежеминутно возношу молитвы аллаху о ниспослании сил и здоровья вашему высокопревосходительству, господин сардар. Добрый день!

Беюк хан. Какие новости?

Таги бек. Умоляю освободить меня от работы среди них—революционеров. Не могу, сил нет...

Беюк хан. Почему?

Таги бек. Они не доверяют мне. Боюсь, унают—убьют.

Беюк хан. Ты думаешь, я буду жалеть труса... Ступай, работай. Все, что ты узнаешь, нам на пользу. (*Слуге.*) Скажи казначею, чтобы выдал Таги беку сто туманов.

Дервиш (*поет под окном*): Шинт великий Аян, забытый уже; Беюк хан восстановил величие ислама.

Беюк хан. Пой, пой, соловей мой, завтра я наполню твой кошель чистым золотом.

Дервиш (*под окном*): Даже Хатем не был таким щедрым, как ты. Отваге твоей мог позавидовать сам Рустам.

Беюк хан (*слуге*). Дать ему хороший подарок. Пусть он будет сегодня моим гостем.

Слуга выходит, чтобы выполнить приказание. Через минуту входит дервиш в шелковом халате.

Дервиш (*входя*). Кто орет „Долой падишаха“? Кто надрыгает глотку, выкрикивая „Да

здравствует свободный Азербайджан!“? Вот список горожан—все они здесь.

Беюк хан. Пусть последний день поорут. Завтра ты уже не услышишь этих крикунов.

Слуга докладывает о приходе купца.

Беюк хан. Что ему нужно?.. Ну, пусть покажется.

Хаджи Мехти (*входя*). Хаджи Мехти еще не умер, чтобы каждый оборванец мог петушиться перед полководцем великой армии... Салам, ваша светлость!

Беюк хан. Что за человек? Зачем пришел? Хаджи Мехти (*сбрасывая с себя шерстяную абу, показывает саван и саблю*). Пришел, одевшись в этот саван, чтобы всего себя, до последнего дыхания, отдать за дело его величества падишаха. Или Саттар хан, или я. Я сам должен убить его, чтобы Тавриз успокоился.

Беюк хан. Было бы лучше, если бы ты пришел убив его.

Дервиш. Подлый обманщик! Не от него ли ты идешь сейчас?

Хаджи Мехти. Клянусь головой его светлости, что я не узнаю Саттар хана, если увижу. Какой из меня революционер?

Дервиш. Ну и болтуя. Тыфу!.. Не прошло и двух часов, как ты вышел из штаба Саттар хана.

Хаджи Мехти (*Беюк хану*). Сардар ага, клянусь Меккой, где я был, этот человек—чистейший конституционалист.

Беюк хан. Молчи. Дай бог, чтобы все конституционалисты были такими же, как этот дервиш. Отойди.

Хаджи Салман (*у входа в зал*). Если он Саттар хан, так я—Хаджи Салман. Аллах свидетель... (*Увидев Беюк хана*). К господину сардару можно войти или нет? (*Снимает шерстяную абу, пока-*

зывает саблю и саван). Пришел—готовый к смерти за дело его величества шахиншаха.

Беюк хан (*деришшу*). Этого тоже знаешь?

Деришш. Это Хаджи Салман — друг Хаджи Мехти. Оба купцы. Если бы Саттар хан не опечатал их амбары, они не падали бы к стопам вашей светлости.

Беюк хан. Обоих посадить в конюшню. Сто ударов розгами! А потом отпустить, если внесут по тысяче туманов.

Хаджи Салман. Пусть мне дадут тысячу ударов и после этого я буду благословлять имя Беюк хана.

Беюк хан (*слугам*). В конюшню!.. Ведите сюда арестованных.

Слуга. Сардар ага, у некоторых задержанных имеются документы.

Беюк хан. Какие документы?

Слуга. Они сотрудники русского консульства.

Беюк хан. Попросите извинения и отпустите. Остальных сюда!

Хаджи Мехти (*Хаджи Салману*). Послушай, друг, ты не мог купить нам несколько таких документов?

Хаджи Салман. Если это может выручить, я готов представить документы от семи государств... Сардар ага, разрешите,—я тоже покажу свой документ.

Хаджи Мехти. Послушай, а я?

Хаджи Салман (*тихо*). Один документ—сто туманов. Давай чек, я положу тебе документ в ладонь. Иначе, побоями выдерут у тебя тысячи туманов.

Хаджи Мехти. Разве дружба так поступают?

Хаджи Салман. А как же. Мой товар—твой деньги.

Хаджи Мехти. Ладно, согласен... За двадцать пять туманов отдашь?

Хаджи Салман. Ни копейки меньше.

Хаджи Мехти (*тихо*). Не шуми, добавлю еще двадцать пять.

Хаджи Салман. Нет... (*Подходит к сардару*.) Вот свидетельство от русского консульства. Это—из французского, а это—английского...

Беюк хан (*слугам*). Одейте господина Хаджи, попросите у него извинения.

Хаджи Мехти. Где же справедливость? О, боже! Самого ярого конституционалиста отпускают, да еще просят у него извинения. Пусть Мекка, где я был, накажет меня, если я не напишу обо всем этом его величеству шахиншаху.

Хаджи Салман. Ах, так? Показывай тогда и ты свои документы. Сардар ага, прошу вас, прикажите обыскать его карманы.

Беюк хан (*слугам*). Обыщите его!

Хаджи Мехти (*тихо*). Чтобы дети твои подохли, Хаджи Салман... Замолчи. Добавлю еще двадцать пять.

Деришш. Тьфу на бороду твою, шпион. Опозорил ислам.

Хаджи Салман (*громко*). Конституционалист несчастный. Таких, как ты, даже имам не простит.

Беюк хан. Убрать его. Еще сто розог.

Слуга. Сардар ага, Даваткяр оглы и его люди привели женщину, задержанную у судебного здания.

Беюк хан. Пусть введут.

Даваткяр оглы и Али Дадаш вводят в зал Зейнаб со связанными руками.

Даваткяр оглы. Господин сардар, вот та самая разбойница Зейнаб, которая убежала из-под виселицы.

Беюк хан. Где поймали?

Али Дадаш. Они пришли взорвать суд. Товарищ ее бросил бомбу и скрылся. Есть убитые и раненые.

Беюк хан (*обращаясь к Зейнаб*). Кто бросил бомбу?

Зейнаб. Не знаю.

Беюк хан. Зачем ты ходила к зданию суда?
Зейнаб. Чтобы продать вино, которое я принесла из Армении.

Даваткяр оглы. Не верьте ей, ваша светлость. Она подняла восстание джюльфинских крестьян и разрушила ковровую фабрику. Это она повесила мялькадара.

Беюк хан. Подлая женщина! Что заставило тебя вступить на такой путь?

Зейнаб. У меня не было другой возможности избавиться от нищеты и унижений. Я молила подлейших из людей дать мне кусок хлеба. С раздетым ребенком ходила по дворам мялькадаров, просила работы. Всюду мне отказывали или требовали за кусок хлеба мою честь.

Беюк хан. Честь? Ты, жалкая нищенка, смеешь говорить о чести? Я прикажу остричь тебе голову и водить по базарам. Пусть для других это послужит уроком.

Зейнаб. Убивайте меня, другого от вас я не жду. Но дайте мне умереть с честью.

Беюк хан. Убить — слишком малое для тебя наказание. (Слугам.) Ведите, попробуйте ее!

Зейнаб уходит. Входят военачальники.

Беюк хан. Господа, по приказу принца Эндурдовле мы должны начать наступление на город в четыре часа утра.

Один из военачальников. Мы готовы, ваше превосходительство.

Беюк хан. Садитесь. (Звонит в колокольчик. Входит Мамед Джафар.) Что ты приготовил на сегодня?

Мамед Джафар. Все готово, ваша светлость.

Беюк хан. Так чего ждешь? (Военачальникам.) В вашем распоряжении почти шесть часов. Зачем нам терять их зря?

(Мамед Джафар входит в зал группу женщин в чадрах)

Мамед Джафар. Да будет известно его светлости, что эти женщины — самые знаменитые и прославленные красотики Тавриза. И те, кто играет, и те, кто поет и танцует, кокетливы и шаловливы, как парижанки.

Беюк хан. Пока я ничего не вижу.

Мамед Джафар (приоткрывает чадру на одной из женщин). Это танцовщица принца, красавица Хошу ханум. Она все умеет — поет, играет, танцует, сердце ласкает...

Беюк хан. Достоинна похвалы. Она мне нравится.

Мамед Джафар (снимает чадру с другой женщины). Это — красавица Тавриза Сялма ханум. А это — танцовщица Интизам-уль-мялька Абихат ханум.

Беюк хан. Абихат? Поистине жизнетворная!

Мамед Джафар. Вот знаменитая красавица Тавриза Джамиле ханум. Тоже мастерица на все руки.

Беюк хан. Пусть танцуют, играют, поют, вино подают.

Поклонившись, женщины начинают танцевать.

Беюк хан (дервишу). Дервиш ага, почему молчишь?

Дервиш. Жду приказа, ваше высокопревосходительство.

Беюк хан. Ты же сам должен знать, что здесь нужна поэзия. Приказываю — сочини стихи, достойные каждой из этих красавиц.

Дервиш (подходит к танцующей девушке):

Но шали так, красотка, глазами.

Я за них свою жизнь отдаю.

Поиграть дай твоими кудрями.

Я за них свою жизнь отдаю.

Так танцуй, наш медяник чаруя,

Чтоб весь мир танцевал с тобой.

Улыбнись, нль сейчас умру я.

Я сражен наповал тобой!

Беюк хан. А где же Гончелеб ханум?
Дервиш. О небесная благодать! Равнодуш-
ным быть к звукам тары, значит бога не призна-
вать!

Входит Гончелеб ханум и начинает танцевать.

Гончелеб ханум:

Сердце радуется весна
Соловьиною игрой.
Пробудись цветов от сна.
Поскорей лицо открой.

Посмотри,—дуга в цветах,
Позабыт зимы мороз,
Вновь улыбка на устах,
У тюльпанов и у роз.

Чашу полную вина
Ламы мак поднесит вновь,
Радость жизни—пей до дна.
Пей, танцуй и славь любовь!

Даваткяр оглы. Иди, красotka моя, подай
мне чашу.

Дервиш. Послушай, Мамед Джафар!

Мамед Джафар. Что прикажете?

Дервиш. Стаканчик чаю, сынок.

Мамед Джафар. В большом стакане или в
маленьком?

Дервиш. Ни в большом, ни в маленьком,—
в грушевидном.

Мамед Джафар. Крепкий или слабый?

Дервиш. Не крепкий, не слабый,—желтова-
тый.

Мамед Джафар. Сладкий или без сахара?

Дервиш. Не очень сладкий,—средний.

Мамед Джафар. Ложку положить или не
надо?

Дервиш. Ради бога, что хочешь клади, толь-
ко отстань от меня.

Мамед Джафар (слуге). Для дервиш ага—
хороший чай, чтобы стакан был ни большим, ни
маленьким, чтобы цвет был желтоватый, а чай—не
очень сладкий, а средний... И кашьян подайте.

Беюк хан. Скудно... Приведите сюда ту, что
задержали. (Слуга уходит.) Клянусь аллахом, че-
рез два часа Саттар хан и Багир хан будут ва-
ляться у моих ног.

Дервиш. Пятьдесят семь держав посылают
ко мне своих представителей, просят стихи. В од-
ном кармане Саади, в другом—Хафиз, а Хайям—
в голове,—берите сколько угодно!

Али Дадаш (вводит связанную Зейнаб). Сар-
дар ага, по твоему приказанию.

Беюк хан (глядя на Зейнаб). Красивая ни-
щенка. Глаза чернее глаз Джамале, губы милее
губ Хусниин. Танцевать умеешь, красавица? (Зей-
наб молчит.) Что ты молчишь, девушка? Скажи:
танцевать умеешь, или нет?

Зейнаб. Я все умею.

Беюк хан. Развяжите ей руки.

Али Дадаш (развязывая руки Зейнаб). Кля-
няйся господину сардару. Тебя может спасти толь-
ко твоя красота.

Беюк хан. Танцуй, я не стану убивать тебя.
Осыплю драгоценностями, оставлю для себя... Ес-
ли бы дервиш не был пьян от опия, он посвятил
бы тебе лучший свой стих. (Декламирует.)

Как чудесна головка эта—
Ничего нет в мире милей.
Как прелестна родника эта
На лице, что снега белей.

Даваткяр оглы (пьяно оставившись глаза-
ми на Зейнаб). Играй, пляши, красotka моя. Ты
будешь моей.

Зейнаб, танцуя, подходит к Даваткяр оглы, вынимает
у него из кобуры револьвер и старается незаметно воспользо-
ваться им. Али Дадаш преграждает ей путь. Зейнаб
стреляет в него. Шум, переполох.

Зейнаб. Теперь и ты пополаши немного.

Али Дадаш падает. Люди Бекю хана хватают
Зейнаб, бросают ее к его ногам.

Бекю хан. Адские пытки я придумаю для тебя. Тысячу раз ты умрешь и воскреснешь, чтобы снова умереть в мучениях.

Зейнаб. Кровожадный волк. Я не сомневаюсь, что ты так и сделаешь.

Раздается сильный взрыв.

Бекю хан. Что такое? Что случилось?

Вбегают перепуганные слуги.

Слуга. Взорван зал судебных заседаний! Муджахиды бегут сюда.

Бекю хан. Будь проклята эта ночь. Они опередили нас...

Голоса. Багир хан!.. Багир хан!..

Общая паника. Военачальники пытаются бежать, прикрываясь чадрами танцовщиц. Набрасывают чадру и на Бекю хана. Через двери и окна в зал врываются муджахиды.

Багир хан (*входит вместе с Кудратом, удивленно осматривается*). Где лисица этого логова? Кто это такие?

Зейнаб (*выступая вперед*). Добрая ночь, саалар. Это танцовщицы. А вот эти, в чадрах, военачальники армии падишаха. Я учу их танцам.

Все смеются.

Багир хан (*целуя Зейнаб в лоб*). В твоих глазах, Зейнаб, я читаю поэму грядущей победы. (*Спрячет чадру с Бекю хана.*) Не позорь эту чадру, ты не достоин даже ее. (*Муджахидам.*) Ведите этих горе-полководцев в штаб революции.

Бекю хан. Умоляю, пощадите меня,—искуплю свою жизнь. Продайте мне ее.

Багир хан. Твоя жизнь не стоит ломаного гроша.

Бекю хан. Золотом осыплю вас.

Багир хан. Каждая капля пролитой тобой кровью во сто крат дороже народу самых драгоценных камней короны твоего шаха. Чем ты искупишь эту кровь?

Бекю хан. Отдаю все двадцать семь своих именей.

Багир хан. Они не твои. (*Тутунчу оглу.*) Ведите!

Дервиш (*под действием опиума*). Держите меня. Помогите, друзья, мост валится.

Даваткяр оглы (*под действием опиума*). Привести ко мне Саттар хана и Багир хана. Я сам вздерну их на виселицу.

Зейнаб (*схватив за ухо, поднимает его*). Встань, несчастный. Багир хан стоит перед тобой.

Даваткяр оглы (*полуочнувшись*). Отпусти, слушай. Что я тебя—мальчишка? (*Открывает глаза и, увидев Зейнаб, пытается обнять ее.*) О, как хорошо, что это только сон. Не будь это сном, это была бы моя гибель.

Зейнаб. Убери руки, негодяй!

Багир хан. Берите их! По улицам Тавриза, которые они хотели залить кровью, я поведу их к сардару и брошу к его ногам.

Бекю хан. Меня?.. Нет, лучше сразу убейте. Багир хан. Молчи, сова, одной смертью ты не избавишься. Ты своей подлостью опозорил себя навеки. Наша отчизна, переживающая славные дни своей истории, заклеймит проклятием весь твой род.

Освобожденные из-под стражи Хаджи Мехти и Хаджи Саалман входят в зал.

Хаджи Саалман. Скажешь, я тоже скажу.
Хаджи Мехти. Молчи, я тоже помолчу... Где этот изверг Бекю хан? Теперь мы расплатимся с ним.

Хаджи Салман. Слава Саттар хану!
Кудрат. Салар, нас окружают.
Багир хан. Сейчас увидим, кто кого окру-
жит. Достаньте бомбы. За мной!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната Зейнаб. Бедная обстановка. На стене горит светил-
ник. Ночь. Доносится грохот орудийной пальбы. Дильруба
ходит по комнате, укачивая сына Зейнаб, Меджида.

Дильруба (*тихо напевает*):

Бай-бай тебе пою.
Сни под песенку мою,
В сладком сне, в саду волшебном,
Отыщи мечту свою.

Нина (*поспешно входит*). Есть кто дома?

Дильруба (*в сторону*). Опять она. Опять
пришла растравлять рану моего сердца.

Нина. Что вы говорите?

Дильруба. Кто тебе нужен?

Нина. Мне нужно видеть Кудрата.

Дильруба. Ради бога, уйди. Не терзай мое
сердце.

Нина. Я не хочу беспокоить вас. Но почему
нет Кудрата? Скоро ли он придет?

Дильруба. Кудрат не придет сюда. Он здесь
не живет.

Нина. Но мы должны были встретиться здесь.
(*Выжидательно глядит на Дильрубу, смеется.*)
Ничего не понимаю... (*Уходит.*)

Дильруба (*проводит ее пристальным
взглядом.*) Как пусты и обманчивы бывают мечты
девушек. Дни и ночи я думала о Кудрате. Ждала,
надеялась... И вот он вернулся из Баку и все мой

мечты рассыпались прахом. Привез с собой русскую девушку.

Зейнаб (*входит вооруженная*). Дильруба, родная, какой у тебя усталый вид. Ребенок, наверно, замучил тебя?

Дильруба. Нет, Зейнаб. Он мое утешение.

Зейнаб (*ставит в угол винтовку, снимает с себя патрончашу*). Если бы ты знала, как он дорог мне. Родился он, когда я жила, как нищая. И вот в эти страшные дни он может остаться совсем сиротой...

Дильруба (*прижимая ребенка к груди*). Что ты говоришь, Зейнаб. Ты боишься за Джавада?

Зейнаб. Дильруба, разве ты не видишь? Идут тяжелые, кровопролитные бои. Посмотри на город, на эти языки пламени. Наши — в этом аду.

Грохот орудий.

Дильруба (*смотрит в окно*). О, господи, какой ужас... А он тоже, наверно, там.

Зейнаб. Свободу не завоеуешь без крови и жертв. Сегодня у нас погибло около двадцати девушек. Я слышала их прощальные слова... Путь к нашей победе, к свободе и счастью азербайджанского народа лежит через этот огонь.

Дильруба (*отдает ребенка Зейнаб*). Ты должна быть счастлива, Зейнаб, что имеешь такого сына.

Зейнаб. Да, Дильруба, сейчас я счастлива. Но кто после меня будет баюкать моего малышку, кто приласкает, приголубит его как мать?

Дильруба. Не надо, Зейнаб. Я же не умерла еще. Разве не я вырвала его из огня?

Зейнаб (*качая ребенка, напевает*):

Если светел небосвод, —
Утро ясное придет.
Если ты мне улыбнешься,
В сердце радость расцветет.
Бай-бай, бай-бай, дорогой, бай-бай,
Радость жизни, попок мой, бай-бай...

Ах, Дильруба, и ты станешь матерью. У тебя будет свой ребенок.

Дильруба (*печально*). О, Зейнаб, я мечтала об этом. Но...

Зейнаб (*удивленно*). Что с тобой? Что случилось? Кудрат...

Дильруба. Зачем спрашиваешь? Ты же знаешь, что он любит русскую девушку. (*Плачет.*) Почему он обманывает меня?

Зейнаб (*кладет ребенка на постель, подходит к Дильрубе*). Глупенькая, да разве он может любить кого-нибудь, кроме тебя?

Дильруба. Я все понимаю. Она красивая, ученая... А что я такое? Бедная крестьянка.

Зейнаб (*глади ее по голове*). Брось такие мысли. Кудрат любит тебя, и один твой волосок не променяет ни на что на свете.

Дильруба. Так он писал в письмах из Баку. Неужели такие же слова говорит он каждой девушке?

Зейнаб. Я люблю тебя больше, чем брата. Если он изменит тебе, я не прощу его. Но тому, что ты говоришь, я не могу поверить.

Дильруба (*составляет письмо, показывает его Зейнаб*). Теперь поверишь? Вчера та самая русская девушка принесла. А сейчас опять пришла. Видно здесь я мешаю их счастью.

Зейнаб. Русская, говоришь?

Дильруба. Да, русская. Вчера она несколько раз повторила, что письмо надо вручить самому Кудрату.

Зейнаб. А ну, дай-ка мне.

Дильруба. Нет, она сказала отдать только ему...

Зейнаб. Вот новое горе на мою голову. (*Смотрит на портрет Кудрата.*) Разве революционеры так поступают?

Дильруба. Говорят, что характер человека можно узнать по его лицу (*Смотрит на портрет.*) Неправда! Глаза у него добрые, взгляд прямой, благородный, а сердце, оказывается, совсем другое.

Зейнаб. Ты не убивайся, я серьезно, очень серьезно поговорю с Кудратом.

Дильруба. Не надо. Может быть он будет счастлив с этой русской девушкой.

Стучат. Зейнаб выходит открыть дверь.

Дильруба (*одна*). Нельзя заставлять человека пить любовь, как горькое лекарство. (*Достает письмо, смотрит на него.*) Я любила его по-другому, а теперь буду любить как товарища, как революционера.

Входят Зейнаб и Кудрат. Дильруба прячет письмо.

Кудрат. Салам, Дильруба.

Дильруба. Салам.

Кудрат (*снимает с себя оружие*). За два дня ни глотка воды. Снаряды иранцев засыпали нас землю Тавриза. (*Зейнаб*). Сестра, принеси немного воды, хоть умоюсь.

Зейнаб (*холодно*). Грязь на лице легко смыть, а вот на совести трудно.

Кудрат (*удивленно*). На совести?.. Грязь?.. Я что-то не понимаю тебя, сестра.

Зейнаб. Мне даже стыдно говорить о твоём поступке.

Кудрат. Объясни толком, в чем дело?

Зейнаб. Не позорь наш род. Ты же знаешь, что я вырвала эту девушку из пасти волков. Она пять лет ждала тебя. А ты морочишь ей голову.

Кудрат (*протягивая обе ладони*). Ничего не понимаю... Нельзя ли говорить яснее?

Зейнаб (*поливая ему руки водой*). Что это за девушка, которая ходит к тебе сюда?..

Кудрат. Девушка?.. Сюда?..

Зейнаб. Не притворяйся. Лучше подумай как следует над своим поступком. Что скажет сардар, если узнает?

Кудрат (*плеснув водой на лицо, выпрямляется и с недоумением смотрит сначала на сестру, потом на смущенную Дильрубу*). Дильруба, клянусь, что и умирать в бою буду с твоим именем на устах.

Дильруба. Может быть, я поверила бы это клятве, если бы не видела вас вместе. (*Показывает письмо.*) Вот она оставила тебе письмо.

Зейнаб. Что скажешь теперь?

Кудрат (*берет письмо из рук Дильрубы*). Что может быть страшнее сомнений? (*Вскрывает конверт, укоризненно качает головой.*) Дильруба, что ты наделала, Дильруба? Разве можно два дня прятать такое письмо? Я даже не знаю, как теперь поступить. Это равносильно измене.

Зейнаб. Да, конечно, измена. Сорвала ваше свидание. По-русски написано? Дай сюда, ктонибудь мне прочтет.

Кудрат. Пойми меня, Зейнаб, и не отравляй сердце Дильрубы ядом сомнения. Нельзя разглашать это письмо.

Зейнаб. Ну, я так и знала, что ты это скажешь. Почему нельзя? Если бы это было простое письмо, ты сам прочел бы его нам.

Стучат. Зейнаб выходит из комнаты.

Дильруба. Меня не интересует письмо. Мне все ясно.

Кудрат. Дильруба, поверь, — нет никакого повода к ревности. И вообще — ревность страшный меч, разящий любовь.

Дильруба. Как может не ревновать девушка, если она любит?.. (*Начинает собирать свои вещи.*)

Зейнаб (*входит вместе с Тутунчи оглы*). Ты что, Дильруба? Хочешь уйти?

Дильруба. Ухожу. Не хочу мешать ей.

Зейнаб. Пускай уходят из моего дома те, кто не любит тебя. *(Отнимает у нее вещи)*
Кудрат *(Тутунчи оглы)*. Что нового в штабе?

Тутунчи оглы. Получено только что сообщение, что иранцы прорвали линию нашей обороны на Хиябане и у Гуручая.

Кудрат *(Тутунчи оглы)*. Асад, ты сейчас же вернись к сардару. *(Тихо.)* Вручи ему это письмо лично.

Зейнаб. Не придумывай всякие хитрости, чтобы сплавить это письмо. Как хочешь, а я должна знать, что там написано.

Дильруба *(зажав свои вещи в узел, Тутунчи оглы)*. Асад, если ты идешь, проводи меня до квартала Маралана.

Кудрат *(хочет отобрать у нее вещи)*. Успокойся, Дильруба. Поздно, уже ночь, с неба градом сыпаются осколки снарядов.

Стук в дверь. Кудрат идет открывать и возвращается с Ниной.

Нина. Кудрат, неужели письмо не передали тебе? Почему ты не выполнил того, что там написано?

Кудрат. Письмо мне передали только сейчас. Дильруба. Никто твоим письмом не интересуется.

Нина *(удивленно)*. Что она хочет сказать?

Зейнаб встает, обнимает Нину, целует.

Кудрат *(Тутунчи оглы)*. Асад, мне придется подождать здесь, пока придет Джавад ага. А ты отнеси письмо сардару, не задерживайся.

Зейнаб *(Нине)*. Познакомься, невеста Кудрата. *(Указывает на Дильрубу.)*

Нина *(пожимая ей руку)*. Нина Никитина.

Зейнаб *(Дильрубе)*. Это жена одного нашего товарища, наш близкий друг.

Нина *(улыбаясь, глядит на девушку)*. А какая она красавица! Поздравляю, Кудрат. Только

почему это все черноглазые девушки такие сердитые?

Кудрат. Она и сердитая, и ревнивая. Это она задержала письмо. Еще бы немного и...

Нина. Ах, вот как... А я все думала: почему это девушка так сердито отвечает мне? Придется нам теперь познакомиться поближе. Я друг товарища Кудрата по общему делу революционной борьбы.

Зейнаб *(хохочет)*. Послушай, неужели ты приревновала его к Нине?..

Дильруба *(в радостном порыве целует Нину)*. Прости меня, я была слишком груба с тобой.

Кудрат. Но я ни тебе, ни сестре своей не прошу.

Джавад ага *(входит)*. Привет, друзья. Пришел за вами. На подступах к Гуручаю положение осложнилось. Противник перебрасывает туда свежие силы.

Нина. А я как раз пришла сообщить вам, что правительственные войска, как стало известно в консульстве, намерены ворваться в город со стороны Гуручая и Маралана.

Кудрат *(Зейнаб и Дильрубе)*. Сегодня очень опасная ночь. Сидите лучше дома.

Джавад ага. Я тоже не советую выходить.

Зейнаб. Ребенка есть с кем оставить. Уж если умирать, так вместе.

Кудрат. Решайте сами. *(Джавладу.)* Враг ворвался в квартал Гара-Мелик. Ты должен направиться туда, разведать силы иранцев, действующие в этом направлении. Задача рискованная. Но выполнение ее сардар поручил тебе.

Джавад ага. Я готов.

Кудрат. Разведать положение, и сейчас же в штаб. Не задерживайся.

Джавад ага. Иду.

Кудрат подходит к постели, целует ребенка и хочет уйти.
Дильрубба останавливает его.

Дильрубба. Подожди, я пойду вместе с тобой. (Проходит в другую комнату, чтобы переодеться.)

Нина. Пойдемте все вместе. Я загляну в штаб...
Кудрат (сестре). Зейнаб, не оставляй ребенка.

Выходит Дильрубба, переодевая, и присоединяется к Кудрату и Нине. Простившись, все трое выходит.

Джавад ага. Зейнаб, я знаю, ты не послушаешься меня. Но сына я поручаю тебе. Прощай, я ухожу.

Зейнаб. Где ты будешь?

Джавад ага. У Гуручая... Зейнаб, если со мной что-нибудь случится, сын останется на твоём попечении.

Зейнаб. Не думай об этом, родной.

Джавад ага (наклонившись к постели, целует сына, затем оборачивается к Зейнаб и достает из кармана часы.) Возьми эти часы, Зейнаб. Когда Меджид вырастет, отдашь ему, скажешь — отец подарил. А отцу, скажешь, подарил эти часы сам Саттар хан.

Ребенок просыпается.

Зейнаб (склонившись над ним, напевает):

Баю-баю, дорогой, бай-бай.
Радость жизни, покоей мой, бай-бай.
Спи дитя спокойно, сладко.
Я твой сон храню, родной, бай-бай.

Джавад ага (хочет уйти, но снова возвращается). Спи, сыночек, спи, дорогой. Тебе я не смог дать счастливой жизни, но я иду сражаться и готов умереть за счастье тысяч таких, как ты...))

Зейнаб обнимает Джавад агу и целует.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Мост через Гуручай. Фронт. Революционные войска идут в атаку. Иранские правительственные войска отступают. Кудрат, Джавад ага, Тутунчи огам и другие устремляются к мосту. Позднее всех прибегает Таги бек.

Кудрат. Муджахиды, вперед!

Короткая схватка, и муджахиды овладевают мостом.

Джавад ага. Можно двигаться дальше. Вряд ли иранцы смогут бросить сюда подкрепления.

Кудрат. Нет, мы нарушили бы приказ сардара. Иранцы могут окружить нас. Маралаан и Хябан все еще в их руках.

Джавад ага (отдает команду). Стой. Занимай позиции!

Таги бек (подбегая). Как это так? (Стреляет в воздух.) Зачем нам обороняться, когда мы можем наступать? Враг бежит.

Джавад ага. Не разговаривать. Это приказ сардара.

Таги бек. Сколько мы крови пролили, чтобы взять мост, а он — "стой".

Джавад ага. Во-первых, ты прибежал, когда мост уже был нами взят. И, во-вторых, приказ сардара — для нас закон.

Таги бек (муджахидам). Ребята! Чего нам ждать? Слава богу, каждый из нас — богатырь и в храбрости не уступит Саттар хану. (Снова стреляет в воздух.)

Тутунчи оглы. Саттар хан—вождь народа, Багир хан—полководец нации, а какое звание тебе дать Таги бек?

Джавад ага. Я дам ему звание. Саттар хан—вождь нации, Багир хан—мощь нации, а Таги бек—вошь... на теле нации.

Все хохочут.

Тутунчи оглы. Вошь!.. Ха!.. ха!.. Клянусь, это самое достойное его звание.

Таги бек (*хмуро*). Смейтесь, смейтесь... Жаль патронов у меня мало, а то каждого из вас наградила бы горячей пулей. (*Стреляет в воздух.*)

Тутунчи оглы. Если патронов мало, так чего же палишь в небеса, дурак?

Кудрат входит в сторожевую будку у моста, долго крутит ручку телефона. Наконец, ему удается соединиться с Саттар ханом.

Кудрат. Сардар, ваш приказ выполнен: мост через Гуручай в наших руках... Да, дух бодрый, бойцы рвутся в бой... Петь и играть? Хорошо! ... Буду ждать вашего приказа. (*Вешает трубку. Обращаясь к бойцам.*) Пойте, играйте, товарищи! Будем веселиться. Чего нам унывать? Победа будет за нами.

Тутунчи оглы. Ребята, и в самом деле, отчего нам не веселиться? Пойте в память павших и во славу живущих!

Один из муджахидов. Эй, кто тут есть из музыкантов? Отставьте ружья, берите свои зурны, рожки.

Таги бек. Так нельзя воевать. Что мы—пришли сюда плясать? (*Кудрату.*) Надо сражаться!

Тутунчи оглы. Гасан ага, начинай.
Гасая ага (*поет*):

Над Тавризом нарис кровавый туман.
Трусм честь продают шагу за туман.
Я хочу чтоб млась кровь из вражьиx рая.
Мой отец Исмаил стоек и упрям.
Я герой—Саттар хан, смерть лесу врагам.

Таги бек (*певцу*). Спасибо, молодец, долгой тебе жизни! (*Стреляет.*)

Джавад ага. Тебе что сказано? Зачем стреляешь?

Таги бек. Вы же сами сказали—надо веселиться. Вот я и веселюсь.

Гасан ага (*поет*).

Мой отец Исмаил—гарадагский хан.
Я за родину мстид, трепетал тиран.
Я вскочу на кони—булет ураган.
Все таурици пойдут по моим стопам.
Я герой—Саттар хан, смерть лесу врагам.

Тутунчи оглы. Слава Саттар хану!

Кудрат. С тыла кто-то приближается. Как бы нас и в самом деле не окружили (*Идет про-верить.*)

Таги бек. Ну, конечно. Я же говорила, что надо было наступать. Тогда мы не очутились бы здесь в ловушке. (*Тихо.*) О, аллах!

Тутунчи оглы (*Таги бек*). Рано же ты потерял свою богатырскую храбрость.

Джавад ага (*окликает*). Кто там идет?

Голос из темноты. Не чужой.

Джавад ага. Пароль?

Голос. Кирман.

Джавад ага (*бойцам*). Свои.

Таги бек (*поднимаясь*). Кто же еще может быть, если не свои?

Багир хан (*подходит к мостовой будке*). Здравствуйте, ребята. (*Пожимает руку Кудрату.*) Поздравляю с победой. По-моему, вы могли пойти и дальше.

Кудрат. Нет, салар. Ночь! Связь с другими частями потеряна. Легко попасть в окружение.

Багир хан. Погалауй, ты прав. Со стороны Маралана иранцы могли ударить вам в тыл.

Таги бек (*бойцам*). Что это, как не измена? Говорил же я вам, что этот бакниец продаст нас.

Багир хан (*гневно Таги беку*). Ты как сюда попал?

Таги бек. Господин салар, разве я не из тех революционеров, которые до последней капли крови сражаются за свободу?

Багир хан (*смеется*). Жандармы Таги борется за свободу Азербайджана! (*Таги беку*). Я хорошо знаю тебя. Вой отсюда!

Таги бек. О, пощади, господин салар! Куда я денусь в такое время. Теперь ночь, и обязательно попадешь под пули врага или своих.

Тутунчи оглы (*потешаясь*). А ты думал—на фронте не пули, а мухи летают? Эй, командир! Возьми сотню муджахидов в охрану да пару пушек, проводи домой эту вошь.

Таги бек (*Багир хану*). Господин салар, умоляю...

Багир хан. Ладно уж, сиди. Да смотри у меня—языку не давай воли.

Кудрат (*у телефона*). Центр, центр. . Дайте фронт Маралана. ... Это Кудрат, фронт Гуручая... Да, да, я, Сандро, как дела?... Патронов не хватает? Надо бережливее расходовать... Ночь, понимаю. Да, вот что, не забудь: бомбы номер сорок—на расстоянии тридцати шагов. Понял?... Держи связь с фронтами Хиябак и Геок-Мечеть.

Багир хан. Участок Маралан иранцы засыпают снарядами. Невозможно голову поднять от земли. Осколки, земля—как дождь... (*Услышав за спиной звонок телефона, оборачивается, берет трубку*.) У телефона Багир хан. ...Приветствую тебя, брат сардар... Да, блестяще проведенной атакой ребята отбросили врага. Мост в наших руках. Потери очень небольшие... Слышу... Как? Что?... Сейчас вышлю. (*Кладет трубку*.) Сардар сообщает, что враг прорывается в город со стороны моста Аджи. Нужно выслать подкрепление.

Кудрат (*Тутунчи оглы*) Асад, вышли две сотни конных к мосту Аджи! Быстро! Да пусть захватят бомбы номер сорок. Кони готовы?

Тутунчи оглы. Да!

Кудрат. Тогда пусть не задерживаются.

Джавад ага (*заметив приближающиеся тени*). Кто идет?

Зейнаб (*подходит с группой женщин и девушек*). Кирман. Хорошая ночь, товарищи!

Джавад ага. Зейнаб, ты ранена?

Зейнаб. Пустяки. Лишь бы салар и сардар здравствовали. (*Тащит пулемет*.)

Кудрат. Как дела на площади Саман?

Зейнаб. Там все кончено. Иранцы бежали, потеряв много убитыми. Сардар приказал этот пулемет перебросить сюда.

Женщины раздают муджахидам пищу и воду.

Кудрат (*сестре*). А где Дильруба?

Зейнаб. Она сражается у ворот Девичи.

Багир хан (*приняв донесение связного, подходит к Кудрату*). Противник готовится атаковать мост.

Кудрат. Эй, ребята! Предупреждаю: ни одной пули! Без команды не стрелять.

Таги бек. Странно, ей богу.

Кудрат. Враг не должен знать, какими силами мы располагаем здесь.

У моста начинают рваться снаряды. Враг засыпает пулями муджахидов.

Таги бек. Сейчас враг подойдет и перережет нас, как кур. А командир не велит стрелять (*бойцам*). Что вы думаете, несчастные?

Джавад ага. Курицам не место на фронте... Тебе сказали молчи—и молчи, сиди спокойно.

Таги бек. Что это такое, ей-богу. Разве джигит с джигитом так говорит?

Кудрат. Хорошо джигит, у которого сердце в пятки ушло.

Багир хан. Победа достигается отвагой и дисциплиной. (*Кудрату*.) Не время?

Джавад ага. Ты куда?

Таги бек. Я не из тех, кто не выполняет приказов господина салара. Он сказал „уходи“, я ухожу.

Тутунчи оглы. Сиди на месте!

Таги бек. Как это так—„сиди“? Что я—в тюрьме? Добровольно записался, по доброй воле и...

Джавад ага. Не пускайте его.

Багир хан (*Дильруба*). Молодцом, дочь моя. Возьми-ка фонарь, посвети мне. (*Быстрыми шагами направляется к муджахидам*)

Таги бек. Разве так обращаются с настоящим революционером? Я же не арестант какой-нибудь? Дайте уйду, как-нибудь проживу на свете.

Багир хан (*входя в укрытие*). Среди нас есть предатель. Вот что он пишет Эйнуудовле. (*Наклоняется к фонарю, который держит в руках Дильруба, читает*). „Господин принц. Как мы договорились, считайте мои выстрелы в воздух. Каждый выстрел—сто муджахидов. У моста сейчас пьют. Мост вы напрасно оставили. Муджахиды потеряли ранеными и убитыми всего пятьдесят человек. Я стараюсь сеять недовольство среди муджахидов, неверие в командиров. Во время боя постараюсь вызвать панику. Кудрата уничтожу при первой возможности...“ Кто мог написать это? Отвечайте, кто?

Джавад ага. Кто писал не знаю, но занимался этим у нас Таги бек.

Тутунчи оглы. Это он все стрелял в воздух.

Таги бек. Сознаюсь... Но, ради аллаха, пощадите меня. Кто в жизни не ошибался? Страх заставил меня служить Эйнуудовле. Если вы сохраните мне жизнь, я клянусь...

Багир хан (*муджахидам*). Скажите мне, какое наказание заслужил этот подлый предатель?

Зейнаб. Смерть.

Багир хан (*Тутунчи оглы*). Именем революции приказываю: расстреляйте его!

Таги бек (*падает к ногам Багир хана*). О, салар, пощади! Ради революции...

Багир хан (*не слушая его*). Враг приближается. Мужайтесь... Кудрат, Джавад ага, идите к бомбометчикам. Вам надо принять на себя первый удар... Зейнаб—к пулемету...

Кудрат, Джавад ага и Зейнаб бегут к своим местам.

Багир хан (*к муджахидам*). Друзья! Путь к победе лежит через огонь этой решающей битвы.

Раздаются залпы повстанческой артиллерии. Багир хан взмывает рукой на высоту, где сверкают вспыхивающие орудийные выстрелы.

Багир хан. Этот гром зовет нас к борьбе, к самоотверженности, он предвещает победу.

Справа и слева раздаются взрывы бомб. Багир хан берет бомбу из рук Джавада поднимается на бруствер окопа.

Муджахиды, вперед!

Часть бойцов выскакивает из окопа вслед за ним, Джавад ага подбегает к тем, что не решаются идти в контратаку. Разгорается ожесточенный бой. Таги бек, пользуясь замешательством, поднимает ружье, целится в Зейнаб.

Дильруба (*бежит к Таги беку*). Подлец, что ты делаешь?

Таги бек стреляет. Дильруба выстрелом в лицо из револьвера убивает его.

Кудрат (*появляясь на насыпи возле моста*). Дильруба, скорей к пулемету. Зейнаб ранена...

Дильруба и Джавад ага избегают на насыпь.

Кудрат. Нет, салар! Надо подпустить на расстояние бомбового удара.

Джавад ага. Муджахиды, подготовьтесь!

Таги бек. Пожалуйста, я давно готов. (Стреляет.)

Кудрат (возмущенно Багир хану). Один трус может испортить все дело... Хорошо еще, если только трус, а не предатель. (Бойцам.) Муджахиды, будьте готовы, ждите команду! По команде бросайте бомбы в самую гущу врага.

Голоса иранцев:

Али хан, вперед!

Сафар Али хан, вперед!

Мамед Али хан, вперед!

Женщины несут раненых муджахидов. Джавад падает, раненая пласей. Ее заменяют.

Багир хан (обнажая саблю). Муджахиды, солдаты революции! Настал час испытания и отваги. Смерть на поле брани—высокая честь и великая слава. Держитесь крепко, пусть знают враги, что азербайджанцы, сбросив с себя иго угнетателей, скорее умрут, чем расстанутся со своей свободой.

Таги бек. Мы не маленькие, можем и сами рассуждать. Знаем, когда нам надо наступать, когда—отступать.

Зейнаб. Что это за разговоры? В бою рассуждать могут только предатели.

Таги бек. Чорт возьми. Не хватает еще, чтобы нами бабы командовали. Не знаю, зачем тогда мы носим папаху на голове?

Джавад ага. Замолчи. Голову размою тому, кто не будет слушать приказа салара.

Кудрат (с бомбой в руке). Ложись! (Кидает бомбу.) Огонь!

В наступающую толпу иранцев летят бомбы.

Тутунчи оглы (Багир хану). Салар, зовут к телефону.

Багир хан (идет к сторожевой будке, берет телефонную трубку). Да, слушаю... Можете быть уверены—атаку мы отобьем... Что? Где?... У Маралана?.. Очень хорошо. Постараемся завершить разгром врага. (Кладет трубку, возвращается к Кудрату.) Из штаба сообщают, что в Маралане противник разгромлен. Теперь и нам, если отобьем атаку, можно будет перейти в наступление.

Кудрат. Если так, нельзя терять ни минуты. По-моему, надо сейчас же начинать контратаку, чтобы не дать им времени собрать свои силы.

Багир хан. Обождем немного, сюда идет Саттар хан. (Бойцам.) Смелее, ребята! Ваши товарищи разгромили врага в Маралане. Сардар идет нам на помощь.

Джавад ага (замечит быстро приближающуюся тень). Кто?... Пароль?

Ответа нет.

Таги бек. Дай я уложу его. (Хочет стрелять.)

Зейнаб. Стой. (Бьет винтовкой по стволу ружья Таги бека.) Кто тебе разрешил?

Выстрел, пуля летит вверх.

Таги бек. Что значит—"стой"? Революционер обязан быть осторожным. (Еще раз стреляет вверх.)

Дильруба (подбегая к Багир хану). Салар, там задержали шпиона с письмом к принцу Эйнуddовле.

Багир хан. Где же он?

Дильруба. Застрелился. А письмо—вот.

Багир хан. Давай сюда. (Отходит к фонарю, стоящему за земляным укрытием, читает письмо.)

Таги бек осторожно выглядывает из укрытия.

Багир хан (с бруствера окопа). Смелее друзья! Я сам поведу вас. Ваших товарищей перебьют, если вы останетесь сидеть здесь...

Кудрат (подбегая к нему). Братя, жизнь — только впереди. Нас окружают. Останетесь здесь — все погибнете.

Над Тавризом сверкают молнии, начинается сильный дождь.

Зейнаб (открывает глаза, узнает склонившегося над ней Джавада, говорит невнятно, как в бреду). Джавад, как я любила слушать тебя... Хочу... в последний раз услышать твой голос... Пой скорее...

Джавад ага (глотая слезы, поет):

Омрачались выси гор,
Наклопились выси гор.
Плачут торько небеса,
Угасает милой взор...

Зейнаб (медленно закрывает глаза). Прощай, Джавад... Береги Меджиду... (Умирает.)

Дильруба (плача). Зейнаб... Клянусь перед твоим дорогим прахом, что твой сын будет моим родным сыном. (Прикрывает ее своей шалью.)

Тутунчи оглы (подбегая к салару и Кудрату). Саттар хан идет.

На насыпи появляется Саттар хан. Позади него полощут на ветру красивые знамена. Багир хан, Кудрат и Тутунчи оглы идут к нему навстрочу.

Саттар хан (останавливаясь перед телом Зейнаб). Кто это?

Дильруба (поднимая на сардара наполненные слезами глаза) Зейнаб... убита предательской пулей.

Кудрат (опуская голову). Нас предали, сардар. Положение трудное.

Багир хан. Мы почти проиграли бой.

Саттар хан (обращаясь к знаменосцам) Склоните знамена над главной дочерью Азербайджана... Прощай, Зейнаб.

Опускаются знамена. Грохочут залпы повстанческой артиллерии.

Багир хан. Зейнаб, Зейнаб!.. Сколько бы ни разрушила я дворцов и тронов, огонь мести в сердце моем не угаснет.

Саттар хан (муджахидам). Азербайджанцы! Каждая такая жертва еще больше укрепляет в нас волю к победе. Борьба продолжается. Поднимайтесь на бой. Пусть молнии, сверкающие над Тавризом, еще раз ослепят глаза шаха пламенем революции. Вперед! За свободу и независимость Отечества!

Войска идут в наступление. С новой силой разгорается бой. Грохот стрельбы и взрывов постепенно удаляется.

Занавес.

ТАВРИЗ ТУМАННЫЙ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ДОВЕРЕННЫЙ „ШЕЙХА“ АБДУЛЬ-АЗАЛЯ

Помимо своего официального штата, английский консул располагал в Тавризе значительной шпионской агентурой.

По скромным подсчетам нашего подпольного революционного комитета, численность английских тайных агентов достигала не менее полутораста человек. Завербованные в шпионскую сеть коренные тавризцы составляли меньшинство агентуры. Основной контингент шпионов был импортирован в Тавриз из Южного Ирана, где англичане чувствовали себя полными хозяевами.

В состав этой английской агентуры проникли также люди, подсланные нами и получавшие от нас нужные указания.

Мы знали, что английский консул затрачивает немало средств для того, чтобы установить имена всех членов подпольного комитета действия и силы тавризских боевых дружин. Ненависть его к нам объяснялась одним пунктом из нашей программы — борьбой против захватнической политики британского империализма в Иране.

Когда английскому консулу удавалось получать сведения о том или ином подпольщике-революционере, он немедленно сообщал о нем помощнику губернатора Азербайджанской провинции, Сардару Рашиду.

Однако помощник губернатора не только не принимал никаких мер в связи с этими доносами,

но, наоборот, ставил меня о них в известность. Столь „благородными“ поступками помощника губернатора руководило конечно, не его сочувствие освободительному движению. Нечего говорить, что он был ярким ненавистником революции. Такое поведение Сардара Рашида вызывалось нашим уговором с ним, построенным на его боязни компрометирующих разоблачений, которые могли последовать с нашей стороны. К тому же он принадлежал к числу тех карьеристов, для которых совесть, честь и достоинство — только цепи на ногах, мешающие шагать к намеченной цели. А эта цель уже казалась ему близкой. Репутация губернатора Хаджи Самед хана пошатнулась, и его должность должна была стать вакантной.

В эти дни в Тавризе обнаружилось некое духовное лицо, прибывшее из Шираза в качестве представителя „шейха“ Абдуль-Азала Муайада, английского шпиона.

Наши люди пристально следили за этим новоявленным „духовным лицом“, остановившимся в доме муджтеда* хромого Мирзы Масуда, мракобеса и реакционера с проанглийской ориентацией...

Однако установить подлинное лицо шпиона, выдающего себя за мусульманское духовное лицо, и цель его приезда в Тавриз, не могли не только мы, но, как нам стало известно даже и американский консул, очень заинтересовавшийся прибывшим.

Не помог в этом и осведомитель из английского телеграфного агентства Рейтер; ни в одной из его телеграфных корреспонденций не было никаких указаний относительно неизвестного.

Молчало также и иранское телеграфное агентство.

Мы вели за таинственным духовным лицом непрерывное наблюдение.

* Муджтед — высшее духовное лицо у мусульман.

У ворот дома хромого Мирзы Масуда круглыми сутками просиживали религиозные фанатики, надеясь, что на них снизойдет благодать „шейха“ через его „посланца“.

Наши доверенные люди присоединились к ним и также по ночам дежурили у этих ворот.

Во втором часу ночи меня поднял с постели стуком в дверь Хасан-ага.

Он сообщил мне, что во дворе хромого Мирзы Масуда ведутся приготовления к отъезду, и что, вероятнее всего, вычат на лошадей багаж неизвестного.

— Отлично, — сказал я. — Если это уезжает „неизвестный“, следуйте вместе с Асадом Тутунчи оглы за ним по пятам. Задача ясна и повторять ее не буду. Действуйте смело и решительно!

Рано утром по городу разнеслась весть, будто „посланник шейха“ Абдуль-Азала выехал в Самирю, чтобы привезти в Тавриз самого „шейха“.

Ясно было только одно: англичане подготавливают какую-то авантюру.

Из письма Махру* мы узнали, что вместе с „посланцем шейха“ выехал также высшее духовенство, чтобы с почестями доставить в Тавриз „шейха“ Абдуль-Азала Муайада.

По словам Махру, Сардар Рашид тщательно скрывал истинный смысл второй поэмы вокруг „шейха“ и делал вид, что будто все принимаемые им меры проводятся в строгом соответствии с волей народных масс и их религиозными чувствами.

Хасан-ага и Асад Тутунчи оглы, в сопровождении нескольких наших товарищей, последовали верхами за караваном „посланца“.

* Действующее лицо романа, сестра помощника губернатора Сардара Рашида. Она сочувствует революционному движению и оказывает подпольщикам денежные услуги, информируя о различных мероприятиях своего брата.

В Васминдже „посланец“ остановился на ночевку в доме муджтеида Хаджи Муллы Азиза.

Весь его багаж был отнесен в отведенную для него комнату.

Наши люди во главе с Хасаном-ага и Асадом Тутунчи оглы вели приготовления к похищению чемоданов „посланца“. В час ночи „посланец“ был приглашен в гостиницу хозяина дома, где была подан обильный ужин. Воспользовавшись его отсутствием Хасан-ага, при содействии своих помощников, проник через окно в комнату „посланца“ и захватил два чемодана и переметную суму.

Изъяв из чемоданов вещи, они бросили их во дворе дома Хаджи Муллы Азиза, и, не задерживаясь, пустились в обратный путь.

Вещи и документы „неизвестного“ были доставлены в Тавриз. Там мы принялись их осматривать со всей тщательностью, но ничего не могли обнаружить, кроме того, что неизвестный „посланец“ именовался Мирза Хадди Рахнума.

Мы распорол подкладку одежды, отодрали подошвы от туфель, разрезали переплет корана, заглянули внутрь мундштука, но все было бесполезно.

Я исследовал также пенал, где находились пять тростниковых ручек. Сделав продольный разрез, я нашел внутри одной ручки свернутый в тонкую трубку листок папиросной бумаги, испещренный цифрами.

Тогда мы взрезали и остальные ручки и внутри каждой из них нашли такие же свертки папиросной бумаги с зашифрованными письменами.

После этого мы стали производить с каждой вещью различные опыты. Мы согрели над огнем один из накрахмаленных носовых платков, и на нем длинными колонками выступили цифры. То же самое мы проделали и с другими носовыми платками. Все они были заполнены колонками цифр.

Среди вещей Мирзы Хадди Рахнума мы нашли также чрезмерное количество фальшивых английских банкнотов.

Спрятан платки и ручки с зашифрованными письменами, остальные его вещи мы сожгли вместе с фальшивыми деньгами.

Как и следовало ожидать, загадочные цифры оказались английским шифром.

К полудню до Тавриза дошли слухи о похищении вещей у „посланца шейха“. Слухи эти, распространяясь среди темных отсталых людей, принимали самые фантастические формы.

Говорили, будто:

— человек, похитивший вещи, тотчас же стал калекой и упал во дворе дома Хаджи Муллы Азиза, не дойдя до ворот...

— на самой середине дороги, ведущей в Васминдж, обнаружены все украденные вещи, а похитители превратились в каменные глыбы...

— воров было трое: один из них превратился в обезьяну, другой — в медведя, а третий — в козла...

Однако такого рода сообщения о находке вещей Мирзы Хадди Рахнума и о каре божьей, постигшей воров, не могли удовлетворить английского консула, и он потребовал от Сардара Рашида приступить к энергичным розыскам вещей и их похитителей.

Сардар Рашид начал с того, что арестовал в Васминдже Хаджи Муллу Азиза, во дворе которого были брошены пустые чемоданы и переметная сума.

Однако вскоре к Сардару Рашиду явился английский консул и решительно протестовал против подобных бессмысленных действий, требуя немедленного освобождения Хаджи Муллы Азиза, который сам являлся английским агентом.

Сардар Рашид внимательно выслушал английского консула, во всем с ним согласился, но не освободил из-под ареста Хаджи Муллу Азиза. Эта мера понадобилась ему на тот случай, если бы

пришлось представить отчет о начале им расследованиями правительства: ведь пустые чемоданы, найденные во дворе дома Хаджи Муалы Азиза, служили удобными и существовавшими уликами.

Одновременно Сардар Рашид произвел обыск во многих домах Тавриза, преимущественно по касветническим доносам.

После долгих попыток расшифровать текст на носовых платках и папиросной бумаге имевшимися у нас кодами, нам удалось, наконец, установить, что Мирза Хади Рахнума оказался не кем иным, как работником иранского отделения английского "Интеллидженс сервис", мистером Чарльзом Вильямсом. Это был ловкий и искусный шпион, давно работавший в Иране и Турции под руководством матерого разведчика Лоуренса.

Мистер Чарльз Вильямс должен был отправиться в Тегеран, чтобы встретиться там с неким лицом, под кличкой "Раст" и, получив от него инструкции, пробраться затем в Турцию. По заданию английского консула в Тавризе, он должен был в Багдаде повидаться с "шейхом" Абдуль-Азалаем Муайядом, который намеревался выехать в Тавриз с "особо-ответственной" миссией.

Далее, документы касались финансовых дел, — в каких местах и от каких лиц следовало получать деньги. Длинные списки агентов шпионской сети под различными кличками сопровождалась отметками кому было уплачено денежное вознаграждение и т. д.

Комитет действия узнав из этого расшифрованного материала о готовящемся приезде в Тавриз "шейха" Абдуль Азала, решил временно воздержаться от выпуска листовок, разоблачающих "посланца шейха" с тем, чтобы сначала разоблачить истинное лицо более крупного шпиона, самого "шейха".

Английский консул, долгое время подозревавший, что эту дерзкую кражу совершили подполь-

щики-революционеры, теперь мог успокоиться и все объяснить обыкновенным воровством. А в этом случае носовые платки могли быть употреблены только по прямому их назначению и после первой же стирки утрачивали свою ценность, так как цифры легко смыываются водой.

Комитет действия тотчас же отправил на турецкую границу своих людей для наблюдения за появлением и дальнейшим следованием "шейха" Абдуль-Азала, которого должна была торжественно встретить делегация от высшего духовенства.

"ШЕЙХ" АБДУЛЬ-АЗАЛЬ МУАЙЯД

Иранское правительство начало формировать в Тегеране новые войсковые части. Эти военные мероприятия иранского правительства стали особенно тревожить Англию.

До Тавриза дошли слухи, что в числе командного состава вновь сформированных частей находится двадцать иранских офицеров, получивших военное образование в Константинополе и недавно вернувшихся в Иран с Дарданельского театра военных действий.

Эти слухи заставили английского консула подняться на ноги всю свою шпионскую агентуру. К тому же побуждали и действия германского посла, выехавшего из Тегерана в Салтанбад, где, затратив огромные средства, он сумел завербовать нужных людей для подрывной работы против Англии и царской России.

Было совершенно очевидным стремление Германии сделать Иран своим военным союзником, подобно Турции.

Поэтому одновременно со спешными военными приготовлениями для наступления на Багдад, англичане направили в Иран своих искуснейших шпионов.

Окончивший с золотой медалью шпионскую школу для деятельности на Ближнем Востоке, до-

стойнейший ученик Лоуренса „шейх“ Абдуль-Азаль Муайяд проследовал из Самарии в Багдад с тем, чтобы оттуда проникнуть в Иран.

Вскоре комитет действия получил из пограничного города Каср-и-Ширин от наших людей сведения о том, что „шейх“ прибыл туда в сопровождении своей „свиты“ и что при переходе им иранской границы, у пограничного столба, установленного на холме, его встретили представители высшего духовенства. Там же у ног непогрешимого „шейха“ было заколото двадцать жертвенных баранов.

„Шейх“ Абдуль-Азаль остановился в доме правителя Каср-и-Ширина. В течение целого дня к нему приходили на поклон жители деревень, расположенных близ границы.

По всему дальнейшему его пути навстречу „шейху“ выходили представители духовенства и различных слоев населения, приносившие ему подарки. Но люди, сопровождавшие „шейха“, ничего не принимали от них: они говорили, что никакие земные дары не нужны „шейху“, отрешенному от мирской суеты. Больше того, он сам щедро раздавал деньги нищим, калекам и городской бедноте.

В народе из уст в уста передавалась молва о том, будто достигший высшей святости „шейх“ расходует деньги из сокровищницы самого имама Сахиб-уль-Земана и будто этот имам явился как-то ночью во сне к нему и положил в его кошелек золотую монету. И с тех пор вот уже в продолжении нескольких месяцев каждое утро, когда „шейх“ просыпается, он находит свой кошелек туго набитым золотом.

„Шейх“ еще находился далеко от Тавриза, но темная и фанатическая часть населения города уже готовилась к его встрече.

Люди прекращали свои обычные занятия, запирали лавки, пекарни, чайные, трактиры и шли на площадь мечети Хазрат-и-Сахиб-уль-омр.

Женщины привязывали к спинам грудных младенцев, или, держа их на руках, оставляли свои хозяйские дела и уходили из дому.

Все устремлялось к соборной мечети.

Внутренность этой просторной мечети, двор, прилегающая к ней обширная площадь и боковые улицы были заполнены народом. К водоемам для совершения очистительных омовений пройти было невозможно.

Фанатическое настроение толпы накалялось, и каждый готов был проломить друг другу голову, чтобы только пробраться во двор мечети. Вместе с тем все были исполнены чувства всепрощения.

Легенда о явлении во сне „шейху“ имама Сахиб-уль-Земана получила такое распространение, что самого „шейха“ стали отождествлять с двенадцатым имамом, о восточном пришествии которого на землю мullahы часто вешали в своих проповедях.

Сообщая один другому благостную весть о пришествии имама люди радостно поздравляли друг друга и пожимали руки. Всякий кто строил кому-нибудь козни или обворовал кого-либо, или обманул, просил у пострадавшего или обиженного прощения, чтобы предстать с очищенной совестью перед лицом имама.

Многие возвращали хозяевам украденное у них добро, раздавали свои последние гроши нищим, в надежде, что с пришествием имама изменится лицо мира и все товары в лавках будут продаваться за молитвенный жест руки („салават“). Неимущее население верило, что за несколько таких молитвенных жестов можно будет ежедневно наесться хлебом досыта.

Что же касается лавочников, торговавших хлебом, то они пока и не думали продавать его за молитвенные жесты, и не собирались заменять счеты четками. Заперев свои лавки и склады, торговцы навесили на них такие надежные и прочные замки, что не только двенадцатый имам, но и все

его одиннадцать предшественников, общими усилиями, не смогли бы их взломать.

На площадь перед мечетью я пробрался с большими трудностями. Мне хотелось самому послушать в толпе разговоры по поводу „второго пришествия“ имама“.

И вот какие обрывки разговоров доносились до меня:

— Послушай, Мешади-ага, — останавливает один обыватель, худощавый по виду, другого, — твои пятьдесят пять туманов на моей совести. Иди и возьми из моего дома на эту сумму все, что пожелаешь. А не хочешь, я сделаю омовение и, когда сподоблюсь увидеть имама, совершу пять „салаватов“, а благодать их посвящу твоим усопшим родителям.

— Как это пять „салаватов“! — вмешался в разговор третий. — Почему ты начинаешь создавать в городе дороговизну.

— А что же, по твоему, — обиженно ответил ему худощавый, — один „салават“ будет стоить дешевле, чем одиннадцать туманов? Не согласен! Может, ты еще будешь устанавливать цену „салавата“ по курсу дня!

— Это пока никому неизвестно, — заметил кто-то из толпы. — Все будет зависеть от самого имама. Во сколько ему будет угодно оценить один „салават“, за столько мы и будем принимать его...

Или вот еще уличные разговоры:

— Сафар-Али, прости меня за то, что я украл у тебя пару башмаков. Я дам тебе, взамен их, что угодно, лишь бы мне с облегченной совестью предстать перед святым имамом...

— Постой, Гулям-Ами, скажи: что стоит одна купальная простыня. Не делай меня из-за нее несчастным! В прошлом году я унес из твоей бани одну такую простыню... Что поделаешь, бедность!... Сними эту тяжесть с моей души, чтобы мне не пришлось предстать грешником перед имамом!...

— Джафар-Ага! Хочешь вместо твоей метлы, что я сломал, дам тебе две новых. Кроме того, я согласен безвозмездно подметать твой двор в течение года!..

Такие просьбы об отпущении грехов можно было слышать повсюду. Однако богатые купцы и помещики не обращались друг к другу с подобными просьбами.

Никто из них не говорил: „Послушай, сосед, прости меня! Я отравил твоего брата, чтобы сойтись с его женой!“ или: „Прости меня за то, что наговорами и клеветой я завладел твоими землями“, или: „Хотя ты и возвратил мне свой долг, но в счет невыплаченных процентов я лишил тебя всего имущества, так ты прости меня во имя пришествия святого имама“...

Наконец, со двора мечети на площадь попала самый „достоверный“ слух, что двенадцатый имам Сахиб-уль-Земая пока еще, правда, не явился на землю; но та золотая монета, которую он положил в кошелек шейха Абдуль-Азала, привезена в Тавриз и выставлена на шековой подушке во дворе мечети.

Толпа потянулась на поклонение этой монете. Но весть о том, что двенадцатый имам еще не объявился на земле, многим принесла разочарование, особенно тем, кто каялся в своих прегрешениях.

Мешади-ага, тот самый, кому задолжали пятьдесят пять туманов, схватил за шиворот своего должника, собиравшегося погасить задолженность пятью „салаватами“ в память его усопших родителей.

— Выкладывай обратно мои пятьдесят пять туманов, каналья! — кричал он в исступлении. — Не много ли ты думаешь о себе, расценивая на золото свои „салаваты“?!

А Сафар-Али, прижав к стене дома похитителя своих башмаков, орал на всю улицу:

— Снимай мои башмаки, сбавчи сын! Имам потому и не явился на землю, что не желает показываться таким ворами, как ты!

Банщик, в возмещение за свою простыню, снимал с бесчестного клиента кушак.

А Джафар-Ага, не скупясь на отборную брань, содрал за свою сломяную метлу один кран медяками...

Так повсюду, на площади и на улицах, люди опять сводили свои старые счета. Ссоры и драки продолжались до вечера: разогнать народ было невозможно.

Тем временем, во дворе мечети люди беспорядочной вереницей тянулись к шелковой подушке, где лежала золотая монета. Каждый на мгновение опускал „святую“ монету в свой кошелек и затем благоговейно возвращал ее на место. Таким способом верующие надеялись „освятить“ свои кошельки и быстро разбогатеть с помощью имама.

Честь организации быстрой доставки „святой“ монеты в Тавриз принадлежала английскому консулу и паломничеству к ней одуроченного населения оправдало его затраты.

Вечером ко мне зашел Мешади Кязим-ага. Он, как и прочие купцы, на весь день закрыл свою торговую контору и оптовый склад и пошел к мечети, чтобы также приобрести к „благодати“ свой кошелек.

В толпе у него стянули с ноги лакированную туфлю, а с головы сбили каракулевою шапку.

— За одно только зрелище „святой“ монеты, — смеясь рассказывал он, — я расплатился туфлей и шапкой, не считая моих „салаватов“, которые совершал в благодарности за то, что остался сегодня в живых. А что было бы, если бы я узрел самого имама! Наверное бы, пришел домой нагишом, если вообще вернулся бы живым.

— Так вы видели „святую“ монету? — спросил я.

— Видел, и даже успел ее разглядеть.

— Какая же она из себя.

— Небольшая. На одной стороне ее изображение имама, а на другой надпись: „Чеканена в городе Самирин“. Но, разумеется, чеканена в Лондоне, — весело закончил Мешади Кязим-ага.

Комитет действия раздобыл ряд документов, разоблачавших английского разведчика, „шейха“ Абдуль-Азаля. В одном из них говорилось, что „шейх“ — выходец из арабов — христиан Северной Африки, по имени Жорж Тюш.

До поступления в шпионскую школу он был христианским миссионером в одной из английских африканских колоний. А по окончании этой школы он сразу принял вид мусульманского духовного лица, и в течение нескольких лет подвизался сначала в египетском Судане, а затем в самом Египте, имея свою резиденцию в городе Мемфисе. Когда началась война, „шейх“, по приказанию руководителя английской шпионской организации в Египте, приехал в Багдад и развернул там свою подготовительную деятельность, связанную с выездом в Иран.

С „шейхом“ работало еще пятнадцать „мусульманских духовных лиц“ различных степеней благочестия и святости. Мы знали только их „духовные“ клички.

Что же касается сопровождавшего „шейха“ его личного секретаря, Ага-и-Нахвенди, то о нем мы знали вот что:

Нахвенди по национальности иранский цыган. В 1889 году в Урмии он был слугой немецкого миссионера Розена и вместе с ним уехал в Германию. До 1905 года он учился в одной из германских школ для подготовки шпионов, а затем был направлен германской разведывательной службой в Медину и Наджаф для получения там высшего мусульманского духовного образования. В 1912 году он закончил это образование и стал муджтеном, назвав себя „Ага-и-Нахвенди“.

Настоящее же имя цыгана — Селим. Родители его неизвестны. Он рос и воспитывался в сиротском приюте. открытым немцами в Урмии По заданию германской разведки „мудженд“ Ага-и-Нахвенди поступил на службу к англичанам.

Среди лиц, сопровождавших „шейха“ в Тавриз, находился также шпион, работающий в пользу Турции под именем шейха Яхья-и-Хивави.

Подпольным комитетом действия был выделен Салех-Мусеиб-оглы человек решительный и волевой, которому удалось поступить в охрану, сопровождающую „шейха“ от иранской границы до Тавриза.

Караван „шейха“ двигался торжественно.

Сам „шейх“ восседал в паланкине, который был подвешен к двум откормленным лошадям.

Помимо вооруженной охраны „шейха“ сопровождал почетная свита состоявшая из делегации тех высших духовных лиц, которые встречали его на границе. Несмотря на то, что среди них были и престарелые люди, они шли пешком по обеим сторонам паланкина, убегая шаг, чтобы поспевать за лошадьми.

Вещи, принадлежавшие „шейху“, были навьючены на двух лошадях, замыкавших караван.

Салех-Мусеиб-оглы, ведший под уздцы переднюю лошадь паланкина, обратил внимание на то, что ни „шейха“, ни его свиту нисколько не беспокоит багаж, даже когда лошади с вещами отставали от каравана. Поэтому он заинтересовался кораном, висевшим на груди „шейха“ на ремешке, подвязанном к шее. „Шейх“ не расставался с этим кораном. Обедая или ужиная, он клал коран рядом с собой, а когда отправлялся по своим нуждам, то передавал священную книгу сопровождающему его служителю — индусу.

Караван обычно выступал в путь задолго до рассвета, чтобы притти на следующую стоянку до наступления жары, пока солнце еще не поднялось высоко.

До утренней зари оставалось много времени, когда караван „шейха“ вышел из курдской деревни Паинтаг по направлению к Керманшаху.

Каменная дорога пролегла по узкой долине, горные склоны которой были покрыты густым лесом. Лошади часто спотыкались на острых камнях. Сопровождающие пешеходы замедляли шаг из боязни в темноте на этих камнях поранить ноги и стали отставать.

Салех-Мусеиб-оглы оценил сложившуюся обстановку и решил, что она вполне благоприятствует выполнению задуманного им плана.

Он умышленно направил лошадей с паланкином по таким каменистым выбоинам и уступам, где навьюченные животные легко теряют равновесие и падают. Когда передняя лошадь, несшая паланкин, споткнулась на глубокой выбоине, Салех-Мусеиб-оглы всей тяжестью своего тела повис у нее на шее, и потерявшая равновесие лошадь упала на передние ноги.

Паланкин опрокинулся и „шейх“ вывалился из него. На помощь „шейху“ со всех сторон устремились люди.

Салех-Мусеиб-оглы первым кинулся к нему, открывая на ходу свой складной нож.

Поднимая „шейха“ с земли, он быстрым движением руки перерезал ремешок, на котором у „шейха“ висел коран, и, захватив его, в темноте и общей суматохе незаметно скрылся в лесу.

Наконец „шейха“ с извинениями усадили в паланкин и двое наиболее почтенных духовных лиц, встав с обеих сторон под уздцы переднюю лошадь, собрались было повести ее по трудной дороге, как „шейх“ вдруг взволнованно закричал:

— Остановитесь! Немедленно остановитесь!

Караван подчинился его приказанию. Около „шейха“ столпились сопровождающие.

— Где-то в пути я обронил „божье слово“, — с трудом подавляя волнение обратился ко всем „шейх“. — Немедленно найдите мой коран!

Все принялись искать его, шаря по земле руками, „шейх“, выйдя из паланкина, принимал также деятельное участие в поисках, но безуспешно.

Решено было дожидаться рассвета. И когда из-за гор показались первые лучи солнца, вновь рыща по дороге, все принялись искать коран. Но нигде не нашли его.

Разгневанный „шейх“ отказался продолжать путешествие в Тавриз, пока коран не будет возвращен ему.

— Видно, Хазрет-и-Сахиб-уль-Земан не советует мне показываться табридцам, — сокрушенно сказал он. — Вы, народ гешный. Слово божье исчезло у вас!

Это больно задело духовных лиц из почетной охраны, и они тщательнее перерыли один у другого вещи, а также подвергли друг друга личному обыску. Однако и эти крайние меры ни к чему не привели.

— Да будут наши отцы и матери тебе жертвенным даром, — обратился к „шейху“ самый старейший из духовенства, — быть может, „слово божье“ ты оставил на последней стоянке в Паинтаге.

— Я отлично помню, — возразил ему „шейх“, — что когда мы оттуда тронулись в путь, священная „книга книг“ находилась при мне, однако, чтобы рассеять ваши сомнения, пошлите специального человека в Паинтаг.

В курдскую деревню спешно поскакал верховой. Тем временем Салех-Мусеиб-оглы с кораном в переметной суме, пробирался лесом и уходил в горы.

В далекой горной деревушке он приобрел себе коня и помчался в Тавриз, опередив на восемь суток караван „шейха“.

Комитет действия установил, что священной „книга книг“ служила „шейху“ своеобразным шифровальным кодом, секрет которого состоял в использовании не только отдельных сочетаний араб-

ских букв, но и целых фраз пророка божьего, бичующих грешников и неверных.

В коране был найден также документ, зашифрованный при помощи этого кода. После расшифровки, он оказался инструкцией, написанной одному из английских эмиссаров под кличкой „Раст“.

Мы стали готовиться открыть населению Тавриза подлинное лицо „шейха“ Абдуль-Азая Муайада, того, кто их одурачил.

Однако до приезда „шейха“ разоблачать его было преждевременно. Не было сомнений в том, что если бы он узнал о своем провале, то отменил бы поездку в Тавриз и вернулся в Багдад.

Поэтому мы занялись лишь предварительной работой; составляли тексты воззвания и листовок и изготовляли календарно-репродукции с двух найденных нами фотографических карточек „шейха“, из которых на одной он был изображен в английской военной форме, а на другой — христианским миссионером в Египте с большим крестом на груди.

Накануне дня въезда „шейха“ в Тавриз я получил от Сардара Рашида записку следующего содержания:

„В списке лиц, удостоившихся чести участвовать в торжественной встрече шейха Абдуль-Азая Муайада, значится Ваше уважаемое имя, а также имя достопочтенного купца господина Мешади Кязим-ага. Прошу не отказываться от нашего приглашения.

Помощник губернатора
Азербайджанской провинции
Сардар Рашид“.

На следующее утро мы с Мешади Кязим-ага выехали на фаэтоне в деревню Сардура, где должна была состояться встреча „шейха“.

В эту деревню особо религиозные люди приходили обычно встречать паломников, возвращавшихся большими группами из Мешхеда или Кербалы.

Городской базар Тавриза, лавки, склады и модные магазины закрылись. Начиная от кладбища Кечин, дорога была запружена фаэтонами, арбами,

бесконечными вереницами всадников, погонявших лошадей и ослов, и толпами пешеходов. Пыль висела над дорогой густой дымкой.

По обеим сторонам дороги, сидели и лежали отдыхавшие люди. Одни разостлали под деревьями скатерти и закусывали, другие, продрогшие за ночь, разводили костры, чтобы согреться.

Непрерывно раздавалось пение дервишей, медленно продвигавшихся через толпу и протягивавших для подаяния свои чашки из выдолбленной тыквы или скорлупы кокосовых орехов.

Наш кучер громкими окриками с трудом прокладывая себе дорогу.

Под самым Сардудом, нас обогнал Сардар Рашид на своем автомобиле. Улицы Сардуда, плоские крыши домов, площадь, базар были забиты толпами любопытных.

На празднично разукрашенной площади стоял новый экипаж, запряженный вороными рысаками. Согласно церемониалу «шейх» должен был переступить из паланкина в этот экипаж и в нем торжественно прибыть в Тавриз.

Однако «шейх» предпочел продолжать свой путь в паланкине.

Народ жаждал лицезреть «шейха», но он не удостоил его этой чести. И в деревне стали говорить, что таким священным особам, как «шейх» не пристало показываться людям, погрязшим в невежестве и грехах. Тем не менее, сам «шейх» проявлял интерес к населению, поглядывая то в одну, то в другую сторону из-за спущенных занавесок паланкина.

Когда паланкин «шейха» появился на площади, религиозные фанатики приветствовали его громкими все нарастающими возгласами «салавата».

Личный секретарь «шейха» Ага-и-Нахенди, сидя верхом на коне, обратился к народу:
— О правоверные! Святейший шейх Абдуль-Азаль Муайяд просит передать вам привет от

Наиб-уль-Мухаммеда, да пребудет на нем вовеки благоволение божие!

После этих слов по всей площади прокатились возгласы «салавата», слившиеся в единый гул и тут же около паланкина «шейха», было заколото сорок жертвенных баранов.

Медленно продвигался к Тавризу паланкин «шейха» Абдуль-Азала, окруженный муджтэндами и городской знатью.

Перед въездом в город к кортежу присоединились экипажи с женами богачей и аристократов и женщины в белых покрывалах, сидевшие на ослух, которых вели слуги.

На главной улице города, среди неумолкавших молитвенных криков «О, Али!» и «салаватов», то и дело раздавались лихие окрики кучеров и всадников: «Эй, берегись! эй-эй, берегись!»

Наконец, с наступлением сумерек, шествие приблизилось к воротам дома одного из виднейших в Тавризе муджтэндов Мирзы-Хасана-ага, где «шейх» пожелал остановиться в качестве гостя.

Хозяин дома и другие муджтэнды почтительно подхватили «шейха» под руки, помогли ему выйти из паланкина и с благоговейными возгласами «салавата» ввели его в дом.

Ночь была холодная, но несмотря на это сотни людей оставались у дома муджтэнда.

Женщины выгребали голыми руками на глубину одного вершка землю, по которой ступали ноги «шейха» от паланкина до ворот дома. «Священную землю» уносили с собой в подолах, в платках и косынках.

Всю ночь продолжалось ликование. Лавочники бойко торговали; чайные, харчевни и рестораны не могли вместить всех желающих.

А у входа в мечеть «Сахиб-уль-омр» и во дворе люди, не желавшие расхотиться по домам, дрожа от холода, с нетерпением ожидали наступления

утра, в надежде увидеть святейшего „шейха“, который принес им благую весть о скором пришествии на землю двенадцатого имама и должен был в этой мечети сотворить всенародное молебствие.

Однако желанию фанатически настроенной толпы равно, как и „программе“ английского консула, руководившего всем этим „спектаклем“ с блестящим искусного режиссера, не суждено было осуществиться. Внезапно с крыш домов посыпались, словно хлопья снега, наши листовки. На стенах угловых зданий, на воротах мечетей, общественных бань, каравансараяв, на фонарных столбах—повсюду пестрели наши воззвания к населению.

На листовках четко были отпечатаны портреты „шейха“ в английском военном мундире и в черной рясе с большим наперсным крестом.

Мы опубликовали также и ту инструкцию „шейха“, которую нам удалось расшифровать при помощи „корана“ и которая была адресована „Расту“. Тут же мы расшифровывали и кличку посланца „шейха“ Мирза Хади Рахнума, принадлежавшую, как оказалось, крупному английскому шпиону Чарльзу Вильямсу.

У здания английского консульства были разбросаны особые листовки следующего содержания:

„Господин консул!

часто повторяющаяся авантюра с пришествием двенадцатого имама начинает устаревать.

Ваше „демократическое“ правительство уже неоднократно прибегало к этой грубой выдумке, пользуясь фанатизмом отсталой части населения стран Востока. Играя на тех же религиозных чувствах темных и суеверных людей, ваше „передовое“ правительство создавало новоявленных пророков, вроде Баба и Бехан, для того чтобы возбудить среди народов ислама религиозную нетерпимость, племенную рознь, политические разногласия и этим ослабить устои государственности и национальной независимости.

В настоящее время народы Востока поняли, что подобные „духовные пророки“ являются лишь орудием в руках англичан.

Ваша авантюра с арабом—христианином Жоржем Тюшем, превращенным вашей разведкой в шейха Абдуль-Азаля, а также с Чарльзом Вильямсом, носившим кличку Мирза Хади Рахнума и окончившим в Лондоне ту же шпионскую школу, что и Лоуренс, не будет иметь успеха ни в Тавризе, ни в каком-либо другом месте Ирана.

Нами разоблачена и темная личность, исполняющего обязанности секретаря у вашего лжешейха—Ага-и-Нахвенди.

Тавризский комитет действия ставит вас в известность, что народы Ирана ни в коем случае не потерпят захватническую политику, проводимую англичанами, благодаря продажности и предательству иранских государственных деятелей.

Комитет действия.*

Разбросанные по городу листовки с портретами „шейха“ Абдуль-Азаля переходили из рук в руки. Особенно потрясал верующих листовки, разбросанные во дворе мечети „Сахиб-уль-омр“.

Портрет „шейха“ в облачении христианского миссионера с крестом на груди, казалось отрезвил верующих фанатиков и вызвал в народе чувство негодования.

Городской полиции было приказано разгонять паками читателей листовок.

Однако сами полицейские, в большинстве темные и неграмотные, охотно слушали чтецов, чтобы узнать содержание листовок.

Люди, ожидавшие всю ночь появления в мечети „шейха“, стали расходиться по домам, суевечно отплесываясь.

Наконец, к полудню на воротах мечети появилось следующее объявление:

«Ввиду болезни шейх Абдуль-Азаль Муайяд не сможет сегодня совершить молебствие перед народом».

Теперь возле дома муджтеида Мирзы Хасана-ага уже не толпились люди. Их разогнали полицейские, опасаясь того, чтобы недавние благощественные почитатели «шейха» не выволокли его из дому и не расправились с ним с тем же пылом ревнительной веры.

II «АРМИЯ СПАСЕНИЯ»

В Тавризе среди городского населения поднялась паника. Слухи о бесчинствах, грабежах и насилиях турок разрастались, по мере приближения их войск к городу. Приезжие и многие коренные жители поспешно оставляли Тавриз. Фавтоны, арбы, автомобили непрерывно тянулись по шоссе на дороге по направлению к Джульфе, перевоза беженцев в Россию.

В Тавризе началась неслыханная дороговизна, потому что караваны с продовольствием не отваживались заходить в город.

Крупные и мелкие торговцы заперли свои склады и лавки и спешно припрятавали товары. Те же лавочники и оптовики, у которых были накоплены запасы продовольствия, искусственно вздували цены и, пользуясь напряженной обстановкой, наживались.

Комитет действия занимался в эти дни организацией отрядов обороны против турецких банд и разрабатывал меры по борьбе с дороговизной.

В организации этих боевых дружин мне деятельно помогал Хасан-ага.

Мешади Кязим-ага* все это время не выходил из дому, подолгу сидел со сложенными на груди ру-

* Мешади Кязим-ага — один из персонажей романа, представитель азербайджанской торговой буржуазии сочувственно относящийся к национально-освободительному движению в Иране. Герой романа Абуль-Хасия-бек числился компаньоном его торговой фирмы для легализации своего положения.

ками, тяжело вздыхал, будто потерял родного сына.

Не трудно было разгадать его тревожные мысли. Мешади Кязим-ага опасался, что его склады будут разграблены. Зайдя к нему, я пытался его успокоить.

— Чем вы озабочены? — спросил я.

— Просто так... — нехотя ответил он

— А может быть, есть какая-нибудь причина?

— Вы сами знаете, что я близко связан с вашей организацией, так почему же ваша тревога не должна тяготить и меня.

— Вы говорите, что беспокоитесь о судьбе нашего движения, — с улыбкой сказал я, — проклянитесь в этом моей жизнью.

— Это не дело, — серьезно ответил он. — Если мы не будем верить друг другу, то к кому же тогда у нас будет доверие.

— Значит вы верите мне?

— Как своим глазам!

— Если так, то прошу вас не сомневаться, что с приходом турок в Тавриз, ни ваши товары, ни ваши деньги не пострадают.

Мешади Кязим-ага почесал затылок янтарным мунштуком, который не выпускал из руки, и впоследствии посмотрел на меня.

— Клянусь вашей жизнью! — подкрепил я свое заверение.

— На что мне мои богатства! — вдруг, оживившись, заговорил он, — если с вашей головы упадет хоть один волосок, или если пострадает наша революция!

Я собрался уходить и на прощание повторил все еще растерянному Мешади Кязим-ага:

— Не прячьтесь у себя дома. Не опасайтесь за свои товары. Откройте контуру и сидите там.

— А какая польза от этого?

— Если вашему примеру последуют другие крупные и мелкие торговцы, то это уже будет серьезным шагом к осуществлению той программы действий по борьбе со спекуляцией, которую наметил наш комитет.

— Да не сочтет бог революцию слишком ценным даром для меня, а вас для революции!..—растроганно сказал Мешади Кязим-ага, прощаясь со мной.

Губернатор Хаджи Самед Хан успешно завершил мобилизацию ополчения. Азербайджанские ханы со своей конницей прибыли в Марагу. Сюда стекались также и одиночные всадники, слышавшие лихими наездниками и умевшие владеть клинками.

Таким образом в кратчайший срок под командованием Хаджи Самед Хана собралось до десяти тысяч иррегулярной конницы.

Хаджи Самед Хан торопился одержать над турками победу, пока к ним не подоспеет подкрепление. От этой победы зависела вся его будущая карьера. Вот почему, не дождавсь подхода шахсеванских и карадагских ханов с их конными отрядами, он приказал начать против турок военные действия.

Неприятельские войска, сосредоточившиеся в Савуджбулаке, не представляли собой внушительной силы. Поэтому, когда Хаджи Самед хан поднял туда свой десятитысячный отряд, в Савуджбулаке, как в рядах неприятельских войск, так и среди городских жителей, началось смятение.

Посланный в Савуджбулак член нашего комитета действия Асад Тутунчи оглы нам сообщил:

„Местное население не верит в победу турецких войск, занявших Савуджбулак. В городе чувствуется уныние и тревога. Богачи и крупные торговцы успели отправить в горы свои деньги, товары и семьи и сами укрылись там в неприступных местах.

По ночам люди продолжают бегать из города. Из окрестных деревень под покровом темноты движутся караваны верблюдов, и как тени, исчезают во мраке ночи.

В Савуджбулаке, преимущественно, осталась беднота да беспомощные калеки, у которых туркам нечего грабить.

Нам стало известно, что предатели азербайджанского народа Хаджи Мирза-ага Биллури и Хусейн Фишенгчи поддерживают теснейший контакт с командующим турецкими войсками Халми-беем и возлагают большие надежды на религиозные чувства тавризцев. По их убеждению, едва только отряд турецких башибузуков появится у стен Тавриза, как население всего города выйдет торжественно встречать своего избавителя—„священное войско ислама“. Однако из Тавриза до сих пор еще не поступали вести, которые могли бы утешить этих предателей. Поэтому вчера Хаджи Мирза-ага Биллури спешно отправил в Тавриз двух гонцов. Наши люди до самого Тавриза будут следовать за ними и, разузнав, кому переданы его послания, сообщат в Тавризе своим связным“.

Как выяснилось несколько позже, Хаджи Мирза-ага Биллури посылал свои письма различным мракобесам и таким же политическим авантюристам, как и он сам, известным своими узконационалистическими выступлениями и слепым религиозным фанатизмом. Он призывал этих лиц собирать добровольные отряды из „надежных ревнителей веры“ для оказания поддержки турецким военным силам, идущим из Савуджбулака на спасение правоверных.

В некоторые из этих отрядов „надежных ревнителей веры“ мы ввели своих людей или сочувствующих нам. Но главные наши усилия были направлены к одной цели—предотвратить вовлечение Азербайджана и, в первую очередь, Тавриза в военную и политическую авантюру.

Весь Тавриз был охвачен тревогой в ожидании событий, которые должны были произойти в ближайшие дни.

Война началась... Местные газеты сообщали, что Хаджи Самед Хан победоносно наступает на турецкие войска с десятитысячным отрядом конницы, подкрепленном также пушками. Как вдруг пришло известие о поражении Хаджи Самед Хана.

Желая успокоить население, Хаджи Самед Хан прислал своему заместителю Сардару Мамеду звание к тавридцам, в котором говорилось:

„Избегая бесполезной гибели людей моего ополчения, я уклонился от вступления в серьезные действия с противником. Готовлюсь дать ему сражение у Мараги“.

Что касается нас, то мы не верили тому, что Хаджи Самед Хан сумеет собрать остатки своих разбитых и деморализованных отрядов и противостоять туркам. Об этом свидетельствовали донесения Асада Тутунчи оглы и другие сообщения, которые мы получали от наших осведомителей по несколько раз в день.

Воины „священного войска ислама“, несшие „набавление“ азербайджанскому народу, грабили у бедняков их жалкий домашний скарб, не брезгуя даже детскими люльками, из которых безжалостно выбрасывали на землю младенцев.

Все эти печальные вести, повергавшие в уныние искренних патриотов, приводили в отличное расположение духа Сардара Рашида. Теперь Сардар Рашид был уверен, что Хаджи Самед Хан, как губернатор, безнадежно провалился, и навсегда опозорен. Заняв его должность, он сможет основательно обогатиться и за счет казны и за счет населения Азербайджана.

Последнее донесение от Асада Тутунчи оглы мы получили из города Мараги. Он писал:

„Хаджи Самед Хан, расквартировав остатки своих незначительных сил в Мараге, намеревается пре-

градить путь отряду Халми-бея и не пустить его в Тавриз. Если бы ему удалось задержать отступающие в беспорядке конные ополчения и сформировать из них новые боееспособные части, то, при наличии в Мараге большого запаса оружия, боеприпасов и другого военного снаряжения, разбить отряд Халми-бея не представляло бы большого труда, тем более, что он плохо вооружен и испытывает недостаток в боеприпасах.

Однако ханы Мараги опрокинули все планы Хаджи Самед Хана. Не веря в успех его дела и опасаясь, в случае его нового поражения, мести со стороны турок, ханы решили сдать город без боя, чтобы спасти свои поместья от разорения. Прошлой ночью их люди с разных сторон подожгли на городских окраинах стога соломы и подняли стрельбу, одновременно пустив слух, что курды ворвались в город.

Начался невиданный переполох. Командиры вскакивали со своих постелей, выбегали раздетыми во двор, несмотря на зимнюю стужу, сядились на коней и без оглядки мчались из города во весь опор. Их примеру последовали и рядовые конники, словно состязаясь друг с другом на скачках.

Артиллеристы побросали пушки, даже не успев снять с них замков. Пехотинцы сбрасывали с себя обмундирование, чтобы не быть похожими на солдат. Около Хаджи Самед Хана никого не осталось, кроме личных слуг. И он тоже бежал оставив свой дом и все имущество, которое приобрел казнокрадством, вымогательством и поборами а населения за время своего шестилетнего губернаторства в Тавризе. Он не успел даже захватить переметную суму, туго набитую бумажными деньгами, предназначавшимися на издержки ополчения.

Сегодня днем конница неприятеля вошла в Марагу. Военный штаб пока еще не прибыл.

Однако предатели Хаджи Мирза-ага Биллури и Хусейн Фишенгчи уже находятся здесь. Они по-

спешили в Марагу, чтобы встретиться с влиятельными людьми города и договориться с ними о сотрудничестве с турками.

Дом Хаджи Самед Хана разграблен „победителями“.

Турки грабят дома мирного населения. А для того, чтобы оправдать мародерство турки называют Марагу „неприятельским городом“.

По нашему предположению, турки появятся в Тавризе не раньше чем через три дня: враг слишком увлечен сейчас грабежами“.

„ПОБЕДИТЕЛИ“ ВХОДЯТ В ТАВРИЗ

Мы деятельно вели разъяснительную работу среди населения, высмеивая пропаганду Хаджи Мирзы-ага Билдури, который распространял по Тавризу через некоторых муджендов живые уверения в том, что армия „халифа идет освободить Тавриз от неверных и спасти ислам“.

В эти дни у меня возросла тревога за нашу боевую подругу Нину, и я решил во что бы то ни стало отправить ее из Тавриза. Я догадывался о подлых намерениях относительно нее Сардара Рашида, который в своих корыстных целях, безусловно использует враждебное отношение турок к русско-подданным, сблизится с оккупационными властями и постарается добиться своего.

Но я не знал, как убедить Нину покинуть Тавриз, и заранее был уверен, что она отвергнет мое предложение.

Ночью на конспиративной квартире состоялось у нас совещание с начальниками оборонных дружин. Я прочел им последнюю информацию, полученную от Асада Тутунчи оглы и приказал всем начальникам неотлучно находиться во главе своих дружин, ведя дело обороны так, чтобы никто не подозревал о ее существовании: ни простой обыватель, ни Сардар Рашид.

Я был спокоен за организацию обороны. Она была сильной, надежной и сплоченной. Дружинники заняли все улицы и разместились на всех окраинах города. Но нигде они не собирались группами и ни у кого из них на руках не было оружия. Каждая дружина хранила оружие в строго засекреченном месте. А в нужную минуту, по условленному сигналу, все улицы одновременно оказались бы занятыми сотнями вооруженных людей.

Я вернулся домой с совещания в третьем часу и застал у себя Хасана-ага, Салеха Мусеиб-оглы и еще нескольких товарищей.

Нина готовила к столу и я решил поговорить с ней в присутствии их.

Я спросил Нину, все ли у нее собрано и готова ли она к отъезду на рассвете.

Нина вспыхнула и, помолчав немного, ответила: — Если бы нам можно было выехать вместе, я не стала бы возражать. Но так как ты не изменишь своему делу и не уедешь из Тавриза, то и я никуда не поеду. А затем, скажи пожалуйста, почему моя жизнь ценнее жизни товарищей, сидящих здесь?

— Пойми, Нина, — попытался я возразить ей, — мы не можем нести бессмысленные жертвы. Тебе грозит опасность не от турок, — от них мы сумеем тебя оградить, а от некоторых предателей родины, которые в это тяжелое для Азербайджана время будут стараться достичь своих гнусных целей...

— Еще раз повторяю, — решительно заявила Нина, — если нужно ехать, поедем вместе, а если это невозможно, то прошу больше не возвращаться к этому вопросу...

Я не стал дальше настаивать, так как считал свои убеждения бесполезными. Нина ни за что не согласилась бы уехать без меня из Тавриза. Но вместе с тем, я был также уверен, что пока со мной не случится никакой беды, Сардар Рашид не сможет причинить ей вреда...

Итак, мы приготовились встретиться должным образом турецких башбузук и местных авантюристов. Мы были готовы к тому, чтобы не только не допустить в Тавризе погрома и грабежей, но и, в случае необходимости разоружить отряд Халмибея.

Намерения предателей Хаджи Мирзы-ага Билури и Хусейна Фишенгчи в отношении меня были ясны.

С приходом в Тавриз турок, они попытаются прежде всего арестовать меня и тех лиц, которых считают моими единомышленниками. Об этом говорили также и их письма, посланные с гонцами из Савуджбулака к своим людям, но перехваченные нами:

«...Лиц, противящихся движению борьбы за восстановление в чистоте ислама и тому порядку, который принесет благородная армия халифа, мы вздернем на виселице в самой людной части города...».

В эти тревожные дни за каждым шагом Сардара Рашида следила наша сообщница, его сводная сестра Махру.

Мы поддерживали с Махру связь через женщин, посещавших ее в разное время дня, под видом приятельниц и доставлявших нам ее шифрованные записки. Женщины эти, покрытые чадрой, ни у кого не вызвали никаких подозрений.

Под вечер мы получили от Махру записку, в которой она сообщала:

«Сардар Рашид отправляет в Марагу двух конных гонцов с письмом к Хаджи Мирзе-ага Билури. Оба гонца переодеты курдами и вооружены винтовками. Они дожидаются темноты, чтобы пуститься в дорогу».

Мы тотчас же направили четырех всадников по Марагинскому шоссе к перекрестку главных дорог у Яныг-Йолу, а Салеху Мусеиб оглы поручили про-

следить въезд гонцов из дома Сардара Рашида и провожать их до перекрестка. Здесь Салех Мусеиб оглы должен был присоединиться к нашим всадникам, чтобы помочь им отобрать у гонцов письмо.

Наши люди также переоделись курдами. Им было поручено действовать из засады, чтобы заставить гонцов врасплох и, по возможности, избежать кровопролития.

Под руководством Салеха Мусеиб оглы, ночью было разыграно бандитское нападение. Гонцы были разоружены и подверглись личному обыску. Письмо у них было отобрано, лошади также были захвачены, чтобы затруднить гонцам возвращение в Тавриз и дать возможность нашим людям значительно опередить их.

Вот о чем писал Сардар Рашид изменнику родины, Хаджи Мирзе-ага Билури:

«Хвала всевышнему, даровавшему победу!

Уважаемый друг!

Благодарение богу, мы достигли своих заветных желаний. Наши очи озарились радостью победы. В ближайшие часы мы будем удостоены выпавшего на нашу долю счастья видеть Вас. Вы значительно соизволили бы облегчить выполнение нашего неперемного долга гостеприимства, если бы осчастливили Вашего покорного слугу сообщением, на какое количество солдат требуется приготовить помещение, сколько комнат необходимо для господ офицеров и должностных лиц. Во исполнение своего искреннего намерения изъяснить благодарность воинам—борцам за веру, мы хотели бы заготовить для них амуницию. Поэтому соблаговолите нам сообщить, сколько мундиров и сколько пар сапог требуется заказать. Все это нам хотелось бы знать, чтобы после не совеститься и не краснеть за недостаточность гостеприимства. Прошу без стеснения приказывать Вашему нижайшему слуге выполнять любые поручения, какие будут иметься у Вас

лично и у господина Хусейна Фишенгчи. Осчастливьте также своим пребыванием дом Вашего покорного слуги и сообщите, когда соизволите прибыть в Тавриз, чтобы устроить Вам торжественную встречу.

Ваш низайший слуга Сардар Рашид.

Нетрудно было понять из этого письма, что Сардар Рашид не только льстил Хаджи Мирзе-ага Биллури и располагал его в свою пользу, но и пытался за одно разузнать количество турецких сил, вступающих в Тавриз.

Пока отряд Хаджи-бея еще не занимал Марагу, враждебное отношение ко мне Сардара Рашида было тщательно замаскировано изъяснениями чувства дружбы. Однако после взятия Мараги и бегства Хаджи Самед Хана, когда Сардар Рашид почувствовал себя уже не временным управителем в губернаторском доме, а полным господином положения, он прервал со мной и с Мешади Кязим-ага всякие отношения и стал замышлять всевозможные способы уничтожить меня, тотчас же по приходе отряда Халми-бея. Намерения Сардара Рашида целиком совпадали с желанием Хаджи Мирза-ага Биллури.

Махру передала мне свой последний разговор с Сардаром Рашидом, когда он, находясь в отличном расположении духа, разоткровенничался с ней.

— Скоро в наш дом, — сказал он, — войдет женщина, превосходящая тебя своей красотой: стройная блондинка с золотистыми волосами и синими глазами, окаймленными длинными ресницами.

Махру сразу догадалась, о ком он ведет речь, и поэтому прямо спросила у него:

— Ты говоришь о Нине?

— Предположим о ней, — довольно улыбаясь, ответил Сардар Рашид.

— Тогда не плохо было бы сначала спросить ее мужа, Абуль-Хасан-бека, — заметила Махру, — согласен ли он на это.

— Мне не придется у него ничего спрашивать, — сурово оборвал сестру Сардар Рашид, — покойники не отвечают, когда их спрашивают.

Жиденькая толпа любопытных таврицев потянулась навстречу „победоносным“ войскам.

Из толпы изредка раздавались приветственные выкрики.

Я остановил свой фаятон у ворот „Гапы“ и стал приглядываться и прислушиваться ко всему, что происходило вокруг.

Численность отряда, вошедшего в Тавриз, не превышала тысячи человек. Бросались в глаза разнообразие и пестрота их амуниции и снаряжения. Войско „победителей“ скорее походило на сброд, от которого нельзя было ждать добра.

Бездельники, гулящие девки, уличные мальчишки и невежественные горожане выкрикивали какие-то приветствия.

Я спросил одного человека, стоявшего за моим фаятоном, и кричавшего „Да здравствует!“ — к кому относится его здравица.

Он удивленно взглянул на меня и, лукаво подмигнув, ответил:

— Пока еще неизвестно!

Вслед за своим отрядом въехали в город, развалившись в экипажах, командующий Халми-бей и начальник штаба Ибрагим Фавзи со своими штабными помощниками.

На большом расстоянии от них дребезжал старый заплясанный фаятон, везший Хаджи Мирза-ага Биллури и Хусейна Фишенгчи.

Поровнявшись со мной, они остановили фаятон и поздоровались. Хаджи Мирза-ага Биллури лицемерно меня поцеловал, а я предложил ему и Хусейну Фишенгчи пересечь ко мне, чтобы въехать в город в коляске, не умялющей их „особого почетного положения“.

Они согласились. В фаятоне Хаджи Мирза-ага Биллури завязал со мной беседу:

— Верно-ли, что разбежались все русско-подданные?

— Некоторые выехали, а некоторые остались,— ответил я.

— А коренные тавризцы также покидали город?

— Покидали!

— Жаль, очень жаль...

— А разве вам недостаточно тех, что вышли вас встречать?!

Хаджи Мирза-ага Биллури поглядел на меня испытующе и затем сказал:

— Мы не так представляли организацию встречи...

— А как же вы представляли?—спросил я.

— Мы полагали,—с расстановкой заговорил он,—что, как только наш отряд перейдет иранскую границу, вы тотчас же очистите Тавриз от всех неискренних, во имя торжества ислама, и примете все меры, чтобы облегчить осуществление наших великих задач.

— У нас с вами, очевидно, различная точка зрения на патриотизм,—ответил я.

Подумав немного, Хаджи Мирза-ага Биллури сказал:

— Наш народ патриотичен. Нужно только дать ему толчок для выступления на защиту своей нации. Мы понимаем, что военные силы, приведенные нами из Турции, незначительны. Но, сударь, мы, националисты, поставим вопрос не только об одном Азербайджане, а обо всем Иране и Кавказе...

Мы уже подъезжали к центральной части города и я поторопился высказать ему свой взгляд на некоторые вещи, чтобы внести ясность в наши дальнейшие взаимоотношения.

— Вы хорошо знаете,—начал я,—что мне всегда приходилось стоять на страже независимости Ирана. Турция объединилась с Германской империей с тем, чтобы и для себя урвать что-нибудь при дележке дощичи между империалистами. Можем

ли мы пойти на жертвы во имя этой турецко-германской авантюры, против интересов наших крестьян, нашей бедноты?

Отвернувшись, Хаджи Мирза-ага Биллури на это коротко ответил:

— Мне все ясно!

КОМИТЕТ ДЕЙСТВИЯ

С приходом турок в Тавриз население держалось настороженно, присматривалось к турецким солдатам, следило за каждым их шагом, прислушивалось к каждому их слову.

Магазины, базарные лавки, помещения менял были закрыты. Карапансаран пустовали. Товары и различное имущество из лавок и торговых контор были вывезены и припрятаны в надежных местах.

Пожалуй, единственная торговая контора, которая по моей просьбе была открыта, принадлежала Мешади Кязим-ага. Я даже временно в нее переселился, чтобы турецкое командование вместе с Хаджи Мирзой-ага Биллури не могли нас обвинить в том, что мы-де главные подстрекатели и организаторы бойкота.

Однако у конторы нами была установлена охрана. По улице, где она помещалась, прогуливалось около ста человек „случайных прохожих“, одетых в мирное гражданское платье, но готовых по первому сигналу, преобратиться в боевую дружину.

Хаджи Мирза-ага Биллури развивал тем временем лихорадочную деятельность по борьбе с бойкотом. По его указанию арестовывались и штрафовались те видимые купцы, которые, боясь грабежей, отказывались открывать свои торговые заведения.

Мне стало известно, что он собирается вызвать меня к турецкому командующему Халми-бею, которого он убедил, что пока в Тавризе будет существовать революционная организация, не удастся

провести в городе ни мобилизацию ополчения, ни транспортных средств, ни установить „твердый“ порядок.

Было одиннадцать часов утра, когда в ворота нашего дома постучал стоявший на посту товарищ из дружины обороны и известил нас о приходе четырех вооруженных курдов. Непрошенные „гости“ вошли во двор и Мешади Кязим-ага, увидевший их из окна, воскликнул:

— Трое из них, действительно, курды, а четвертого я лично знаю! Он только переоделся курдом. Это Раджаб Джамдар-оглы, старый компаньон Хаджи Мирзы-ага Биллури. Когда-то, до эмиграции в Турцию, они вместе торговали фарфором и фаянсом.

Едва курды вошли во двор, как тут же спросили привратника где находится конюшня. Затем, ни к кому больше не обращаясь, они вывели из конюшни двух лошадей и намеревались было увести их, но кучер стал вырывать из их рук поводья.

Курды замахинулись плетками, но их внезапно окружили наши дружинники и курды стали пятиться к воротам, готовые, повидимому, взяться за оружие. Я приказал разоружить их и выгнать вон со двора.

Со стороны Халми-бея и Хаджи Мирзы-ага Биллури должно было последовать возмездие за эту расправу с их воинами.

Мешади Кязим-ага не находил себе места.

Он уселся в гостиной в кресло, против окна и, не отрываясь, стал глядеть во двор.

— Теперь они поступят с нами, как им заблагорассудится, — заговорил он после долгого молчания.

— Тогда мы со своей стороны поступим с ними, согласно решению нашего комитета действия, — ответил я.

Мне хотелось отвлечь Мешади Кязим-ага от мрачных мыслей.

Позвав слугу, я попросил принести чаю и кальян.

В гостиную вошла Нина. Она нервно прошла из одного конца комнаты в другой и, остановившись у зеркала, поправила свои золотистые локоны.

— Пусть они берут, что хотят, — сказала она, не оборачиваясь ко мне и глядя в зеркало на мое отражение, — стоило ли из-за какой то пары лошадей идти на такой риск. Теперь они погубят тебя! Ты же смеешь так рисковать своей жизнью!

— Нина, — мягко ответила я, — дело не в лошадях. Лошадь, это только предлог. Враги действуют по заранее обдуманному плану. Придется и нам не дремать!

Раздался стук в ворота.

Мешади Кязим-ага вскочил с кресла, чуть не опрокинув прибор для курения кальяна.

Кто-то снова нетерпеливо постучал в ворота кулаком.

Я открыл ворота. Передо мной стоял какой-то турецкий офицер в сопровождении пяти солдат, среди которых были также и двое из разоруженных „курдов“.

Минимый „курд“, бывший компаньон торговой фирмы Хаджи-Мирзы-ага Биллури, указывая на меня офицеру, сказал:

— Вот этот самый!

Офицер презрительным взглядом окинул меня с головы до ног и вызывающе дерзко обратился ко мне:

— Что, мерзкая рожа, поганый персюк! Это ты посмел разоружить солдат священной армии халифа?

Я не колеблясь ответил:

— „Мерзкая рожа“, сударь, — это вероятно, ваша визитная карточка, будем знакомы! Что же касается разоружения бандитов, которых вы, очевидно,

по ошибке называете „солдатами священной армии халифа“, то мы, вынужденно, прибегнули к самообороне, и впредь так и будем поступать со всякими громадами, которые осмелятся протягивать руку к чужому добру.

Офицер скривил лицо и нетерпеливо дернул себя за ус.

— Послушай, молодец, мало того, что ты держишь у себя в доме женщину неверного исповедания, ты еще и нападаешь на чинов благословенной армии ислама!

Офицер скомандовал своим солдатам:

— Забрать эту рожу! Живо! А его женщину презренной веры отвести в штаб!

Но едва только двое солдат приготовились меня схватить, а трое других кинулись во двор, чтобы выполнить его приказание и арестовать Нишу, как они очутились в кольце дружинников. Под угрозой наведенных на них карабинов и револьверов, они отдали свое оружие.

Я вернул офицеру его саблю и пистолет и спокойно сказал:

— Ступайте, сударь, и впредь ведите себя в гостях повежливей. Так и передайте тем, кто вас направил сюда.

Офицер ничего мне не ответил и только, вытянувшись по-военному, повернулся на каблуках и ушел. За ним поплелись разоруженные солдаты.

Мне казалось, что теперь нам не грозит уже непосредственная опасность со стороны Халми-бея и Хаджи Мирзы-ага Биллури, так как они должны были убедиться в нашей силе и организованности.

Возле нашего дома и по улице продолжали патрулировать вооруженные дружинники.

Случай, происшедший у нас во дворе, очень быстро стал известен не только ближайшим кварталам, но и всему городу. Поэтому люди, опасаясь острого развития событий, поспешили укрыться в домах.

Мы все-же решили с Мешади Кязим-ага открыть контору. Но ни один человек не перешагнул ее порога. И только, босой мальчишка с лотком различных сластей, вбежал в помещение и положил на стол небольшой пакетик с халвой, внутри которого я нашел шифрованную записку от Махру. Она сообщила, что Сардар Рашид отправился в турецкий штаб, по вызову Халми-бея, и что туда же поехала также Хаджи Мирза-ага Биллури и Хусейн Фишенгчи. В конце записки Махру излагала те разговоры, которые ведутся среди охраны Сардара Рашида в связи с событиями, происшедшими у нас во дворе.

Когда в четыре часа за нами приехал фэзтон, Мешади Кязим-ага поспешил обратиться к кучеру:

— Послушай, любезный, никто не приходил больше к нам.

— Нет, сударь,—довольно улыбаясь, ответил кучер.—Разве волк придет вторично за лошадьми, если они копытами намяли ему бока!

Дома к обеду у нас собралось очень много народу, среди которого находились члены комитета действия, в том числе и приехавший по нашему вызову Асад Тутунчи оглы.

Мешади Кязим-ага, застав свою жену и двух невесток в большом смятении, вдруг расхрабрился.

— Чего вы боитесь,—стал кричать он на них,— Пока я живу, вам нечего бояться! Если с вами, что-нибудь случится, я разнесу весь Тавриз!

Мешади Кязим-ага до того разошелся, что сначала рассмеялся его жена, потом обе невестки и, наконец, не выдержала Нина.

— Мне хотелось бы уехать с тобой в Россию,— мечтательно сказала Нина, глядя на меня своими ясными голубыми глазами. Я бы там вступила в ряды тех, кто борется против царского произвола, против гнета помещиков и капиталистов.

— Мой милый друг,—сказал я, положив ее руку на свою широкую ладонь.— Борьба, ведущаяся

нами здесь, не менее серьезна. Русская революция в 1905 году способствовала также развитию революционного движения среди народов Азии. Наш долг поднять народные массы на борьбу против шахского гнета, против своих собственных угнетателей. Довольно империалистам посягать на нашу независимость. Довольно обогащаться за счет колониального грабежа!... Как же я могу уехать отсюда?

Но тут нашу беседу снова прервал Мешади Кязим-ага. Кстати, он не любил слушать, когда мы нападали на капиталистов.

— Я сам хотел схватить за шиворот курдов, ворвавшихся в нашу конюшню,— продолжая разговор, весело сказал он,— и стукнуть их друг о друга головами. Но молодчина Хасан-ага опередил меня.

Хасан-ага, сидевший в углу в кресле и все время молчавший, не вытерпел:

— Я сразу почувствовал,— сказал он,— по заметному дрожанию ваших рук и ног, что вы именно так и желаете поступить, и чтобы доставить вам удовольствие постарался опередить вас.

Мешади Кязим-ага распорядился накрыть в большом зале обеденный стол на пятьдесят человек. Он хотел угостить обедом дружинников, которые непосредственно несли охрану его дома.

Мы собирались уже садиться за стол, когда вошел Асад Тутунчи огаи и сообщил о приходе турецкого офицера в сопровождении четырех солдат. Офицер принес письмо от Халми-бея, которое обязан был вручить лично мне.

Офицер ждал меня в гостиной, и, отдав честь, протянул мне письмо.

— От его превосходительства паши,— сказал он и, повернувшись на каблуках, зашагал по ковру к выходу.

При чтении письма, у меня создалось впечатление, что ег. написал Хаджи Мирза-ага Билалур, а только подпись под ним поставил Халми-бей.

В письме утверждалось, что турецкие солдаты не были встречены, как подобает, мусульманами Тавриза. Напротив, они подверглись издевательствам и оскорблениям.

«Когда мы производили реквизицию транспортных средств для нужд армии, Ваши люди избili четырех солдат и разоружили их. В этом преступлении принимали участие лично Вы. Явившийся для расследования этих действий офицер, вместе с солдатами, подвергся также оскорблениям с Вашей стороны и был разоружен вместе с ними.

Желая пресечь в дальнейшем повторения оскорбительных для достоинства и чести турецкого воинства действий, мы пришли к решению предать военно-полевому суду участников вышеуказанного преступления.

Ввиду этого приказываю Вам, во-первых, задержать их и препроводить к нам в штаб, во-вторых, разоружить имеющихся в Вашем распоряжении мятежников и смутьянов, и сдать оружие представителям нашего командования.

На это Вам предоставляется срок в двадцать четыре часа. Если в течение означенного времени вышеперечисленные требования не будут выполнены, Вы сами будете арестованы и преданы военно-полевому суду по статье, предусматривающей расстрел за покушение на жизнь чинов священнои армии халифа и конфискацию имущества виновного.

Х а л м и,

командующий турецкими вооруженными силами.»

Комитет действия утвердил ответ, написанный от моего имени:

«Вы сетуете на недостаточно теплую встречу, которую оказало Вам население Тавриза,— писал я.— Как рядовой житель города, я должен выступить на защиту своих земляков и заявить Вам, что Вы не в праве обвинять нас в негостеприимстве. Еще до Вашего прихода в Тавриз, рассказы беженцев

б погромах и грабежах, имевших место в Мияндабе, Савуджбулаке и Мараге, достаточно разъяснили населению Тавриза смысл возведенного Вами слова „избавление“.

А теперь по поводу „избиения и разоружения“ Ваших людей.

Нами были разоружены не солдаты дисциплинированной армии, а мародеры, которые врываются в чужие дворы и конюшни и увозят с собой лошадей. Мне неизвестно, имеется ли у Вас закон, карающий мародерство, но я твердо знаю, что во всех других армиях мира мародерство карается расстрелом. В связи с этим я бы посоветовал Вашему военно-полевому суду пересмотреть все законы военного времени и, если такой закон действует и в турецкой армии, то не преминуть привлечь к ответственности указанных мародеров.

Далее... Под какую статью турецких законов можно подвести действия Ваших людей, выволакивающих из домов чужих жен?!

Теперь перейдем к вопросу о разоружении „мятежников и смутьянов“. Насколько мне известно, в Тавризе не существует ни тех, ни других. Если Вы под „мятежниками и смутьянами“ подразумеваете тех тавризовцев, которые в любую минуту готовы постоять за свою национальную честь и достоинство от посягательств кого-бы то ни было, — тех, кто в течение долгих лет вел борьбу против деспотического режима иранского шаха, попыток империалистов закабалить нашу страну, то я считаю своим долгом Вас предупредить, что эти тавризовцы могут обратить свое оружие и против Ваших солдат, если Вы не обуздаете их грубое поведение и незаконные действия.

Что же касается расстрела, которым Вы грозите мне лично, то, хотя эта угроза и недостойна ответа с моей стороны, все же вынужден заявить, что Вам никогда не удастся подчинить себе свободолюбивое и мужественное население Тавриза, опираясь на свою банду грабителей, и не придет-

ся совершить ни одной казни над азербайджанскими патриотами.

Единственное оружие, которое я могу Вам сдать это — отобранное у мародеров, но при условии, если Вы дадите твердое заверение, что подобные действия со стороны Ваших людей больше никогда не повторятся.

Абуль-Хасан-бек

24 декабря 1914 года*.

После обеда мы продолжили совещание комитета действия. На повестке стоял только вопрос, касавшийся двурушнической политики Сардара Рашида.

Помощник губернатора подготавливал к осуществлению дьявольский план Халми-бея и Хаджи-Миран-ага Билури учинить погром армян, свободомыслящих азербайджанцев, а также оставшихся в городе русско-подданных. С этой целью они вступили в переговоры с мракобесною, самой реакционной частью мусульманского духовенства, чтобы привлечь к этому гнусному делу темные и отсталые слои населения.

Нужны были решительные и крутые меры, чтобы предотвратить это массовое злодеяние.

Поэтому совещание постановило отправить Сардару Рашиду следующее письмо:

„Помощнику губернатора Азербайджана
Сардару Рашиду

Господин помощник губернатора!

Проводимая Вами в настоящее время политика в угоду вступившим в Тавриз турецким грабителям грозит повлечь все население города в новое бедствие.

Поэтому мы ставим перед Вами следующие неукоснительные требования:

Не допустить к осуществлению мероприятий турецкого командования, направленных к погрому свободомыслящих азербайджанцев, армянского населения и проживающих в Тавризе русско-подданных.

Прекратить деятельность по вербовке отрядов громщиков из среды населения Тавриза.

Принять меры к тому, чтобы государственное имущество, деньги и ценности, а также все государственное военное имущество не попали бы в руки турецких грабителей.

В случае невыполнения перечисленных требований, Вы понесете заслуженную кару.

Комитет действия."

О готовящемся нападении на армян, которое замышлял Халми-бей вместе с Хаджи Мирзой-ага Билури, мы сообщили старшинам и руководителям самообороны армянского населения.

Теперь нам оставалось проверить, как организованы были армянские дружины и насколько надежна была их оборона.

В армянской части города, мы созвали в доме нашего товарища Аршака Суреняна небольшое совещание видных армянских деятелей и начальников дружин и выяснили, что Халми-бей послал также письмо настоятелю армянского собора.

"Ваше преподобие!—писал он.—Завтра, к двум часам, Вы, вместе с армянскими старшинами и купечеством, должны пожаловать в помещение военного штаба, чтобы разрешить некоторые неясные вопросы относительно дальнейшего пребывания в Тавризе армян.

Халми,

командующий турецкими вооруженными силами".

Настоятель собора пригласил к себе старшин и виднейших купцов и они решили отправиться на следующий день к Халми-бею с хлебом-солью.

На нашем совещании Аршак Суренян призывал всех армян поддерживать теснейшим образом связь

с общетавризским комитетом обороны, выполнять все его приказания и разоружить дашнаков.

— От дашнаков можно ожидать больших бед,— говорил Аршак Суренян.— Вот сейчас они собрались в соборе и обсуждают вопрос о своем завтрашнем выступлении. Они могут спровоцировать такие события, которые окончатся кровавой развязкой для всего армянского населения города. Да и не только для армянского! Громилы будут знать адреса и всех свободомыслящих азербайджанцев. Дашнаков нужно разоружить пока не поздно!

Я был возмущен поведением Аршака: он не должен был раскрывать наши планы по разоружению дашнаков столь разношерстному собранию.

Аршак сам почувствовал свою оплошность. По окончании речи он подсел ко мне и написал на листке имена подозрительных восьми человек из двадцати присутствовавших.

Совещание продолжалось.

Я шепнул на ухо Аршаку:

— Необходимо задержать здесь всех участников собрания на несколько часов. Сумешь ли ты это сделать?

— Для чего это нужно,—спросил он.

— Для спасения армян, проживающих в Тавризе!

Тогда Аршак обратился к присутствующим:

— Прошу не расходиться! У нас имеется еще один важный вопрос, связанный с самообороной. Но докладчик его запаздывает. Мы не будем слыхком строго осуждать докладчика за это, так как вы сами знаете, какое время сейчас мы переживаем. Его могли задержать какие-либо серьезные обстоятельства! Поэтому наберемся терпения и пождем!

Тут же Аршак распорядился, чтобы участникам собрания подали закуски, чай и кальян.

Пока он занимал их беседой, я незаметно вышел на улицу. Расставив караулы и приказав не выпускать никого из дому, я направился в комитет обороны.

В течение нескольких минут все члены комитета обороны, по моему вызову, были в сборе.

Я сообщил им о готовящихся провокационных действиях дашнаков, которые могут развязать кровавую армяно-азербайджанскую резню, и предложил немедленно всех их арестовать в соборе, где они еще заседали. Одновременно я считал необходимым занять штаб дашнаков и ночью произвести обыски в их квартирах, чтобы изъять оружие.

К трем часам ночи все намеченные мероприятия, были завершены. Армянская революционная молодежь разоружила дашнаков, арестовала главных руководителей, и, заняв их штаб, завладела всеми хранившимися там документами, в том числе материалами, изобличившими гнусную, провокационную роль Сардара Рашида, подстрекавшего дашнаков на выступление.

В армянской части города все время расхаживали патрули, направленные сюда комитетом обороны.

Несмотря на позднее время, ни одна армянская семья не ложилась спать.

Этой ночью все русско-подданные и лица не мусульманского происхождения, проживавшие в различных концах города, перебрались в армянские кварталы и разместились по разным квартирам.

На рассвете, когда я вернулся домой, Тутунчи оглы вручил мне раздобытую копию с письма Хаджи Мирзы-ага Биллури, послазного им Халми-бею.

«В течение всего времени, что Ваши войска занимают Тавриз,—писал он,—мы, несмотря на огромный затраченный труд, к сожалению, не смогли еще достичь желанной цели. Пропаганда, которую ведут местные подпольщики, очень сильна. Они добились того, что склонили на свою сторону почти все население Тавриза. Мы совершили большую ошибку, допустив реквизицию у населения подвод, лошадей, верблюдов и мулов. Лично я не был сторонником подобной реквизиции. Мы могли бы с

успехом добиться тех же результатов, если бы задержали пятнадцать человек, самых богатых и видных купцов Тавриза, и потребовали бы у них выкупа за свое освобождение в виде транспортных средств. Избиение и разоружение турецких солдат подпольщиками вызвало сочувствие у большинства местного населения и широкую симпатию к смутьянам.

Эти подпольщики располагают значительным запасом оружия и их боевые дружины представляют собой внушительную силу. Они поставили своей задачей не только мешать проведению в жизнь всех наших мероприятий, но и воспрепятствовать нашим действиям в отношении армянского населения и организуют среди него такие же боевые дружины.

Пока подпольщики не разоружены и руководители их не преданы казни, никакие сдвиги в нашу пользу в Тавризе немислмы. Необходимо, не брезгуя никакими средствами, заманить в ловушку их главарей и, в первую очередь, Абуль-Хасан-бека.

Для этого я совету ю устроить торжественный ужин в доме нынешнего губернатора Сардара Рашида и пригласить на вечер Абуль-Хасан-бека, под предлогом желания начать с ним компромиссные переговоры».

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Сначала комитет действия решил, что мне не следует принять приглашение на «ужин», устраиваемый Сардаром Рашидом. Несомненно, под предлогом переговоров, Халми-бей намеревался меня арестовать и предать казни. Однако я предложил комитету свой план действий, который должен был продемонстрировать врагам нашу силу, и мне было разрешено явиться на в тот «банкет».

До начала «банкета» оставалось несколько часов. Я сидел в своей рабочей комнате, погруженный в раздумье. Требовалось еще уточнить неко-

торые детали моего плана, прежде чем отдать нужные распоряжения.

Кроме меня в комнате находилась Тутунчи оглы, который должен был отправиться вместе со мной в дом Сардара Рашида и помочь мне осуществить задуманное.

Телефонный звонок нарушил длительную тишину.

Тутунчи оглы поднял трубку и передал ее мне, сказав, что у телефона губернатор и что он желает лично разговаривать со мной.

Я приветствовал Сардара Рашида обычными вежливыми фразами. Справившись о моем самочувствии и узнав, что мое здоровье не может служить помехой к посещению его дома, он сказал:

— Прошу вас пожаловать ко мне немного раньше назначенного часа для предварительных переговоров со мной. У нас найдется немало тем для беседы. Прошу вас быть совершенно уверенным, что обычай гостеприимства свято соблюдается в моем доме, и пока я в нем хозяин, вы вне какой-либо опасности.

На этом мы прервали наш разговор и я начал действовать.

Тутунчи оглы был послан мною, чтобы проверить посты двух наиболее боеспособных, исполнительных и спаянных между собой дружин, которые под видом лотошников, подвальщиков улиц, носильщиков и прохожих должны были занять подступы к губернаторскому дому.

Мы втроем — я, Тутунчи оглы и Хасан-ага в качестве сопровождавшего нас слуги, должны были войти внутрь губернаторского дома. Приказано было поддерживать связь с Хасаном-ага. В случае необходимости, каждый дружинник должен был, по его сигналу, принять участие в разоружении губернаторской охраны и турецких солдат, составлявших личный конвой Халми-бея.

В комнату постучалась Нина. Она вошла вместе с Махру, которую я срочно вызвал к себе.

Нина плотно прикрыла дверь и задернула ее шерстяным занавесом.

Махру мне задала вопрос:

— Звонил ли Вам уже мой братец?

— Да, — ответил я, — Сардар Рашид был со мной необычайно любезен.

— Не слушайте этого предателя, — с волнением заговорила Махру. — Умоляю вас, не ходите на этот „званный банкет“. Они вас оттуда живым не выпустят!

Тут в наш разговор вмешалась Нина:

— Мне кажется, — сказала она, — такой руководитель, как ты, не имеет права рисковать своей жизнью.

— Милый друг, — заговорил я, стараясь смягчить свой голос. — Я почти убежден, что наступил момент, когда нужно идти на риск. Сегодня лицом к лицу мы проверим свои силы. Рано или поздно это должно было случиться. Вся наша дальнейшая тактика зависит от сегодняшнего вечера.

Затем я обратился к Махру:

— Сегодня комитет действия возлагает на вас весьма ответственное задание. Вы получите пять ручных гранат, которые будут уложены в коробке из-под шоколадных конфет. Вам нужно пронести их под чадрой к себе в дом. Будьте осторожны, когда придется их вынимать из коробки. В дальнейшем вам нужно проследить наш приход и незаметно передать эти гранаты Хасану-ага, который, под видом слуги, будет дежурить в вестибюле, держа наши пальто в руках. Мы зытрудним вас этим поручением, так как нам самим пронести гранаты рискованно: нас могут обыскать при выходе.

— Можете несколько не сомневаться, что все будет сделано так, как вы желаете, — сказала Махру с чувством гордости за порученное ей важное дело.

— А если вы не успеете пустить в ход гранаты? — спросила Нина, устремив на меня беспокойный взгляд.

— Этот вариант самый неправдоподобный. Каким бы предателем не являлся Сардар Рашид, он не допустит кровавой расправы над нами у себя в доме. Конечно, не столько из „святого чувства гостеприимства“, сколько из боязни расправы народной.

Нина хотела еще что-то сказать, но молча подошла ко мне и пожала на прощание руку. Потом повела Махру к себе, чтобы передать ей изящно упакованную коробку с „шоколадными конфетами“.

Вернулся Тутунчи оглы в сопровождении Хасана-ага, который был уже одет как полагается слуге богатого купца.

Хасана-ага предупредили, что после того, как Махру передаст ему гранаты, он должен распределить их по карманам наших пальто,—в каждый по одной штуке. Пятую гранату ему следовало оставить себе.

Мешади Кязим-ага проявлял все время изрядное беспокойство, расхаживал по гостиной. Когда мы уже собирались ехать на „банкет“, вдруг остановил нас у ворот и просил поклясться, что мы не прикоснемся там ни к одному из блюд.

— Вас там отравят!—шопотом произнес он.

— Это невозможно,—возразил я.—Ведь тот же плов буду есть не только я, но и хозяин дома или Хаджи Мирза-ага Биллури, или, наконец, сам Халми-бей.

Войдя в губернаторский дом, мы по уговору оставили пальто в вестибюле на руках у Хасана-ага.

Все званые гости были уже в сборе, несмотря на то, что до официального часа „банкета“ оставалось еще достаточно времени. Разбившись на небольшие группы, гости прогуливались по залу или сидели в креслах и беседовали. Некоторые пересмеивались и перешептывались. Почтенные чиновники и купцы, которые еще не так давно, прислуживаясь к англичанам или американцам, пытались объясняться на английском языке, теперь, в

угоду новым пришельцам, щеголяли турецкими словами, большей частью употребляя их не к месту.

Отделившись от группы гостей, к нам подошел Сардар Рашид. По лицу его расплылась искусственная улыбка.

— Венец и гордость Тавриза изволил украсить наш праздник своим появлением,—приветствовал он нас, пожимая нам руки.

Затем он повел нас в конец зала, чтобы представить Халми-бею и начальнику его штаба Ибрагиму Фавзи.

— Это купцы нашего города,—сказал он тоном добродушного и гостеприимного хозяина.—Господин Абуль-Хасан-бек — один из наших близких друзей. Жизнь его крайне драгоценна для всех, кто любит его так же искренне, как я.

Затем Сардар Рашид обернулся к Тутунчи оглы:

— Асад Тутунчи оглы,—продолжал представлять он Халми-бею,—брат господина Абуль-Хасан-бека. Весьма умный и воспитанный молодой человек.

— Иначе говоря, адъютант главнокомандующего подпольной армии,—иронически дополнил Халми-бей характеристику Сардара Рашида.—Очень приятно познакомиться!

Банкет „устроенный в честь наших переговоров“, был одобрен с большим великодушием, чем званые вечера и приемы, виденные мною ранее в Тавризе. Сардар Рашид блистал своим парадным мундиром, расшитым золотой канителью. Чиновники и должностные лица явились также в парадной форме.

На вечер были приглашены лучшие танцовщицы и музыканты.

Начался концерт. Особым успехом пользовались цыганские танцовщицы и певицы.

Во время сольного пения Халми-бей бесцеремонно приказывал слугам позвать к себе ту или

нную танцовщицу или певицу и громко любезничал с ними.

Сардар Рашид сидел рядом со мной. Он и не собирался увести меня в отдельную комнату для предварительных переговоров, как об этом говорил мне по телефону. Он не отрывал взгляда от Халми-бея и был очень доволен, когда тот трепал по щеке какую-нибудь актрису или что-то шептал ей на ухо, от чего актриса краснела и стыдливо отворачивалась от него.

Все турки, собравшиеся на „банкете“, во главе с Халми-беем, были открыто вооружены: на поясах у них висели кобуры с „кольтами“.

По окончании концерта гостей попросили перейти в столовую.

Стол был заставлен всевозможными яствами, блюдами с различными сортами плова, фруктами и тортами. Хрустальные графины отливали разнообразными красками шербетов.

Нас посадили так, что я очутился между адъютантом Халми-бея и его начальником штаба Ибрагимом Фавзи. Напротив меня за огромной вазой с цветами между двумя офицерами сидел Тутунчи оглы.

Несколько поодаль от него расположились Хаджи Мирза-ага Биллури и Хусейн Фишенгчи. Они смотрели на меня так, точно сами не верили своим глазам, что я принял приглашение и полез в заднюю.

Халми-бей занимал самое почетное место стола.

Слуги обносили гостей, не слишком устойчивых в законах ислама, коньяком и винами, которые наливали им в чайные чашки из фарфоровых чайников. Чаще других слуги останавливались за спиной Халми-бея и усердно наливали коньяк в его чашку.

Мы с Тутунчи оглы, прикасались только к той пище, которую ели сидевшие рядом с нами турецкие офицеры.

Первым обратился ко мне в развязном дружеском тоне Хаджи Мирза-ага Биллури:

— По моему, господин Абуль-Хасан-бек и его единомышленники относятся положительно к нашим мероприятиям, не так ли?

Взоры гостей выжидательно устремились на нас. Все разговоры смолкли.

Я не хотел затягивать „спектакля“. У меня не оставалось никаких сомнений в том, что они не пожелают нас выпустить отсюда. Вот почему, не долго задумываясь, я ответил:

— Напротив, господин Биллури, все действия ваши и ваших единомышленников я считаю неправильными.

От моего ответа лица купцов приняли выражение испуга. Как можно было произнести такие слова в присутствии Халми-бея, который подвергал избитию палками жителей города, осмеливавшихся выражать недовольство его „мероприятиями“.

— Почему же вы находите наши мероприятия неправильными? — продолжал Хаджи Мирза-ага Биллури, желая спровоцировать скандал.

— Ваша задача, повидимому, заключается в том, — сказал я, — чтобы создать у населения уверенность, будто бы ему ничего не грозит от иноземных пришельцев. Но на какую же симпатию, со стороны местного населения вы можете рассчитывать? Ведь, вы пришли сюда грабить и разорять народ. Не этим ли „мероприятиями“ вам желательнее было услышать мое одобрение.

Халми-бей и Ибрагим Фавзи не только слушали внимательно, но и не спускали с меня глаз.

После непродолжительной паузы, с подчеркнутой небрежностью заговорил Халми-бей:

— Вы лучше расскажите нам о своих подпольных вооруженных силах...

— В Тавризе, в настоящее время, кроме вооруженных сил, предводительствуемых вами, а также полиции и жандармерии, находящихся в ве-

денин господина губернатора, другие вооруженные силы мне неизвестны. Впрочем, я думаю, что его превосходительство Сардар Рашид может вполне точно информировать о том, какие группы населения готовы дать решительный отпор вооруженному насилию непрошенных гостей.

Жилы на шее у Халми-бея напряглись и к голове его прилила кровь. Однако он сделал вид, что его интересует только вкусная еда.

Ужин подходил к концу.

Внезапно Халми-бей, вытирая салфеткой лоснящиеся от жира усы, обратился к Хаджи Мирзе-ага Билури:

— Хаджи-бей-эфенди! Я что-то не припомню... вот и есть тот самый тип, который осмелился нам прислать наглое письмо. Какие меры приняты в отношении его?

Вместо ответа Хаджи Мирза-ага Билури стал опрашивать галстук, откашливался, откидываясь на спинку стула, пытаясь что-то бормотать.

Сардар Рашид, ковырял спичкой в зубах и поглядывал на меня, едва приподнимая веки. Он несомненно считал меня уже мертвецом.

Тогда, положив недокуренную папиросу в пепельницу, я ответил Халми-бею за Хаджи Мирза-ага Билури:

— Да, письмо с отказом выдать вам людей на расправу написано мной!

Халми-бей вздернул голову и закричал:

— Жалкий бакалейщик! Мы пришли сюда решать судьбу целого государства, а не торговать с вами! Разве вам не было приказано сдать оружие и выдать негодяев, осмеливавшихся нанести оскорбления турецким военным чинам?!

Я спокойно закурил новую папиросу и, повернувшись к Сардару Рашиду, сказал:

— Вы вполне оправдали свои блестящие способности по организации предательских дел.

Я заметил, что у него дрожали руки.

— А вас, сударь,—обратился я затем к Халми-бею,—прошу держаться приличной, так как отвечать на ваши оскорбления мне не позволяет ни моя честь, ни достоинство. Что же касается торговли, то вы правильно изволили выразиться—с вами торговать мне не придется, так как я не продаю народную честь и национальную независимость подобно политическому банкроту Хаджи Мирзе-ага Билури, который привел с собой из Турции банду разбойников, чтобы грабить население Тавриза.

Халми-бей вспыхнул и крикнул сидевшим рядом со мной офицерам:

— Отвести этого наглеца в штаб вместе с его адъютантом*!

Они тотчас же схватили меня за руки. То же самое сделали два других офицера с Тутунчи оглы.

Нас тут же обыскали. Не найдя оружия, которого мы умышленно не взяли с собой, один из офицеров подошел к Халми-бею и рапортовал ему о результатах обыска.

Халми-бей что-то шепнул на ухо офицеру, после чего нас повели.

Двое офицеров шли сзади меня и двое сзади Тутунчи оглы.

— Господа,—услышал я за своей спиной голос Халми-бея,—банкет продолжается! Прошу присутствующих извинить меня за этот непредвиденный инцидент.

— Уважаемые гости,—услышал я затем голос Сардара Рашида,—общество, собравшееся на этом банкете, не понесло никакой утраты в результате удаления из-за стола этих базарных бакалейщиков, как изволил правильно аттестовать их господин командующий.

Нас привели в вестибюль. Здесь к нам подскочил «слуга» Хасан-ага и подал пальто.

Сопровождавшие нас офицеры не препятствовали этому. Один из них пощупал рукав моего пальто, чтоб определить качество сукна. Он не

сомневался, что пальто вскоре будет принадлежать ему.

Я опустил руки в карманы и нашел в каждом из них по гранате.

Тутунчи оглы незаметно кивнул мне в знак того, что и у него также все обстоит благополучно.

„Слуга“ Хасан-ага мгновенно исчез. Все шло по задуманному нами плану.

Из вестибюля нас вывели на балкон, откуда вела лестница во двор.

— Али! Сулейман!— крикнул в темноту старший офицер.

На его зов по лестнице поднялись на балкон два турецких солдата.

— Забрать этих типов в штаб!— приказал им офицер.— Вести без шума. Если побегут—стрелять. В штабе доложите дежурному, чтобы каждому для начала высыпали по сто палок, а затем взяли под стражу.

— Зачем же, эфенди, после ста палок, брать еще и под стражу?— спросил один из солдат.

— А тебе хочется на свободу их выпустить?!— недовольно проворчал офицер.

— Нет, эфенди, мы, их в землю закопаем...

Офицеры вернулись в зал.

Тутунчи оглы распахнул свое пальто и сделал вид, будто хочет его снять.

— Эй, молодцы!— обратился он к турецким солдатам,— заберите мое пальто, пока ваш офицер не захватил его.

Солдаты уцепились с обеих сторон за рукава, как вдруг Тутунчи оглы схватил обоих солдат своими сильными руками за горло и прижал их к низкому перилам. Не успели они позвать на помощь, как были сброшены с балкона во двор.

Вслед за этим мы швырнули в темноту по одной гранате. Во дворе послышались крики, свистки, слова команды, стоны.

Мы бросились назад в банкетный зал.

Разрывы гранат, дошедшие со двора, вызвали там замешательство. Все повскакивали с мест, на полу кое-где валялись осколки разбитой посуды. Офицеры устремились к выходу вместе с Халми-беєм; на ходу вытаскивая из кобур свои „кольты“.

Но мы уже стояли на пороге дверей, держа над головой гранаты.

Тутунчи оглы, замахнувшись гранатой, зычным голосом приказал офицерам поднять руки вверх.

Турецкие офицеры, как по команде, подчинились его требованию, забыв о присутствии Халми-бея.

Впрочем и сам Халми-бей, не отрывая взгляда от моей гранаты, послушно положил на стол „кольт“ и поднял руки вместе со своими подчиненными.

По отдельным выстрелам, раздававшимся на дворе, мы поняли, что Хасан-ага с дружинниками уже занялся разоружением конвоя Халми-бея и полицейских.

Наконец, в дверях появились наши люди во главе с Хасаном-ага. Они тотчас же стали отбирать у турецких офицеров оружие и обыскивать остальных гостей.

Я сел за круглый стол, куда складывалось отобранное оружие. По моему приказанию у Халми-бея, кроме пистолета, забрали и саблю. То же проделали с Ибрагимом Фавзи и четырьмя их адъютантами. Одновременно с турецкими офицерами были разоружены нами также и иранские жандармские чины.

Тутунчи оглы, отбирая оружие у Сардара Рашида, заодно снял орден и орденскую цепь, висевшую у него на шее:

— Это вам ни к чему, ваше превосходительство,— сказал он ему.— Вместо национального ордена турки преподнесут вам заслуженную награду за совершенные вами предательства.

Потом Тутунчи оглы вывернул наизнанку карманы у перепуганного Хаджи Мирзы-ага Биллурри, тучная фигура которого вздрагивала, как студень.

Вся эта операция была закончена в течение нескольких минут. Забрав сложенное на столе оружие, мы стали уходить.

На прощанье, я сказал Хаалми-бею:

— Прошу нигде не распространяться, сударь, о событиях сегодняшней ночи! Не вздумайте также издавать приказы, направленные против нас. Еще вы можете поблагодарить судьбу за то, что она не обратила против вас те палки, которые вы так щедро готовили нам.

Затем я обратился ко всем присутствующим:

— Прощайте, господа! Можете садиться за стол! Банкет продолжается!

СТИХИ

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Вьюга стонет и плачет. Землю сковал мороз.
Спи спокойно, учитель, в кущах багряных роз.
Мир наших благ народных мудро создан тобой.
Светлой твоей работой, славной твоей борьбой.

Пусть миллионы сильных, смуглых, жилистых рук
На погребальной тризне в тесный сомкнутся круг.
Ты бездыханен, мудрый,—дело твое живет...
Слово твое бессмертно—к подвигам нас зовет!

Руку свою над миром в будущие века
Ты простираешь, Ленин, снова с броневика.
Пусть не ликует подлый, пусть утрашится враг...
День ото дня редет и исчезает мрак!
Мир поник головою в час кончины твоей,
Мир и счастье народов—вечный твой Мавзолей.

1924 г.

АСТАРА

Одной рекой разделена на грани Астара.
В Азербайджане—Астара, в Иране—Астара.

В той Астаре арбаб* Али обзавелся гнездом.
Куда ни глянешь,—старый мир там в рубище
худом.

Там чамоносные моллы стучатся в каждый дом,
Они вопят, они живут обманом, Астара,
Всем встрече с гурией сулят, с гылманом,**
Астара.

У нас жена, сестра и дочь свободы и честны.
А там печальной Шахнисе*** о рае сняты сны.
У нас живая жизнь кипит, ликует день весны.
А там кладбищенский покой, там плачут, Астара,
И днем и ночью вольный свет там прячут, Астара...

У нас рабочие поют Интернационал,
А там в лачугу и в подвал хозяин их согнал.
Там что ни день резня, грабеж, горюет Астара...
В безумьи старый дервиш там танцует, Астара...

Там вор, мошенник и торгаш—паломник в Кербалау,
Там рынок женских тел и плач на уличном углу...
Там биржа... Все там продают: хулу и похвалу.
Там, что ни двор, то нищета без края, Астара...
Там палачи гнетут сирот, родная Астара...

1927 г.

* Арбаб—помещик.
** Гылман—райские отроки.
*** Шахниса—собирательное имя азербайджанки.

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ

О чем ты плачешь и стонешь, беспамятная сова?
Какую память хоронишь и чьи повторяешь слова?
Ты плачешь зимой и летом, не радуешься весне;
Враждуя с солнечным светом, от всех живешь в
стороне.

Какою тоской безотзывной твой мутный взор
напоен?
Стенанья твои заунывны, как песни старых времен.
Твой дух безумьем ужален; ты, верно, с ума
сошла,—

Поэтому стены развалин жилищем ты избрала.
Ты плачешь, угрюмая птица... О ком же рыдаешь
ты?

Не знаешь ты, чья гробница во тьме, где витаешь
ты?

Под щебнем этой руины—могила многих рабов.
Здесь каждый обломок старинный рассказывает
без слов

О долгих муках народа, о том, кто вот здесь казнен
И рушащегося свода осколками погребен.
Принявши бичи и раны, здесь сотни костыми легли,
И зарослями бурьяна их руки вверх проросли.

Здесь каждый обломок свода—рассказ о страданиях
дев...

Гудят по ночам дымоходы, в их гуле—угроза и
гнев.

Здесь, виденным горем наполняясь, камень от
скорби нем.

Здесь жили сотни невольниц, для хана взятых в
гарем.

Тысячи юных желаний были раздавлены здесь,
Тысячью горьких страданий все обесславлено здесь.
Угрюмая цепь преступлений уводит в сумрак веков,
И муки девушки пленной звучат в стенаниях соев.
Доныне еще не истлели невольничьи кости в цепях,
И чудится, что ногами те цепи гремят впотьмах.
Дворец разрушен годами, но память жива о нем.
Хан выходил отсюда с фарманом*, мечом и огнем.
Но не мирился с неволей,—героев рождал народ,
Сила росла в народе, копилась за годом год.
И против зла столетий вырос могучий враг,
Крепло желание мести, зрело во всех сердцах.
Будущее поднималось... И у народа в груди
Горели мечты о восстании, пылающем впереди!
И вот эти своды пали под громом грозных годов,
И вот эти своды стали дневным убежищем сов...

Нет ханов! Много народом одержано было побед...
И все вокруг изменилось, и сов на развалинах нет.
Империю пала навеки.. Исчезла вражда племен,
И нами к счастливой жизни широкий путь проторен.
Обуздываем природу, противостоем судьбе.
Умения мы не знаем в трудах, в ученьи, в борьбе,
В грядущее путь широкий сквозь время нами
прорыт,
Трудились мы, как герои, смеясь над тем, кто
грустит.

Летите отсюда, совы! Пусть больше не будет сов!
Не нужны угрюмые птицы стране молодых бойцов!
И пусть на развалинах встанет дворец, рассвета
светлей,—
Над прахом героев павших сияющий мавзолей.

1928 г.

* Фарман — указ.

В СВАДЕБНУЮ НОЧЬ

I

Темнеет. Звезды зажигает высь...
В селенье лампы тут и там зажглись.
Вечерней песнею звенит простор,
Седой чобан сгоняет стадо с гор.
Не молкнет блеянье овец, ягнят.
С полей далеких пахари спешат.
Мычат воли и кони громко ржут...
Но вот притих в домах крестьянский люд.
Плеяды тихо скрылись за горой,
Звезда закрылась тучей, как чадрой...
Лес, как невеста, в думу погружен...
На небе и земле покой и сон.
Поет пичужка где-то в стороне,
Сова нет-нет у-укнет в тишине.
И ручейком журчит во тьме ночной
Дастан о горе девушки одной.
Но почему же в этот поздний час
Вон там, вдали, свет лампы не погас?

II

Давно весь край охвачен крепким сном,—
Но загляните в этот шумный дом.
Какие песни, пляски, игры тут!
Невесту скоро, скоро увезут.

Опять и женщин, и ее подруг
Яллы * сплетает в быстроногий круг.
Ударят в бубен—отвечает саз.
Чуть девушки присядут—парни в пляс.

Присядут парни—девушки опять
Идут под плеск мужских ладош плясать.

Все говорит—уста, глаза, сердца:
Ах, если б ночи не было конца!

А девушки,—как рдеют щеки их
От пересмешек женщин молодых.

На лбах и лицах серебрится пот,
Но кто же от веселья устает?

Здесь каждый увлечен своей мечтой,
Кто радости своей прикажет: стой!

Лишь у невесты в комнате—беда:
Невидимо печаль вошла туда.

III

Те, что невесту увезти хотят,
Уставили на дверь тревожный взгляд.

Телли прекрасная луны бледней.
Та пудрит, та румянит щеки ей...

Та заплетает косы ей, а та
Красавицы нарядом занята.

Ей тонкий стан стянули кушаком,
Украсили узорчатым платком.

Одни пришли, чтоб ласково обнять,
Другие—оглядеть ее опять...

В ладони спрятала лицо Телли,
Чтоб слез ее увидеть не смогли.

Ей, деревенской девушке простой,
Не люб весь этот шум и блеск пустой.

* Яллы—национальный танец.

Жених не мил со дня помолвки ей.
Сказать отцу—что может быть страшней?!
Улучит время—живо на балкон,
И взор тоскливо к лесу обращен.

И что-то шепчет в тишине она,
И словно слышит скорбь ее луна.

А может быть не зря глаза Телли
Кого-то, щурясь, ищут там, вддали?

Ведь, комсомолка смелая Сола
Ей покаялась помочь. Но где-ж она?

Телли отправила подружку к ней,
Но от Соны все нет и нет вестей.

Сулит спасенье шорох ей любви,
Любая тень несет ей жизнь с собой...

IV

Двенадцать бьют часы, поет петух...
Отец сердит, енгя * бранится вслух:

Чего невеста медлит—срам и стыд!?
Телли и впрямь в неволю не спешит.

Все ждет вестей от дорогой Соны,
Вот, кажется, шаги ее слышны...

Нет, нет, бедняжка, это не Сола!
Неужто вовсе не придет она?..

Но вскоре по-иному все пошло
Телли, Телли исчезла—всем на зло!

Искали свахи хоть бы малый след,
Обшарили весь дом—невесты нет!

Отец от злости заревел наварьд,
И обезумевший жених кричит:

— Скажите, где она? Пропала честь!
Ее похитил враг... В поговю!.. Месть!!

* Енгя—сваха, которая должна сопровождать невесту в дом жениха.

Всех, кто помог украсть мою жену,
Я искромсаю... Я с Телли начну!

Я нанесу ей двести ран подряд.
Она забыла веру, шарият...

И вот ножом жених вооружен—
О, погодите, всех проучит он!

Увы, беглянки затерялся след...
И в поисках застал его рассвет.

Лишь утром все узнал он о Телли,
Однако, гнев и боль уж прошли...

И этому причина, видно, есть,
Что так поспешно он забыл про месть.

Бьет сам себя он кулаками в грудь;
Сону ругает: ведь не кто-нибудь,

Вяновница его беды—Сона:
Телли с балкона увела она!

Проклятие! Со свадьбы увела...
О, эти комсомольские дела!

Да, вырвалась из волчьих лап Телли,
Лежит кябин * растоптанный в пыли.

И у подруги боевой в дому
Она спешит стереть с бровей сурьму.

Не нужно золотых браслетов ей,
Серебряных сережек для ушей...

Парча, атлас ей также не нужны,—
Приятно сбросить бремя старины.

Зачем Телли вся эта мишура?
Ее богатство—черных глаз игра...

Герой Сона! С тобой ей по пути:
Ей верным ленинским путем ити!

Вас подвиг ждет! Встречает вас рассвет,
Неповторимых комсомольских лет.

1925 г.

* Кябин—брачный договор.

ЖЕНА

Ваапери сидела всю жизнь и не знала подруг жена.
Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

День и ночь я ее ругал, чтобы верила: „Муж—
глава.“

Мог я голову ей разбить, чтобы знала мои права,
А теперь, сколь ни бьюся я,—в грош не ставит мои
слова.

Все грубее себя ведет, стала злее гадюк жена.
Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

У нее на уме „Совет“, а в мечтах ее „женатдел.“
Научилась читать, писать... Книгу тащит с собой
в постель.

Отошла от домашних дел. Школа—вот теперь ее
цель.

Не понять, у кого и где набралась этих штук жена.
Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

Потеряла совесть и честь. Я не жду от нее добра.
Говорит:—„Я чадру сниму. Опротивела мне чадра.“
И какой негодий ее от родного отвлек двора?
Ей не страшен алах. Не ждет за грехи свои мук
жена.

Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

Раньше бороду мне она так умело красила хной,
Вместо книжек, в ее руках тазик с розовой был
водой.

На меня молилась она и жила одним только мной.
Всем довольна была всегда, хоть не знала наук
жена...

Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

Я теперь не муж, не глава, не хозяин в доме своем,
Я женою чести лишен, и не мил мне отныне дом,
Стыд забыла она, а я на людей гляжу со стыдом.
Все разрушила, все до тла разорила вокруг жена.
Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

Мусульмане,—ну, кто из вас равнодушно может
взглянуть

На жену, что ночной порсой из театра свершает
путь?

Если рядом нету жены, разве можно мирно
заснуть?

Разве можно на свете жить, если дьявола друг—
жена?

Как советская власть пришла—вмиг отбилась от
рук жена.

1923 г.

Что ж оказалось?!—Весь дрожа,
Себя за бороду держа,
Он бил себя же по лицу,
Крича:—„Попало подлещу?“

И с той поры и ночь и день
Молле одно твердить не лень:
—Во сне, и то злодей шейтан
Не оставляет мусульман!!

1927 г.

СВЯТОЙ ОТЕЦ

Вот рамазан пришел опять—раскрыл свой рот
молла.
Прочистив глотку, день и ночь вопит, орет молла.

Лишь позовут его—придет, мешок наполнит свой,
Набьет бурдюк и шашлыком, и пловом, и лапшой,
Кушак распустит и, кряхтя, отправится домой.
Едою жирной тешит свой большой живот молла,
Взамен лекарства иногда мацони пьет молла.

Когда, наевшись, на минбар, как глыба, лезет он,
Все думают, что дирижабль ползет на небосклон.
Обратно спустится, рыгнет—весь воздух сотрясен.
Но вновь явился аппетит и снова жрет молла,
Свершает—словно заводной—круговорот молла.

Унылый месяц рамазан приносит траур всем,
И лишь для одного моллы не грустен он совсем.
Пускай фанатики себя казнят... Ему зачем?
Ведь в этом месяце всегда пышней живет молла,
Наряды приобрел для жен на целый год молла.

Четыре у него жены, наложниц—пятьдесят,
Еще служанки, впрочем, есть. Служанки—просто
клад.

Для всех занятие он найдет... Он каждой очень
рад!

И слух прошел, что новых пять на днях найдет
молла.

Не уменьшает, говорят, своих щедрот молла.

Без денег—жизнь не в жизнь молла, плавать тогда
на всех.

Без денег—и петух его запеть сочтет за грех.

Без денег—курице его кудахтать просто смех.

Без денег—лаять во дворе псу не дает молла,

Одним деньгам лишь воздает всегда почет молла.

1915 г.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Ты прежде совершал кляби за сладкий куш,
молла,

Ты каждый день читал никях* для глупых душ,
молла.

В кармане золотом бренчал, добром наполнил дом,
Спешил ты к сотне тайных жен и к явным
четырем,

Втирал согражданам очки, был в плутнях удалцом,
Без денег ближних оставая, о, ловкий муж—молла.
И многим отравая мозги, болтая чушь, молла!

Когда в деревню ты въезжал, встречал тебя народ,
Плов с куропатками несли, чтобы заткнуть твой
рот.

А нынче, увидав тебя, метлу любой берет,
И говорит:—Твоя душа грязнее луж, молла!
Вернуть былое ты теперь не больно дюж, молла.

Теперь тебя не пригласят на завтрак и обед,
Аба** не в моде, на чаму сегодня спросу нет,
Не подберешь теперь из жен ты для себя букет.
Смеются люди над тобой:—У нас не глушь, молла!
Ты не прочтешь теперь никях для глупых душ,
молла!

* Н и к я х — молитва.

** А б а — плащ молла.

Чем больше грамотных людей, бессильней тем
Тем меньше в мире простаков и „верных“
И наши женщины давно раскрыли твой обман.
С тех пор, как сельсовет у нас,—прощай твой куш,
Кябин уже не совершишь для глупых душ, молла!

1925 г.

ПЛАЧ КУЛАКА

Ай, беда! Теперь ныне наши жены!
Ох, сидят в Совете ныне наши жены!

Тяжко жить! Плохое время наступило.
Мешади Керим совсем лишился силы.
Председатели в платках для нас не милы.
Позабыли о святыхе наши жены,
Ох, сидят в Совете ныне наши жены!

Если женщина простая вышла в люди,
Уважать теперь она тебя не будет
И навеки путь в наложницы забудет.
Не пойдут в ярмо к мужчине наши жены,
Ох, сидят в Совете ныне наши жены!

Богачи не в моде стали в нашем крае.
Бросил лавочник Кадыр мечтать о рае,
Ведь таких, как он, в Совет не избирают.
На невиданной вершине наши жены,
Ох, сидят в Совете ныне наши жены!

Не пойму я, в чем секрет такой напасти:
С мужем наравне жена теперь у власти!
Почему права такие бабьей касте?
Не послушны хворостине наши жены,
Ох, сидят в Совете ныне наши жены!

1926 г.

РОЖДЕНИЕ „ХАДЖИ“ ✓

I

Жил был один драчун и скандалист,
Пред ним любой дрожал, как в бурю лист.
Он по базарам шлялся с юных лет...
— Кочи,^{**} — шептал народ ему вослед.
Предпочитал он жить холостяком
И чуть не каждой юбкой был влеком.
Чуть где приметит женщину—беда!—
Бесстыдно оскорбит ее всегда...
Все обходили улицу его—
Не признавал разбойник никого.
Никто вступать с ним не решался в спор,
Не начинал с ним первым разговор.
Когда он речь держал—народ смолкал,
Везде и всюду был он „дасакал“.^{***}
На свадьбах иль поминках, как закон,
Был председателем бессменным он.
Ох, было худо тем в своем дому,
Кто лучший кус не подавал ему.
Он в списках приглашаемых гостей
Всегда был первый, муж почтенный сей.
Но окажись там первым кто другой—
Тогда держись, хозяин дорогой!
На праздник иль на траурный обед
Вел стаю дармоедов дармоед.
И угощал друзей своих, и вновь
Лилась гостей или хозяев кровь.
Коварство, козни, ложь—его дела.

* Хаджи—человек, побывавший в Мекке.

** Кочи—бандит, разбойник.

*** Асакал—бурливо: белобородый, старейшина.

Так достохвально жизнь его текла.
Он жил в довольстве, презирая власть,
Умел он взяткой отстранить напасть.
Судья, и пристав, и богач, и вор
Вели такой, примерно, разговор:
— Вы дайте нам кусочек пожирней,
А проглотить сумеем мы, ей-ей.
Разбойник всех воров держал в руках,
Всякая в них и днем и ночью страх.
Барышники властителю их душ
В испуге выделяли крупный куш.
Торгаш ему отшивал поклон—
И брал поборы с каждой лавки он.
Мясник ему мясо бесплатно слал,
Поклажу задарма носил амбал,*
Кто кишмиша, кто масла, кто цыплят
Ему доставит на дом—рад не рад!
Баранов, кур, гусей, отрез сукна—
Несли к нему с рассвета до темна.
Шашлычник ли, кондитер, фруктовщик—
Любой пред ним почтительно поник.
Не знал весь мир подобных нагнецов—
Несли дары ему со всех концов.
Хоть он и мнимым был холостяком,
Но, век в блаженстве проводя таком,
Решил: „Женюсь—и заживу с женой.“
Но где найти красавицу с мощной?

II

Жил в городе богач на богачей,
Нуждой, бедой не трогаясь ничьей.
Стяжанием, как воздухом, дыша,
На поминанья не давал гроша,
Не ел, не пил—все денешки копия
И всей округой ненавидим был.
Умрет—не даст вам пары медяков...
На просьбы нищих был ответ таков:
— Поймите: плохи у меня дела,
Нужда меня, беднягу, извела!

* Амбал—посыльщик.

Давно у скряги умерла жена,
Осталась у него лишь дочь одна.
Ее старик не выпускал из рук:
Не навимать же, боже мой, прислуг.
Когда кто к дочке сватался, старик
Выталкивал того злодея вмиг.
Был скупостью безмерной истощен
И умер, наконец, как нищий, он.
Ему на гроб сложились богачи—
Пусть видит дочь, их слезы горячи!
И все „хаджи“ прогнали жен своих
И посмотрите: каждый вновь „жених“.
Еще покойник не успел остыть,
Как сваты всю свою явили пруть...
И рой краснобородых маклеров
Стараться дни и ночи был готов.
Еще и не обмыли труп кочи,
А женихи подрались—хоть кричи.
Сцепились бакалейщик, розехан,*
Гази** и кербалай***—сплошной туман!
Хоть гроб еще земля не приняла—
Уж свадебную песнь завел молла.
Все прощальны города, вся знать
Пришли себя невесте показать.
Оплакивали старца мешади,
Молитва—на устах, а что—в груди?
Когда ж поднять настало время гроб,
В истерике завыл весь этот скоп.
Кто грудь себе ногтями разодрал,
Кто обморок на славу разыграл...
Тот бить себя по голове давай,
А этот громче всех кричать:—Вай-вай!
Я видел это все,—но не спросил:
Кто здесь трудился из последних сил?
Кто наносил воды? Кто обмывал?
Кто рыл ему могилу,—не был вял?
Кто саван распорол, очаг разжег?

* Розехан—духовное должностное лицо.

** Гази—духовный судья.

*** Кербалай—посетивший „святое“ места.

Кто прокричал „фата“*, чтоб слышал бог?
Хаджи и кербалай! Женихи!
Здесь—ни одной заплатанной чохи.
Они святой исполнили закон,
Покойник всеми был благословлен.
Невесту утешать настал черед.—
Казалось: рамазан** ревмя ревет.
Моллам пришлось тайком слюнить глаза:
Что делать, если не идет слеза?
Читала вслух—обычай мусульман,—
В мечети и в дому святой коран.
И важно промышчал шейх-уль-ислам
Последнюю главу корана сам.
Все к богу возвели глаза свои
И горестно воскликнули:—Дан!***
И вот благочестивая семья
Посланье пишет в горние края:
„Прекрасен был покойника удел,
Он избегал дурных и темных дел.
Весь век он веру соблюдал свою...
О, приюті, аллах, его в раю!“

Но, хоть крепка у них с аллахом связь,
Афера эта им не удалась:
Сиротку молодой пленил кочи.
Бежали—кто куда—бородачи!
Женился, бородой оброс—и в путь.
Конечно—в Мекку,—не куда-нибудь.
В грехах покаялся—и был прощен...
И вот в чаме домой вернулся он,
И говорят степенные мужи:
—Как непорочен новый наш хаджи!

1921 г.

* Значительное восклицание на похоронах.

** Рамазан—месяц поста.

*** Дан—дьял.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Творческий путь М. С. Ордубады—Мир Джалаля . . .	3
Тавриз туманный (пьеса), перевод А. Садовского . . .	13
Тавриз туманный (главы из романа) перевод Олега Эрберга	97

Стихи

На смерть Ленина, перевод П. Антокольского	159
Астара, перевод П. Антокольского	160
Ханский дворец, перевод В. Державина	161
В свадебную ночь, перевод П. Панченко	163
Жена, перевод Ю. Фидлера	168
Модаль, перевод Ю. Фидлера	170
Сон моллы, перевод Ю. Фидлера	171
Святой отец, перевод Ю. Фидлера	173
Прежде и теперь, перевод Ю. Фидлера	175
Плач кулака, перевод Ю. Фидлера	177
Рожденье «хаджи», перевод П. Панченко	178

Редактор В. Регина
Художник К. Ханларов
Технический редактор Р. Гусейнов
Корректор Г. Дондаров

Полностью к печати 9.XI-50 г. Бумага
84X10 1/2—3 бумажных листа—9,8 печати
листа. Учетно-издательских листов—9.
ГФ 06569. Заказ № 674. Тираж 13.000.

Управление по делам полиграфпромышленности, издательства и книжной торговли при СМ Азербайджанской ССР
Типография им. 26 комиссаров.
Баку, ул. Али Байрамова, № 3.

1807-352

Q-7

+

679635

М. С. ДУБАДИ

СЕЧИМДІ ЭСЭРЛƏРИ

М. АЗƏРБАЙЖАН • 1950